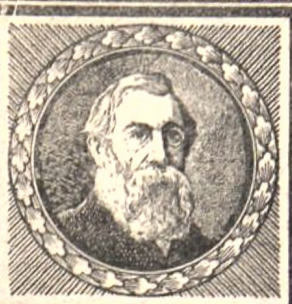


КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ВЫХОДИТ ОДНОВРЕМЕННО НА РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ, НЕМЕЦКОМ и АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Журнал выходит под редакцией Г. Зиновьева и при ближайшем участии Бухарина, Каменева, Ленина, Луначарского, Покровского, Рязанова, Троцкого (Россия); Куусинена, Маннера, Сирола (Финляндия); Гримлунда, Стрема, Хеглунда, Чильбума (Швеция); Транмеля (Норвегия); Вейнкупа, Гортера, Паннекука, Равестейна, Роланд Хольст, Рутгерса (Голландия); Грубера, Томана (Австрия); М. Альберта, Леви, Радека, К. Цеткиной (Германия); Панкхерст, Ротштейна (Англия); Гильбо, Лорио, Парика, Садуля, Сомоно (Франция); Балабановой, Серрати (Италия); Мюнценберга, Платтена, Эмбер Дроза (Швейцария); Бела-Куна, Рудаша, Рудянского (Венгрив); Мархлевского-Карского (Польша) и мн. др.

№ 9.

ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА:
ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КОМНАТА 32-33 ТЕЛЕФОН 161-20 и 1-19
РЕДАКЦИЯ: ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, НАБ. Г. ЗИНОВЬЕВА

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ БОИ 1919 ГОДА И БОРЦЫ РЕВОЛЮЦИИ.

Памяти Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Льва Иогихеса, Евгения Левинэ, Франца Меринга и всех преданных делу революции отважных борцов, павших в 1919 году.

Введение.

14-го января исполнился ровно год с тех пор, как Роза Люксембург и Карл Либкнехт были вражеской рукой вырваны из нашей среды, поплатившись жизнью за свою преданность революции и социализму. Они пали за дело, дававшее содержание всей их жизни,—не в открытом бою, не от руки рыцарски-честных противников, рисковавших в бою своей собственной жизнью. Будучи совершенно беззащитными, находясь в руках офицерской камарильи, они были подло, из-за угла убиты наглыми палачами-золотопогонниками, в гнусном злодеянии которых расчет на получение награды, обещанной за головы убитых, играл не меньшую роль, чем чувство фанатической ненависти. Об этом говорит хотя бы один тот факт, что банда убийц, у которой хватило решимости для подлого дела и у которой хватило наглости для еще более подлой попойки после него, не нашлав себе достаточно мужества для того, чтобы взять на себя ответственность за содеянное. Скандальные процессы Рунге-Фогеля и Марло и так и не дождавшееся судебного разбирательства скандальное дело Скляреча—говорят совершенно недвусмысленным языком о весьма умелом сочетании идейных соображений с деловыми рассчетами,—сочетании, характеризующем ту зловонную почву, на которой выросли отвратительные преступления, жертвами которых стали Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Лео Иогихес и другие передовые борцы пролетарской революции.

Это сочетание идейности с расчетом имеет свое особое значение. Оно наглядно показывает, как далеко зашел уже процесс распада буржуазного общества. Возведение убийства из-за угла руками наемных убийц на степень дозволенного метода политической борьбы; бессилие правительства, его доброжелательная терпимость по отношению к таким убийствам, а может быть даже тайная поддержка их; громкое одобрение их широкими кругами имущих и господствующих классов; освобождение убийц судом от наказания,—все это—яркие и несомненные симптомы политического, морального и правового разложения того общественного строя, о сохранении которого навеки так усердно хлопочут все Эберты, Шейдеманы, Бауэры и Давиды в тесном духовном союзе с Эрцбергерами, Дернбургами и Штиннесами. Прибегая к поступкам, отвратительным по своей нравственной низости и подлости, для того только, чтобы избежать открытой, честной борьбы со своим непримиримым противником, буржуазное общество само, против своей собственной воли, доказывает, что оно вполне созрело для гибели, что его уничтожение необходимо в интересах общественной морали так же, как и в интересах общественного хозяйства.

Убийцы своей предательской рукой хотели навеки заставить замолчать обличающих, зовущих массы на борьбу вождей: Розу Люксембург, Карла Либкнехта и других, разделивших их участь борцов. Но дело, которому они служили с такой беззаветной преданностью, продолжает жить, и самая смерть убитых борцов дает ему новую жизнь. А между тем, убийцы наших незабвенных товарищей живут, живут прекрасно и весело, дело же, которому они продались, носит в самом себе зародыши смерти,—оно обречено на верную гибель. Немезида истории не терпит насмешек над собой. Революционный авангард немецкого пролетариата не должен ни на

минуту забывать это. В работе, в борьбе этого авангарда должна продолжаться жизнь убитых, пока не будет достигнута цель, сплачивающая нас узами, которые сильнее смерти; цель эта — коммунистический строй; ради нее жили, за нее отдали свою жизнь жертвы контр-революции.

Январьское восстание в Берлине.

Мы переносимся мысленно к началу января 1919 года.—Не прошло еще и двух месяцев после ноябрьской революции. С каждым днем все яснее становится то, что борьба ведется, как это и утверждали все время коммунисты, не за частности революции, а за всю революцию в целом, за ее сущность, содержание и цель. Буржуазная реформа или пролетарская революция — вот как стоит вопрос. Иными словами: новая форма государства или новый общественный строй; полное развитие господства буржуазии посредством буржуазной демократии и дальнейшее существование капиталистического строя, — или классовая диктатура пролетариата, осуществляемая посредством советского строя, и установление социализма. Все очевиднее становится, что социалдемократия большинства вместе со с оим близнецом, бюрократией профессиональных союзов, позорно, но вполне последовательно продолжает свое, так же позорно и так же последовательно начатое 4 августа 1914 года дело: предательство социализма и переход в лагерь капитализма. Отведение бушующего революционного потока в узкие тихие каналы приличной реформы, в осуществлении которой „с удовольствием" примут участие буржуазия и юнкерство — вот цель их честолюбивых мечтаний, достойных раба, не смеющего даже помыслить о своей свободе.

Трепещущее от страха перед капиталистами правительство Эберта-Шейдемана-Ландсберга, стараясь воспрепятствовать победе нового строя, смещает в Берлине начальника полиции Эйхгорна, члена Независимой Социалдемократической Партии. Это распоряжение лишь одно из звеньев в целой цепи действий, сознательно направленных к разоружению революционного берлинского пролетариата и к вооружению контр-революционной буржуазии. Оно должно послужить введением к полному отказу пролетариата от революции, к безропотному подчинению рабочих игу капитализма, и вместе с тем должно быть прологом к жалкой комедии социал-демократического правительства, стоящего у власти лишь милостью буржуазии.

Революционный авангард берлинских рабочих испытывает жгучий позор от полученной им пощечины. Он делает то, чего требуют от него его долг и честь, он поднимает брошенную ему перчатку. Не имея ясного представления об историческом положении и не будучи в состоянии произвести правильную оценку соотношения сил, не имея и руководителей, которые сумели бы наметить и точно установить конкретный об'ект борьбы в соответствии с положением вещей и с силами борющихся сторон и которые решились бы направить всю наличную революционную энергию на достижение точно намеченной цели, — революционный авангард берлинского пролетариата перегибает палку в другую сторону. Он не довольствуется энергичным выступлением под лозунгами отмены отставки Эйхгорна, удаления из Берлина контр-революционной гвардии Носке, вооружения рабочих и подчинения военных сил рабочему контролю. Он идет дальше и выдвигает требование, вокруг которого могли тогда сплотиться все революционные элементы в стране: он требует отставки правительства предателей-ренегатов.

Он призывает ко всеобщей забастовке, которая неизбежно должна превратиться во всеобщее восстание, призывает к борьбе с врагом, для которого эта борьба должна решить вопрос о жизни и смерти. Все это происходит в такой обстановке, при которой берлинские ударные батальоны революции неминуемо ожидает участь парижских коммунаров. Не говоря уже о широких рабочих массах остальной Германии, даже столичный пролетариат не стоит сплоченной массой за этим авангардом. Далее, в самый разгар борьбы вместо решительных действий ведутся с врагом переговоры, а тем временем восстание теряет свою ударную силу. Отдельными эпизодами этого восстания являются захват „Vorwärts'a", отнятого у берлинских рабочих кликой партийных заправил, а также захват других демократических газет, оказывавших братскую поддержку официальному органу Шейдемана в славном деле бросания палок в колеса революции и обливания ее пионеров потоками грязи.

Революционный авангард берлинских рабочих преисполнен страстной жажды борьбы, он борется с героическим мужеством. Он уступает только подавляющему превосходству тяжелых снарядов и минометов, он истекает кровью, будучи жертвой тупости, недостатка революционной сознательности и отсутствия энергии у пролетарских масс в Берлине и вне его. Парламентеров из редакции „Vorwärts"'а убивают после ужасных пыток. Белогвардейцы восстановляют тишину и спокойствие тем способом, которому они научились за четыре слишком года братоубийственной войны. Зверь буржуазного порядка мечется в бешеной ярости. Он мстит за то, что ему на одну минуту пришлось испытать страх за свои печатные станки, за целость своих тюков бумаги и денежных шкафов, словом за то, что для него—самое святое: за неприкосновенность частной собственности. Он обливает восстание ядовитой слюной лжи и брани, он словом и делом принимает участие в отвратительных насилиях над беззащитными пленниками, он, надрываясь, кричит о необходимости новых и новых убийств.

В этой атмосфере ненависти, страха, упоения победой, кровавого похмелья — на коммунистическую партию взваливается вся ответственность за возникновение восстания и весь его ход. „Долой Спартака!" — кричат теперь все, для кого революция является страшным судом. А между тем, вожди только что основанной и еще не окрепшей коммунистической партии совсем не руководили январьским восстанием. Трезво оценивая положение, они требовали, чтобы рамки выступления были с'ужены и чтобы вся энергия была сосредоточена на достижении одной, ограниченной этими рамками цели. Когда же борьба, которая, по их убеждению, была ошибочно задумана и неправильно начата, тем не менее, разразилась, они не могли, конечно, нанести борцам удар в спину. Они вынуждены были содействовать тому, чтобы коммунистическая партия поддержала вступивших в борьбу пролетариев по-

стольку, поскольку это позволяли ее принципиальные и тактические взгляды.

Несмотря на это, судьбе угодно было, чтобы на коммунистов и их вождей обрушились обвинения в том, что они были зачинщиками январьского восстания; против них разразилась теперь буря ненависти и поднялась бессовестная травля, забрасывавшая их грязью клеветы и грозившая им убийством. „Смерть Либкнехту! Смерть Люксембург!" „На фонарь Либкнехта и Розу Люксембург!"—неистово завывали каждый день сотни тысяч листков; того же в едва прикрытой форме требовали благонамеренные газеты; о том же с солдатской прямотой говорили между собою офицеры, которым была гарантирована безнаказанность и награда за убийство.

14 января кровавая волна восстановленного порядка уносит на своем гребне трупы Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Потрясение, произведенное их ужасной смертью, ускоряет кончину их верного соратника и друга Франца Меринга, несокрушимое некогда здоровье которого было надорвано многомесячным заключением, особенно гибельным для 70-летнего старца. Так умирает и этот великий вождь германского рабочего класса, тоже (хотя он и умер „естественной" смертью) ставший жертвой грандиозной схватки между революцией и контр-революцией.

Мартовские дни в Берлине.

Февраль-Март 1919 года.—Неискренними революционными речами Национальному Собранию не удалось усыпить революцию, ибо речи эти сопровождались явно контр-революционными делами. Белый террор гвардии Носке оказался также не в силах задушить революцию. Революционное брожение снова становится сильнее.

Так же как после ноябрьских событий в 1918 г., но еще стремительнее, еще неудержимее вздымается забастовочная волна, яростно ударяющая в самые устои потрясенного, размытого шквалами всемирной войны капиталистического здания. Она возникает в рейнско-вестфальском каменноугольном районе, захватывает среднюю Германию, разветвляется в сторону Бадена, Баварии, Вюртемберга, вовлекает в свой водоворот все новые и новые профессиональные группы и достигает в Берлине в сьма внушительной высоты. Отдельные требования о повышении заработной платы, выдвигаемые восставшими рабами капитала, обладают теперь одной общей осью кристаллизации, проникнуты одной и той же волей: социализация, советы, советская власть—таковы лозунги движения.

Правящие и играющие в парламентаризм защитники буржуазного порядка теряют теперь свою самоуверенность. Они идут на уступки, в расчете на революционную незрелость масс,—на уступки, конечно, чисто словесные. Появляются громадные рекламы мошенников политического гешефта, заявляющие, что „социализация подвигается", что „социализация проводится в жизнь" и т. д. Лидеры социал-демократического большинства в Берлине в глубине души решительно осуждают стачку, но, оставшись перед бурлящим потоком массового движения, они, скрепя сердце, делают вид, что поддерживают ее. Вожди независимых лишь на половину одобряют борьбу, и вот, на этот раз опять в критический момент решительные действия заменяются переговорами. С незначительными местными отклонениями, общая картина борьбы в большинстве мест Германии получается одна и та же. Движение раздробляется и распыляется прежде, чем правительство оказывается вынужденным заменить жетоны своих обещаний полновесной монетой революционных действий. А там, где революционеры, восставшие против капитализма и капиталистического государства, проявляют упорство в борьбе, защитники „порядка" кровью и железом возвращают их к прежнему рабскому состоянию.

С членской книжкой социал-демократической партии в одной руке и с саблей генерала Галифэ в другой, Носке спасает новое государство богачей; он становится любимым героем всех фабрикантов, торговцев, биржевых дельцов, спекулянтов, юнкеров, маклеров, политиканствующих мещан, профессоров, пасторов-пангерманцев и дам света и полусвета различной легкости поведения. Его соратники: Меркер, Герстенбергер, Лютвиц и др. пожинают теперь в гражданской войне в Германии те лавры, которых им не пришлось получить в грабительской империалистской войне. Но, по мнению этих господ, необходимо особенно жестоко наказать авангард берлинского пролетариата за то, что он не захотел отречься от своих социалистических идеалов и революционных требований, несмотря на пример Эберта, Шейдемана и их друзей Вельса и Эрнста и несмотря на „воспитательную" деятельность центрального органа поощрителей подлости и ренегатства.

Не успела еще схлынуть забастовочная волна, как незначительное вооруженное столкновение между „правительственными" и „неблагонадежными" воинскими частями—инсценированное, как это доказано, контр-революционным провокатором—дало правительству повод выпустить на пролетариат свору кровожадных псов в стальных шлемах. Носке тотчас же вводит в Берлине осадное положение. Всякий, при ком окажется оружие, подлежит немедленному расстрелу. Охранники Носке набрасываются на „мятежников", как дикие звери, и грабят их, как капиталистически цивилизованные европейцы, обирая до последней нитки еще не остывшие жертвы своей кровожадности. Поручик Марло, с благословения Касселя и Носке и по приказу полковника Рейнгардта, расстреливает 29 коварно заманенных в засаду матросов, превращая их в груду истерзанных, обезображенных тел; так охотники расстреливают зайцев, согнанных в одно место доезжачими для того, чтобы легче было их перестрелять. По улицам тянутся бесконечные вереницы арестованных. Тюрьмы и казармы оглашаются воплями подвергаемых пыткам жертв. Нагромождаются новые и новые горы трупов. Число убитых и замученных определяется теперь уже не десятками, как в январе, а сотнями и тысячами.

И снова упившиеся кровью контр-революционеры вопят: „Долой Спартака! Смерть спартаковцам!" А спартаковец—это всякий внушающий подозрение пролетарий, который смеет сомневаться в благодетельной святости капиталистического строя с его собственнической демократией, который не благоговеет перед триединством, состоящим из любви

Эберта к народу, государственной проницательности Шейдемана и благородной человечности Носке.

И опять-таки коммунистическая партия вовсе не „устроила" стачку и не руководила ею. Заключить при посредстве независимых соглашение с явно поготовлявшими измену социал-демократами большинства и бюрократами из профессиональных союзов она, конечно, не могла; не могла она также пойти за вождями независимых, с их вечными колебаниями и сомнениями, с их громкими словами и скромными делами. Сохраняя верность своему знамени, она должна была идти своим собственным путем; вместе с тем, она не могла оставаться и в „блаженственном уединении", в стороне от борющихся пролетарских масс. Она должна была стремиться к поднятию стихийно разразившейся стачки до уровня сознательного политического выступления масс, с вполне определенной платформой; она должна была приложить все усилия к мобилизации еще более широких масс и к поднятию их на еще более высокую ступень революционного сознания и революционной воли. Но взрыву вооруженного восстания она во всяком случае нисколько не способствовала.

И несмотря на это, свора буржуазных разбойников снова набрасывается на нее! Опять оказывается, что из всех партий и организаций на долю коммунистической партии выпадает честь самой смертельной ненависти со стороны врага и самых тяжких жертв. Ее помещения, склады, типографии подвергаются варварскому разгрому, ее литература расхищается и уничтожается. „Красное Знамя", это драгоценное наследие Розы Люксембург и Карла Либкнехта, об'является под запретом. Из вождей партии некоторые арестованы, за другими гонятся по пятам полицейские ищейки, и они вынуждены покинуть пределы Германии или скрываться. Палачи буржуазии убивают Лео Иогихеса, который после Розы Люксембург был самым дельным политическим вождем партии, самым талантливым организатором. Хотя Лео Иогихес никогда не выступал публично и громадному большинству „спартаковцев" лично не был даже известен, бандиты „порядка" все же разыскивают его, ранним утром вытаскивают его из квартиры и заключают в Моабитскую тюрьму. Он подвергается здесь самым зверским истязаниям, не вырвавшим, однако, из его уст ни одного звука, и в заключение Таумшик, убийца Доренбаха, выстрелом сзади убивает его. Само собою разумеется, что это произошло „при попытке к бегству", на лестнице Моабитской тюрьмы, за семью дверями и засовами, так же как Либкнехт был застрелен при „попытке к бегству" в темном Тиргартене. Попытки к бегству, при классовой диктатуре преклоняющейся перед порядком буржуазии, неизбежно оказываются роковыми для борцов революции. А разным Фогелям, Марло и другим убийцам они всегда благополучно удаются: те спокойно уезжают на заранее приготовленных автомобилях, без всякого труда ускользая из рук военного правосудия.

Мюнхенская советская республика.

Май 1919 года.—Мюнхен, веселый, разгульный Мюнхен, город упитанных, краснощеких мещан, страстных поклонников пива, город пестрой, живущей лишь данной минутой богемы, превратился теперь в осажденный и завоеванный город. На улицах слышатся лишь ружейные и пулеметные выстрелы, стрекотанье пулеметов, взрыв ручных гранат, да слова команды, говорящие о массовых расстрелах; на улицах видны лишь белогвардейцы, упивающиеся кровью спартаковцев, да пышащие злобой и ненавистью „граждане", аплодирующие палачам и требующие все новых убийств и пыток. В рабочих кварталах, в районах, где неистовала борьба, у стен каждого дома, в каждом дворе смерть подстерегает всех мужчин и женщин, которые своей одеждой, поведением, видом возбуждают подозрение в том, что они вместе с „красногвардейцами" принимали участие в борьбе за советскую республику. Самые низменные свойства человеческой натуры вылезают теперь на свет божий, и повсюду справляются шумные оргии шпионства и доносительства. Куда ни взглянешь — массовые казни и бесконечные вереницы арестованных, которых ждут физические и нравственные муки и смерть от руки палача.

Ни в чем до сих пор не проявлявшееся единство новой Германии теперь нашло себе блестящее выражение в тесном, дружеском сотрудничестве добровольческих и охраннических батальонов из всех отдельных „отечеств"; все они общими усилиями стараются задушить Мюнхенскую советскую республику. Старые, глубокие „культурно-национальные" противоречия между истыми баварцами, швабами, баденцами и „северными кафрами", между „свиньями-пруссаками" и саксонцами — исчезают, как дым, в кровавом угаре, охватившем буржуазную молодежь, учащихся, бухгалтеров, инженеров, обывателей, а вместе с ними и безработные отбросы всех классов; все они сплотились теперь для защиты денежных шкафов капитализма и всего существующего строя, установленного от века самой природой и волей божиею. Мучительное беспокойство за проклятое Кольцо Нибелунгов, за блестящее золото, за капиталистическую собственность, за ее господствующее положение, и смертельная ненависть к революционному пролетариату, угрожающему этим „священнейшим благам" народов Европы и всего мира — вот тот прочный цемент, который спаивает в наши дни воедино все политические партии, всю буржуазию новой Германии. Ибо и в новом демократическом наряде Германия остается все той же капиталистической страной, в которой господствует буржуазия, с ее белым классовым террором. Мюнхенские события доказали это с полной очевидностью.

Революционное выступление мюнхенского пролетариата с исторической точки зрения представляет собою нечто большее, чем новое, „исправленное и дополненное" издание январьских и мартовских боев, „проредактированное" всевозможными политическими сотрудниками. Оно является по отношению к этим боям тем же, чем является научный эксперимент по отношению к научной формуле. Я этим не хочу однако сказать, что сама советская республика, представляющая собою душу и смысл борьбы, должна рассматриваться, как поставленный согласно научной формуле эксперимент. Отнюдь нет. Поскольку в Мюнхенской советской республике воплотилась массовая воля и массовое действие, она была стихийным, непо-

средственным проявлением классовой борьбы пролетариата. Исторически сложившиеся силы искали себе в ней социального выражения и социального воплощения в формах, которые также были вполне обусловлены историческим развитием. Это резко бросается в глаза, когда мысленно следишь за ходом мюнхенских революционных боев, читая прекрасный этюд П. Вернера: „Баварская советская республика.“) В Мюнхене лозунг революционного пролетариата—советский строй и социализация—был осуществлен на деле руками самых пролетариев, страстно желавших добиться освобождения от капиталистического рабства.

Советская республика в Мюнхене возникла, правда, вначале как „фарс“, как „мнимо-советская республика“. По меткой характеристике Вернера, она, словно нелепый и смешной гомункул, вышла из реторты литературных и политических алхимиков. Провозглашение советской республики было задумано социал-демократами большинства, желавшими предательски обмануть восставших рабочих фальсификацией советской идеи—буржуазной советской республикой; их поддержали при этом независимые, которые, как флюгер, поворачиваются во все стороны, не зная, чего они в сущности хотят, что они тактически могут сделать, и, как это следует осуществить стратегически; далее, в провозглашении ее приняли участие честные, прямолинейные гуманитарные тупицы, и, наконец, всякие грязные политические авантюристы и дельцы. „Она была плодом затруднений и интриг социалистического правительства, анархических донкихотских выходок и беспринципной политики независимых“. Этот подкидыш увядал, как трава с подрезанными корнями. Он представлял собой полное ничтожество, ничего не мог сделать и ничего не сделал. Контр-революционная вспышка одним пинком ноги могла бы отбросить его прочь.

Но вот, на фабриках и заводах с несокрушимой силой пробивает себе путь воля к превращению мнимо-советской республики в подлинную, советскую республику. Избранные представители трудящихся масс берут в свои руки судьбу советского строя. Меняются не только люди, которым вверено руководство революцией, изменяется самая сущность, самое содержание мюнхенской революции, и возникает пролетарская советская республика.

Правда, это происходит при такой исторической обстановке, в которой уже в самый час своего рождения новая пролетарская республика обрекалась на смерть. Массовая воля, массовая активность были направлены по ошибочному пути. Массы видели перед собой лишь блестящую цель, они не обращали никакого внимания на трудный, усеянный камнями и терниями путь, отделявший их от этой цели.

Такая страна, как Бавария, страна с безусловным преобладанием сельского хозяйства, находящегося в руках богатого крестьянства, и с весьма незначительной промышленностью; страна, в которой обостренные классовые противоречия в современном смысле слова не играют решающей роли,—не могла служить почвой, для возникновения пролетарского, социалистического советского строя в Германии. А пролетарские массы в других, капиталистически более развитых частях страны оставались слепы и глухи к тому примеру, который подавали им их братья в Мюнхене.

Между тем, контр-революция проявила весьма тонкое чутье в оценке мюнхенских событий. С трогательным „национальным“ единодушием вдруг об'единились все Эберты, Гофманы, Блосы и Градноуэры для совместного оплевания и оклеветания Мюнхенской советской республики; сплотились и Носке, Гасс, Герготт и Эпп — для утопления республики в крови.

Революционные дни заканчиваются страшной, потрясающей трагедией. История советского Мюнхена — это повесть о слишком рано прилетевшем жаворонке, который, поддавшись соблазну яркого солнечного света, в холодный день поднялся с торжествующей песнью высоко к небу, но тут же, дрожащий от холода, умирающий, упал на замерзший луг. Печальная картина, но вместе с тем она дает нам надежду и уверенность в том, что весна непременно наступит.

Опыт пролетарской советской республики в Мюнхене вызывает в памяти слова Карла Маркса о том, что пролетариат, будучи гигантом по своим задачам и силам, так же гигантски велик и в своих ошибках и заблуждениях. Это революционное выступление было колоссальной ошибкой, но—такова уже живая диалектика истории—вместе с тем оно было крупным шагом вперед: пролетарские массы на этот раз смело приступили к сломке старого капиталистического государственного аппарата и к замене его новым строем, отдающим в их руки всю полноту власти. Сравнительно с январьскими днями, мы видим значительное обогащение пролетарской борьбы революционным содержанием, значительный рост революционной смелости масс. Будущее пролетарской революции представляется сильным, многообещающим.

Отношение коммунистов к мюнхенским событиям было по самому существу дела определено заранее. С презрением они настойчиво отказывались признать эту гаерскую мнимо-советскую республику. А в бурных попытках трудящихся масс создать подлинно пролетарскую советскую республику они не могли не видеть преждевременного выступления. Но когда бой разгорелся, когда рабочие смело и решительно взялись за оружие, коммунисты не могли оставаться пассивными зрителями. Они должны были постараться, чтобы настоящее со всеми его заблуждениями и ошибками послужило плодотворным уроком для будущего, залогом того, что в следующем выступлении массы проявят больше сознательности и единства. Таким образом, они явились как бы доброжелательными критиками и советчиками масс во всех неуверенных и часто ошибочных попытках мюнхенского пролетариата провести в жизнь и отстоять советский строй. Без всяких колебаний они взяли на себя свою долю труда и ответственности, вступив в Советы в самый тяжелый момент, когда Советы особенно нуждались в сознательном, твердом руководстве. И они добросовестно несли бремя этой трудной ответственной работы до тех пор, пока не обнаружилась с полной ясностью обусловленная всем об'ективным положением неизбе-

*) P. Werner „Die Bayerische Räterepublick, Tatsachen und Kritik“. Frankes Verlag, Leipzig. Настоятельно рекомендуем читателю ознакомиться с этой брошюрой.

дость революционной вспышки мюнхенского пролетариата. Ушедшие было после поражения в отставку социал-предатели и буржуазные тупицы снова оказались калифами на час, и снова воскресла на миг шутовская мнимо-советская республику

И в Мюнхене мы видим, как вопль „долой спартаковцев"! является об'единяющим паролем для контр-революционеров всех мастей, и из лагеря социал-демократии большинства, и из рядов буржуазии. Вопль этот вдохновляет буржуазных хулителей, изливающих потоки лжи и грязи на советскую республику, под его аккомпанимент обрушиваются ружейные приклады на головы заподозренных в революционности мастеровых-католиков. Сотни невинных приговариваются к смертной казни, даже после восстановления безопасности банковских сейфов.

В мартовские дни в Берлине, во имя буржуазнаго порядка, были убиты сотни людей. В Мюнхене были расстреляны тысячи. Среди них, вместе с цветом революционнаго рабочего класса, пали и самые энергичные, сознательные и преданные сторонники коммунизма.

И здесь жестокий рок унес одного из самых стойких, самых ценных вождей — Евгения Левинэ. Он не был предательски убит, подобно Карлу Либкнехту, Розе Люксембург и Лео Иогихесу, он был „казнен". Но разница тут лишь чисто внешняя. В действительности Левинэ пал от руки трусливых убийц, и прозрачный юридический покров инсценированного по всем правилам искусства судебного процесса с особенной силой подчеркивает их трусость. Пуля, пронзившая грудь Левинэ во исполнение приговора, которым закончилась эта гнусная судебная комедия, не только уложила наповал борца-коммуниста, но нанесла смертельный удар и буржуазной справедливости.

Дальнейшее развитие революционной борьбы.

Вспомним, что промежуток времени, начинающийся январьским восстанием в Берлине и заканчивающийся провозглашением советской республики в Мюнхене, был отмечен непрерывными волнениями, забастовками и революционными столкновениями, в которых обе борющиеся стороны проявляли величайшее ожесточение.

В Бремене, Дюссельдорфе, рейнско-вестфальском каменноугольном бассейне, в Брауншвейге, Галле, Эрфурте, Гамбурге, Штутгарте, Хемнице, Лейпциге, в Верхней Силезии и в ряде других мест—было пущено в ход оружие для того, чтобы доказать рабочим всю благодетельность капиталистического строя. Трудно указать промышленный город в Германии, где земля не обагрилась бы в эти дни кровью восставших пролетариев.

Распыленность революционной борьбы, а может быть и близость ее к нам по времени, мешают нам видеть все ее величие, правильно судить о ее размерах и значении. Но если соединить отдельные, разбросанные явления в одно целое, восстановив их внутреннюю связь, и если взглянуть на это целое в исторической перспективе, то невозможно не признать, что за эти несколько месяцев авангард германского пролетариата сделал грандиозный, полный величайшего значения шаг вперед по пути революционной, освободительной борьбы.

Какой ничтожной, почти безобидной по сравнению с этой страстной, настойчивой, ожесточенной, кровавой борьбой представляется революционная борьба немецкой буржуазии против феодального государства, несмотря на всю романтику тайных обществ, конспиративных заговоров, идущих в атаку об'единенных легионов, вырастающих, как из под земли, баррикад и отливаемых в глубокой тайне пуль.

Уже самое начало революционных выступлений резко подчеркивает это различие. С одной стороны—гигант-пролетариат, вышедший из простора фабричного производства, сплачивающего во-едино тысячи людей; с другой—мирное, добродетельное мещанство, живущее в тесноте средневекового города с его игрушечно-мелким цеховым ремеслом; с одной стороны — стремление к цели, совпадающей с неотвратимым ходом истории: к установлению нового общественного строя, к созданию нового мира, в котором будут разрушены все классовые перегородки между людьми; с другой—желание придать новую форму государству лишь для того, чтобы установить и обеспечить господство нового добивающегося власти класса.

В истории Германии мы знаем лишь одно движение, которое можно поставить наряду с революционными боями 1919 г.; это—грандиозное восстание крестьян против своих господ и угнетателей. Участники этого восстания тоже, более или менее сознательно, стремились к новому общественному строю: они хотели установить коммунистическое „царство божие на земле". Идеальные требования христианства, направленные в сторону внутренней жизни и потустороннего мира, должны были при этом влить струю новой жизни в реальные остатки древнеязыческого общинного хозяйства и, таким образом, способствовать созданию новаго общества.

Что пролетарская революция за этот период приблизилась к своей грандиозной цели, это не подлежит сомнению. По своему содержанию и историческому смыслу революционная борьба все время продолжала развиваться по восходящей кривой. В январьские дни в Берлине авангард немецкого пролетариата стремился обеспечить революции свободу движения и действия. Он как бы производил рекогносцировку, обследуя поле предстоящей битвы, и посредством низвержения правительства, под социал-демократической вывеской служившего интересам капитала, стремился устранить с пути революции то препятствие, которое, по его убеждению, больше всего заграждало ей путь.

Мартовские дни в Берлине имеют еще отчасти такой же смысл, но только отчасти. В связи с их исходной точкой и с революционным движением в других областях страны существенной чертой для них является требование социализации и советского строя. Требование это еще довольно неясно и туманно. Пролетарские массы надеются еще, что это требование будет удовлетворено в законодательном порядке правительством и парламентом того самого государства, подлинная капиталистическая природа которого недвусмысленно заявляет о себе треском пулеметов и гулом тяжелых орудий. Таким образом, в содержании мартовских боев

отражаются еще самые туманные представления о сущности Советов, идеи о гармоническом сочетании парламентаризма с советским строем, старые иллюзии о ценности буржуазной демократии и т. д.,— словом, все те слабости сознания и воли, которые наложили свой характерный отпечаток на выработанную как раз в эти дни тактическую программу Независимой Социалдемократической Партии.

Историческое значение мюнхенской борьбы состоит в том, что она показывает громадное расстояние, пройденное сознанием пролетарского авангарда со времени январьских дней. Смысл этой борьбы, вне всякого сомнения, заключался в разрушении капиталистического государства, в установлении пролетарской диктатуры и нового коммунистического строя. Конечно, смысл этот искажался еще в то время неясностями, иллюзиями, неуверенностью в оценке явлений и нерешительностью действий, но тем не менее именно он представлял собою тот центральный пункт, вокруг которого складывались революционные события. И тем не менее необходимо признать, что в Мюнхене авангард пролетариата боролся, уже освободившись от целого сонма политических и социальных предрассудков. Таким образом, этот этап революционной борьбы не только по своим размерам, настойчивости, обилию жертв, но и по историческому своему смыслу является кульминационной точкой схватки между буржуазией и рабочим классом. Он сохранит поэтому свое значение и для дальнейших революционных выступлений, хотя бы они вначале и возобновлялись на более низком уровне. Подобно зажженному вдали сигнальному огню, горит пред борющимся пролетариатом Германии образ мюнхенской советской республики.

Результат революционных боев.

Но разве, несмотря на рост сознательности авангард немецкаго рабочего класса не шел все время от поражения к поражению? Ведь он потерял тысячи своих самых неустрашимых борцов, он лишился своих незаменимых вождей; не значит ли это, что вся борьба была напрасна? Где политические и экономические достижения этой революционной борьбы, продолжавшейся с января до мая? Так спрашивают маловеры и трусы, которые никогда не победят, ибо никогда не решатся на смелый, рискованный шаг. Так спрашивают и те умничающие резонеры, для которых революция, борьба пролетариата за освобождение, есть простая арифметическая задача; они думают, что решение этой задачи получается путем сложения бесконечно малых „положительных" величин. Конечным доводом их премудрости остается мораль мещанской пошлости, заявляющей, что лучше синица в руки, чем журавль в небе. В переводе на политический язык это означает, что пролетариат должен предпочесть худой мир, соглашение с капитализмом на почве буржуазной демократии и парламентаризма, достижение социальных реформ и коллективных договоров — революционной борьбе за уничтожение капитализма.

Каким жалким кажется это рассуждение по сравнению с той старинной моралью, которую некогда проповедывали лучшие представители борющейся буржуазии: „голодная свобода лучше золотой клетки рабства".

Пролетариат наших дней не может ожидать для себя при капиталистическом строе даже „золотой клетки рабства". Мировая война привела к неслыханному в истории уничтожению общественных благ и ценностей, к беспримерной разрухе всего общественно-производственного аппарата. Вместе с тем она поставила перед обществом в высшей степени сложные задачи преодоления создавшегося хаоса, устранения самых ужасных зол, борьбы с недостатком материальных и культурных благ. При таком положении вещей, дальнейшее существование основанного на извлечении прибыли капиталистического хозяйства и классового господства буржуазии может означать лишь самое безудержное, самое зверское усиление капиталистической эксплуатации пролетариата, которое грозит широким массам нищетой и рабством. Рабочий не в состоянии будет удержать в своих руках даже пресловутую синицу. Возврат к варварству—или завоевание политической власти и установление социализма — так ставится для него вопрос, и это вопрос не только жизни и смерти всего общества, но и его собственного, личного существования. Поэтому для него остается только одно: борьба!

Да и верно ли вообще, что революционная борьба принесла пролетариату одни только жертвы и не дала ему никаких выгод? Нет, безусловно не верно,—отвечает на этот вопрос история. Освободительная борьба пролетариата движется все время неудержимо вперед, но она не может постоянно развиваться по прямой линии, от победы к победе. Она делает повороты и извилины, у нее бывают свои под'емы и падения. Характерно для нее однако то, что даже поражение возвышает пролетариат, ведет его вперед, приближает к цели. Как это указывалось в „Коммунистическом манифесте", важнейшим результатом пролетарской классовой борьбы, ее историческим смыслом, является не то или иное „положительное" достижение, а повышение сплоченности, сознательности и активности неимущих и эксплуатируемых, как целого класса,—усиление их воли к борьбе за освобождение. С этой точки зрения, поражения борющегося пролетарского авангарда,—поражения, неизбежность которых диктуется живым историческим процессом развития—утрачивают свою парализующую силу. Ведь и они являются подготовительной ступенью для будущих побед. Подлинными поражениями они становятся лишь тогда, когда пролетариат выходит из них, проклиная свою судьбу, утратив веру в себя и в свое дело и ничему не научившись.

Мы уже указывали выше, что революционным боям своего авангарда в 1918 году пролетариат обязан достижением ясности лозунгов, выработкой более целесообразной тактики и ростом боевого настроения. Это выразилось в том „восстании" против политики профессионально-союзной бюрократии, которое разразилось в самом крупном из германских профессиональных союзов, — союзе металлистов. Сказалось это и в том решительном сдвиге влево, который под давлением возросшей сознательности масс совершается в недрах независимой социал-демократии, несмотря на то, что самые выдающиеся вожди этой партии не сочувствуют этому

сдвигу и даже открыто высказываются против него.

Не может быть сомнения в том, что опыт, почерпнутый в революционные месяцы, может весьма благотворно отразиться на будущей революционной борьбе. Для этого необходимо лишь, чтобы революционный авангард пролетариата давал себе ясный отчет в исторической обстановке и правильно оценивал силы своих врагов и друзей.

Он не должен, поддаваясь наускиваниям, вступать отдельными, небольшими отрядами в бой с подавляющими силами противника, не должен допускать распыления своих собственных сил. Его отважные ударные отряды должны научиться выжидать до тех пор, пока не подойдут тяжелые колонны. А тяжелые колонны пролетарской армии должны быть проникнуты сознанием солидарности всех участников революционной борьбы. Они должны помнить, что поражение каждого авангардного отряда, это их—собственное поражение. Капиталистический враг борющегося за освобождение пролетариата раньше и лучше его понял необходимость солидарности в борьбе. В каждом частном восстании своих рабов он усматривает опасность для всего дела. Для Носке, так же как некогда для Путткаммера, за каждой сколько нибудь значительной стачкой скрывается „гидра революции". Отсюда—постоянная концентрация контр-революционных сил для того, чтобы одним ударом нанести поражение революции. Мюнхенская советская республика была для охранителей капиталистического строя „национальным" делом, а для пролетариата она, несмотря на все трогательные изъявления симпатии, все время оставалась „местным" делом мюнхенских рабочих. Нам необходимо учиться у наших врагов.

Значение революционной традиции.

Со времени революционных боев 1919 года широкий кровавый поток лег между буржуазией и пролетариатом Германии. Через него невозможно перекинуть мост, как бы усердно ни хлопотали об этом социал-демократы большинства, на руках которых еще не высохла кровь убитых ими братьев.

Кровавый поток этот служит для пролетариата неисчерпаемым источником жизненных сил. В самом деле! Революционная борьба обогатила немецких рабочих величайшей идеальной ценностью, недостаток которой больно давал себя чувствовать и в их психологии и во всей их истории. Благодаря опыту гражданской войны, пролетарии Германии научились революционной борьбе, они научились бороться с врагом, располагающим всеми усовершенствованными техническими орудиями убийства. Кроме того, они узнали, что самая безукоризненная внешняя дисциплина, выражающаяся в аккуратной уплате членского взноса и в усердном распространении партийных листков—как ни важна она — сама по себе все же не может вывести обездоленных и эксплуатируемых пролетариев из пустыни капиталистического общества и привести их в обетованную землю коммунистического строя. Под однообразную трескотню пулеметов, в их души крепко вошло сознание того, что бывают исторические моменты, когда пролетариат без колебаний и сомнений должен отдать всего себя, отдать всю свою жизнь ради достижения своей цели. Боевые месяцы январь — май 1919 года создали в германском пролетариате революционную традицию, имеющую неоценимое воспитательное значение.

Этот факт знаменует собою завершение того периода освободительной борьбы пролетариата, который начался с окончанием франко-прусской войны 1870 — 71 годов и протекал под ее влиянием, как это было с гениальной прозорливостью предсказано Карлом Марксом. В Германии, куда переместился центр тяжести великой исторической борьбы между трудом и капиталом, исторический период этот ознаменовался вначале многолетней ожесточенной борьбой буржуазии против организующегося пролетариата. Капитализм, находившийся тогда еще в империалистических пеленках, мечтал об удушении социализма при помощи исключительных законов. Пролетариат защищался, борясь за свое существование в настоящем и будущем упорно, обдуманно и не жалея жертв. Однако, несмотря на весь героизм его терпения и боевой отваги, борьба эта не принимала характера открытого революционного боя. Она оставалась все время „малой войной", которая заключалась в хитроумном одурачивании всемогущих властей, в основанной на юридическом буквоедстве борьбе с прокурорами и судьями, в парламентских столкновениях с буржуазными партиями и с правительством.

В период действия закона против социалистов выработалась та убийственная для противника традиция строжайшей „законности", борьбы всецело и исключительно легальными средствами, которая характеризует классовую борьбу германского пролетариата до начала революции.

Та самоочевидная истина, что революционные методы борьбы при известных исторических условиях становятся излишними, что применения их в такой обстановке следует даже избегать, была превращена в исторически бессмысленный принцип, требующий чтобы пролетариат всегда и всюду избегал революционных боев. Условное превратилось в безусловное, в „категорический императив" пролетарской классовой борьбы. Традиция застыла, превратившись в мертвящую форму.

Карл Каутский, жрец и блюститель „чистого марксизма", так как его „понимало" правление социал-демократической партии, теоретически канонизировал эту тактику последовательного уклонения от открытого боя, как единственно благотворную „стратегию измора", и это как раз тогда, когда развившийся в полной мере империализм толкал пролетарские массы на грандиозные выступления, которые могли, обострившись, перейти в открытый революционный бой.

Всемирная война ясно показала даже самым близоруким, как насмеялась дерзкая действительность над разглагольствованиями Каутского о „превосходстве" „стратегии измора", в которую сейчас верят еще лишь те, кто вообще не желает революционной борьбы.

Кулак насильника Носке окончательно разбил в дребезги старую идиллическую традицию. Ныне в германском пролетариате господствует традиция революционных боев, ставшая исторической силой. Истекая кровью и обливаясь слезами, но с высоко поднятой головой, гордо, смело, с лицом, обра-

щенным к восходящему солнцу, традиция эта встала посреди германских рабочих.

Историческое значение революционной традиции пролетариата заключается в том, что она представляет собою его собственное создание, является плодом его собственного творчества. Кроме того, борясь и умирая за революцию, пролетарские массы выходят за пределы тех рамок, которыми буржуазный строй замыкает их жизнь и деятельность, и тем самым достигают полноты человеческой свободы, составляющей цель освободительной борьбы рабочего класса. Революционная традиция есть высшее проявление новой внутренней жизни, новой духовной деятельности пролетарских масс. Этим и об'ясняется ее увлекающая, воспитательная, творческая сила.

Готовность отдельных вождей пролетариата, подчиняясь велениям долга и чести, принять мученическую смерть в бою,—явление в высшей степени ценное. Оно способствует образованию индивидуально-революционной традиции, воспитывает революционеров в духе революционной традиции. Но эта традиция облекается в плоть и кровь лишь тогда, когда революционная борьба и смерть за революцию становятся массовым явлением, выражением великой внутренней идейной общности и свободной воли масс.

В жилах молодой еще революционной традиции немецких рабочих течет уже кровь пятнадцати тысяч павших героев, и биение сердец этих пятнадцати тысяч сливается в один мощный гул, будящий неподвижных и инертных, равнодушных и апатичных, колеблющихся и сомневающихся и настойчиво зовущий их все вперед и вперед.

Как друзья, так и враги революции усматривают решающий фактор победы русской революции в том, что во главе ее стали талантливые, крупные вожди. И все они ломают себе головы над вопросом о том, какие „национальные особенности" сделали то, что в России могла появиться гигантская фигура Ленина, крупные фигуры Троцкого, Свердлова, Зиновьева, короче говоря — вся плеяда большевистских вождей, и как раз в такое время, когда во всех остальных странах бросается в глаза недостаток умных и даровитых политических деятелей.

Глубокомысленные историки, задающие такие вопросы, не понимают самой сущности революции и не знакомы с историей революции в России. В России революция восторжествовала потому, что традиция продолжительной, унесшей тысячи жертв революционной борьбы породила таких деятелей, как Ленин, Троцкий, Зиновьев, Свердлов. Она выдвинула не только эти отдельные блестящие, выдающиеся личности по сотни и тысячи других Ленины, Троцких и т. д., сотни и тысячи мужчин и женщин, день за днем самоотверженно отдающих все свои силы для исполнения порученной им задачи и готовых до последней капли крови бороться за дело революции - просто и без всяких колебаний отдать жизнь за великое дело.

Павшие борцы революции.

В годовщину со дня смерти Розы Люксембург и Карла Либкнехта имена этих павших великих вождей, без сомнения будут на устах у всех искренних последователей международного социализма.

Борющийся пролетариат всего мира преклоняет свои знамена перед их могилами. С чувством благоговейной благодарности он чтит их, чтит и тысячи других, безымянных и неизвестных героев, погибших в 1917 году в борьбе с германской контрреволюцией. Кровавая участь Карла Либкнехта, Розы Люксембург, Лео Иогихеса и Евгения Левине является лишь отражением и символом участи масс. Когда вдаль устремленный взор блуждает по безграничному простору моря—глаз останавливается на светящихся вдали гребнях волн, говорящих о вечном движении вод. Но блестящие гребни волн являются лишь верхушкой движущихся водных масс, и блеск их проникает тем дальше, чем шире и могучее вздымающийся вал.

Если Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг, Лео Иогихес и Евгений Левине и в самый момент их смерти оказываются на гребне революционной волны, то это, конечно, не слепая игра случая. Всю жизнь свою они были воплощением бури, которая приводила в движение воды, вздымала валы и гнала их вперед. Их смерть была достойным завершением их жизни, отмеченной полным соответствием между убеждениями и поступками, всецело проникнутой революционной борьбой против темных сил, угнетающих, закабаляющих массы и под тем предлогом, что они якобы слишком бедны и незрелы, прогоняющих их с пира культурной жизни.

„Смерть Спартаку!" „Спартак—злейший враг всего общества!"—таков был клич, с которым убивались из-за угла выдающиеся вожди революционного пролетариата, и предавались смерти тысячи борющихся пролетариев. Клич этот был наивен и глуп, поскольку он выражал то мнение, будто „Спартак" „создал" январьские, мартовские и майские события. Но, вообще говоря, он не лишен был некоторого внутреннего смысла, ибо „Спартак" возбуждал и воспитывал в пролетарских массах тот бунтарский дух возмущения, который сказался в стихийном взрыве революции 1919 года.

Бессмертной заслугой наших погибших вождей навсегда останется их принадлежность к „Спартаку", словом и делом призывавшему рабов капитала к восстанию в то время, как вожди социал-демократического большинства, исполняя роль надсмотрщиков и тюремщиков, гнали массы пролетариев на кровавую мировую бойню; они продолжали воодушевлять массы и во время революции, когда социал-демократы большинства старались надеть на шею пролетариата старое ярмо, а вожди „независимых" робко и нерешительно стояли в стороне.

Что же такое „Спартак"? „Спартак"—это не только старая и вечно юная мечта человечества об освобождении от всех социальных зол, мечта, которая в самых разнообразных идеологических одеяниях проходит, ощупью отыскивая себе путь, через всю историю и находит себе выражение в пламенных мечтах поэтов, пророков и основателей религий. „Спартак" — это сознание, воля, деятельное стремление к осуществлению этой мечты, притом в высшей исторически-классической форме борьбы за свободу, за всеобщее полноправие всех участников, борьбы за международный социализм. Под знаменем международного социализма „Спартак" собн-

рает рассеянные и обманутые пролетарские массы и ведет их на борьбу с поработителями, в то время, как империалистический капитализм с полным презрением отрицает за этими массами всякое человеческое достоинство и попирает их ногами, принуждая их к братоубийству и к поруганию своего высокого идеала, к полному отречению от него. Под знаменем международного социализма собирает „Спартак" рассеянные и обманутые пролетарские массы и тогда, когда революция начинает свое шествие по Германии и когда ее стараются превратить в продажную наложницу буржуазного меньшинства. „Спартак" сплачивает массы рабов в одну боевую дружину, подготовляя последний решительный натиск. Под знаменем „Спартака" с непоколебимой верностью и преданностью общему делу работали и павшие вожди.

Вот Карл Либкнехт, талантливый, неутомимый агитатор, огнем своего глубокого внутреннего убеждения, пламенем своего увлекательного красноречия будивший и толкавший массы, пробуждая в них волю к свободе. Смелый солдат революции, он идет впереди масс, ни на минуту не спуская вдохновенного взора с великой цели. Он принадлежит к первым германским социал-демократам, заклеймившим милитаризм и империализм, как опаснейших смертельных врагов рабочего класса, и поставившим себе целью, не смущаясь ничем, побороть этих врагов. И Карл Либкнехт набирает для этой борьбы новые полки непримиримых борцов, призывая под знамена социализма—и в этом его великая, незабвенная заслуга—пролетарскую молодежь. Он предугадывает, предчувствует замышляемое в социал-демократическом лагере предательство и пытается мужественным ударом отразить его. Смеясь над опасностью, не считаясь ни с какими препятствиями, он без устали ведет ожесточенную, смелую борьбу, бурно, с истинно бунтарской настойчивостью и дерзостью бросаясь в самый огонь боевой схватки.

Карл Либкнехт, втечение долгого времени не встречая ни откуда поддержки, первый из целой сотни социал-демократических депутатов рейхстага поднял чистое знамя международного социализма над дымящимися от крови полями битв, и он стал учителем, руководителем, передовым борцом, великим, ободряющим примером для пролетариев всего мира. Преследования, годы тюремного заключения оказались не в состоянии сломить силу его убежденности, надломить его страстный боевой дух. Во время революции он борется с почти сверхчеловеческой выдержкой, продолжая ежедневно схватываться грудь с грудью с врагом, вплоть до того часа, пока он не пал, пронзенный пулями подло убивших его офицеров.

Рядом с Карлом Либкнехтом—другой „спартаковец", Франц Меринг, прирожденный рыцарь духа, перо которого, как меч разящий. Человек на редкость трудолюбивый, блестящий историк и писатель — он отказывается от всех выгод и почестей, которые ожидали его в лагере буржуазии, и с величайшей преданностью и самоотвержением посвящает всего себя пролетарскому делу. В самые тяжелые моменты он выдерживает испытание огнем и становится истинно революционным борцом.

Когда германское правительство для обезоружения и обуздания трудящихся пускает в ход закон против социалистов, Франц Меринг смело и решительно бросается в бой против сплоченной толпы насильников—капиталистов и юнкеров.

4-го Августа 1914 года, когда германская социал-демократия отрекается от себя самой и под варварские звуки патриотической музыки переходит на сторону империалистического врага, обрекая на гибель ради всемирного господства отечественной буржуазии миллионы рабочих, почти 70-летний уже Франц Меринг с юношеской пылкостью примыкает к крошечной группе стойких людей, об'являющих войну империалистам и социалпатриотам для того, чтобы освободить от их влияния одураченные ими пролетарские массы.

Помещая свои статьи в „Красном Знамени", он отдает революции последние искры своей пламенной силы. Дух „Спартака" говорит громким, убедительным языком в богатом литературном наследстве, оставленном им пролетариату.

С глубоким чувством благодарности мы обращаемся мыслью к Лео Иогихесу и Евгению Левинэ, этим двум „чужестранцам," которые, подобно „русско-польской еврейке" Розе Люксембург, всей своей деятельностью и своим участием в борьбе приобрели неотъемлемое право гражданства в сердце каждого любящего свободу германского пролетария. Их трагическая смерть наложила последнюю печать, навсегда закрепившую за ними это право.

Эти „чужестранцы" были международными социалистами в самом истинном смысле этого слова. Для буржуазного патриота отечество, как известно, там, где ему хорошо или, выражаясь более капиталистическим языком, там, где он может успешнее всего эксплуатировать других и наслаждаться жизнью. Для „спартаковцев" отечество было там, где социализм нуждался в их силах, где он требовал их жизни.

Имена Лео Иогихеса и Евгения Левинэ вписаны теперь неизгладимыми чертами в историю революции двух стран. При господстве царского террора Лео Иогихес—Тышко—переносит дух Спартака на польскую почву и способствует развитию творческих сил в пролетариате русской Польши. Вместе с Розой Люксембург он был основателем и вождем польской социал-демократической партии, нерушимо хранившей заветы интернационализма.

В эпоху революции 1905 года он твердым шагом, с ясностью во взоре идет во главе восставших рабов.

После бегства из царской тюрьмы, он отдается революционной работе в Германии. С того момента, как разразилась мировая война, он, как идейный товарищ и соратник, борется бок о бок со своим другом, Розой Люксембург, призывая пролетариев к великому историческому суду над разрушительным, гибельным для всего человечества капиталистическим строем. Он является организаторской рукой своего гениального друга, будучи вместе с тем и ее ни на минуту не умолкающей критической совестью, а подчас—оказываясь даже опережающим ее пионером движения.

Ему принадлежит громаднейшая заслуга в том, что агитационная и пропагандистская литература, ярко освещающая сущность империалистической мировой войны, клеймящая банкротство социал-демократии и подготовляющая класс эксплуатируемых к революции, несмотря на осадное поло-

жение, печатается и распространяется под самым носом у аргусов цензуры и полицейских ищеек. Можно даже сказать, что литература эта, в значительной своей части, никогда не увидела бы света без неутомимой настойчивости и инициативы Лео Иогихеса.

Его энергия имела решающее значение и для организации союза „Спартак", который должен был об'единить ударные силы восставших на борьбу рабов. Он успешно справляется с труднейшими задачами втечение революционных недель, и в его лице контр-революция убивает самого верного исполнителя политических заветов Розы Люксембург.

Евгений Левинэ в 1905 году также участвует в революционной борьбе в России и платится за это тюремным заключением. В Германии он отказывается от преимуществ, даваемых ему рождением в богатой семье и обширной научной подготовкой, он бросает свой университетский диплом и становится за станок как простой рабочий. Вместе с женой и детьми он, человек особенно впечатлительной и чуткой души, испытывает всю бесконечную горечь пролетарской нужды. Евгений Левинэ мужественно переносит все лишения. Ибо, по его воззрениям, тот, кто хочет вывести пролетариат из мрака его материального и культурного убожества к свету, на озаренные ярким солнцем высоты свободы, должен сам совершенно раствориться в пролетариате. А Евгений Левине ставит себе задачей идти в передовых рядах пролетариата, борясь за его дело и указывая ему путь.

Предательство социал-демократии и профессионально-союзной бюрократии толкает его в лагерь Спартака. Он поспевает всюду, где дело свободы нуждается в ясном уме и сильной воле, где чувствуется необходимость в добросовестном работнике и отважном борце. Евгений Левинэ борется вместе с участниками январьского восстания в Берлине, он организует рейнско-вестфальских горнорабочих, выступающих с требованием социализации и советского строя; в Мюнхене он идет впереди рабочих с знаменем коммунизма в руках и умирает с возгласом гордой уверенности в победе: „Да здравствует мировая революция!" на устах.

Павшие в 1919 году спартаковцы — это избранные, высоко подымающиеся над обычным уровнем личности, группировавшиеся вокруг той, кто представляла собою пылающее священным огнем сердце Спартака, его ясное, проницательное око, его стальную волю—вокруг Розы Люксембург.

Да, Роза Люксембург — это образ самого Спартака, бессмертного вождя-руководителя великого восстания рабов. Вся жизнь ее была сплошной работой и борьбой, вся жизнь ее была обращенным к рабам нашего времени призывом: Проснитесь! Вспомните, что и вы люди! Поднимитесь из мрачных трущоб к яркому солнечному свету. Грядет ваш день! Вся ее жизнь, это — труд и забота, героизм и самоотвержение, стремление к тому, чтобы эти рабы сами, своими руками написали свою хартию свободы и из смиренных носителей возложенного на них креста превратились в сознательных, мужественных самоотверженных борцов. Деятельность Розы Люксембург—это непрерывный ряд героических усилий, направленных к одной и той же цели. Ее личные свойства горят и сверкают, дают тепло и прохладу, рождают жизнь и приносят смерть, одухотворенные одной волей, непоколебимо направленной к одной и той же цели: к тому, чтобы пробудить в рабочих волю к деятельности и дать им способность к ней, для того, чтобы они могли привести в исполнение приговор истории над капитализмом.

С того дня, как Роза Люксембург начала жить сознательной жизнью, жизнь ее целиком принадлежала угнетенным и униженным. Это не была сантиментальная благотворительность, которая больше всего любуется самой собой — хотя никто, может быть, не обладал более чутким сердцем, более щедрой рукой, большей готовностью помочь ближнему, чем эта великодушная женщина — нет, ее воодушевляло стремление облагородить униженных и угнетенных, пробудив в них сознание и волю к освобождению от цепей и к завоеванию всего мира.

Едва выйдя из детского возраста, Роза Люксембург избирает своим отечеством и ареной своей деятельности Германию. Ибо, как подсказывало ей ее научное сознание, при тогдашней зрелости общества ближайшая решающая схватка в борьбе за пролетарскую свободу должна была произойти в Германии.

Роза Люксембург хочет повести рабов несокрушимыми, во всеоружии ясного классового сознания к победе. И вот, начинается ее многолетняя борьба с „неразумностью масс", ожесточенная, неутомимая борьба с буржуазной фальсификацией международного революционного социализма, заражающей все растущие круги социал-демократии. Она неустанно борется устным и печатным словом, в области теории и на практике, выступая на партийных с'ездах и народных собраниях, всюду, где рабам представляется возможность подсчитывать свои силы и приучаться к действию.

Деятельность Розы Люксембург достигает кульминационной точки в первый период мировой войны, когда современные рабы, преданные социал-демократией и обманутые басней о защите отечества, оставляют поле великой битвы за свое освобождение и с песнями буржуазного патриотизма на устах идут умирать на полях сражения империалистической войны. Деятельность ее остается на этой кульминационной точке и тогда, когда военное крушение германского империализма ставит перед пролетариями задачу превращения полуреволюции государственного переворота в полную революцию общественного обновления.

В эти тяжелые исторические моменты Роза Люксембург проявляет все свои свойства превосходного политического и революционного руководителя и вождя пролетариата. Из кровавого хаоса мировой войны она извлекает для рабочего класса победную уверенность в том, что близок час крушения капиталистического мира, скованного цепями рабства; она указывает на пример позорного банкротства социал-демократии и социал-демократического Второго Интернационала, она убеждает пролетариат в необходимости соблюдения высшего закона пролетарской классовой борьбы, закона международной солидарности всех эксплуатируемых, в необходимости перейти в наступление против капитализма, сплотившись в один общий Интерна-

ционал действия. За ясным сознанием у Розы Люксембург и теперь, как и всегда, следует энергичное, целесообразное, проникнутое пламенной страстностью действие.

Спартак начинает собирать и сплачивать отряды рабов.

Резко и определенно выступает теперь руководящая идея, с самого начала и до самого конца господствовавшая над всей жизнью и деятельностью Розы Люксембург: идея о том, чтобы, не ограничиваясь организацией верхушек рабочего класса, сплотить в одну мощную боевую силу всех эксплуатируемых и порабощенных, всех обездоленных и угнетенных буржуазным строем; чтобы собрать, говоря словами евангельской притчи, не только званых, не только членов богатых организаций, но и всех калек, дряхлых и слабых социальной жизни, влачащих жизнь под заборами и изгородями. Революционная борьба всех их сделает сильными и здоровыми. Не одни только узкие рамки партии должны об'единять всех, имеющих облик человеческий и могущих бороться, вынужденных бороться, но нечто более прочное, более длительное и неразрывное: общая идея, общая воля, направленная к одной и той же великой цели: к такому изменению мира, чтобы он стал достоянием всех, общей родиной всего свободного, гордого человечества, нивой творческой работы, источником чистого наслаждения.

Стремление к такой цели отнюдь не означает презрения к организации, отрицания ее необходимости и важности ее задач. Напротив того. По мнению Розы Люксембург, крепко сплоченная партия должна быть организационным позвоночником и руководящим мозгом гигантского боевого содружества деятельных масс. Но в этой партии форма не должна умерщвлять духа: не партия, а идея должна быть главной движущей силой. Дух, идея должны сплачивать и вне партии широкие массы работников физического и умственного труда в боевые фаланги, которым не мог бы противостоять и капиталистический строй.

Роза Люксембург пала тогда, когда рабы еще только начали стекаться под красное знамя Спартака. Но жизнь свою она отдала делу пролетарской борьбы еще задолго до момента своей ужасной смерти. Она отдавала ее ежедневно, ежечасно до последней капли своих сил. Мы знаем, что она в любой момент была готова скромно и радостно положить душу свою за дело революционного социализма. Мы можем быть убеждены в том, что она умерла мужественно, как умирали герои древности, умерла с непоколебимой верой христианской мученицы, последней мыслью своей приветствуя грядущую победу социализма, последним порывом чувства благославляя выпавшее на ее долю счастье, — служить делу социализма и в буре революции предвидеть его близкое торжество.

Политическая освободительная борьба германской буржуазии не знает деятелей, которые могли бы быть поставлены на ряду с нашими великими мертвецами 1919 года. Мы благоговейно склоняемся перед Робертом Блумом, Трючлером и другими, отдавшими свою жизнь или пожертвовавшими своей свободой в борьбе против феодализма. То были мужественные люди, проникнутые высокими идеалами, воодушевленные чистыми, возвышенными стремлениями.

И все же германская буржуазия не выдвинула из своих рядов в 1848 и 1849 годах ни целых групп революционных борцов, ни отдельных политических героев крупного размаха.

Ее выдающиеся бессмертные умы боролись в области литературы и философии, а не на жестокой почве политической действительности. Трагедия их судьбы заключалась в том, что их искусство и философия покрывали позолотой тот рабский строй, который они ненавидели и — по крайней мере в мыслях своих — разрушали; в то же время они покорялись этому строю и по мере сил служили ему, занимая, в большинстве случаев, какую либо незначительную должность.

Талантливый и изящный поэт, великий борец за свободу духа — Лессинг, после многих лет полуголодного существования, умер библиотекарем герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского. Рихард Вагнер, ясно сознававший связь между искусством и революцией, желавший дать человечеству новое великое народное искусство и в 1848 году боровшийся в рядах революционеров, был спасен от когтей нужды лишь благодаря милости полусумасшедшего монарха.

Классическое царство свободы пролетариата, социальная революция создается на жестокой, неприглядной почве политики. Оно означает мировой строй, представляющий собою вместе с тем и мировую свободу. Поэтому в борьбе за это царство свободы самую решительную роль играет миросозерцание, которое только и может придать борьбе духовное, нравственное величие, силу и способность порождать великих людей.

Нам придется вернуться далеко в глубь германской истории, к эпохе реформации, к крестьянскому восстанию, если мы захотим найти нечто равноценное социально-революционной борьбе наших дней, — и людей подобных тем, которые руководят этой борьбой, вынося на себе все ее бремя.

Правда, далеко не все эти люди — одинакового морального роста, и для „реформаторов" буржуазного строя из лагеря социал-демократического большинства оказались бы слишком велики исторические костюмы даже с плеча тех „тихоступающих" и „мирное житие ведущих" оппортунистов, против которых с огневой страстностью метали громы и молнии представители „бури и натиска".

Правда, и Мартин Лютер, после смелой попытки стать революционером общественного строя, удовлетворился несравненно более скромной ролью церковного реформатора. Но если поставить рядом с этим самобытным, исполненным нетронутой стихийной силы крестьянским сыном, ставшим поэтом и вождем, такое духовное светило нашего правительственного социализма, как д-р Давид, то этот доктор покажется нам маленьким, запыленным магистром-схоластиком.

Вся правительственно-социалистическая премудрость, вместе взятая, напоминает разве лишь одной чертой „реальную политику" „дорогого божьего человека", из вождя громивших замки крестьян превратившегося в друга князей, „секуляризировавших" или попросту прикарманивших себе церковные имущества. Черта эта — то мещанское благоразумие доброго отца семейства, с которым

Филипп Шейдеман предполагает удалиться в тихую политическую пристань Кассельского обербургомистерства, как и Лютер в свое время закончил дни свои в „умеренном благосостоянии", владея двумя монастырями, светским имением и фольварком.

Как в те времена, так и теперь, личностей самого крупного размаха мы встречаем там, где ведется борьба за то, чтобы выбить стоящую у власти собственность из занятой ею позиции и восстановить человека в его правах; там, где серьезно, благоговейно, с отважным презрением к смерти ведется борьба за коммунизм, за установление на земле царства божия, царства всеобщего равенства, свободы и братства, в истинном смысле этих слов; где люди борятся за превращение возвышенной, неземной морали христианства в политику здешней, земной действительности, в действующее здесь, у нас, на земле право.

На сотрясающейся, как поверхность вулкана, почве этой социальной борьбы встает гигантский образ Ѳомы Мюнцера, этого Спартака своего времени. Побуждаемый глубоким, искренним чувством, он жертвует всем, что обычно составляет смысл и содержание человеческой жизни для того, чтобы, взамен всего этого, приобрести лишь одну драгоценную жемчужину: полное растворение своей личности в служении одной настойчиво преследуемой цели.

Бесстрашный рыцарь духа и меча он хочет привести восставших крестьян и пролетариев цеховых городов в коммунистическое царство божие, вместе с ними он терпит лишения, с ними страдает, с ними борется и с ними умирает, великий в самой смерти, гигант по своему мировоззрению, своей вере, образ воистину бессмертный.

Павших вождей спартаковцев мы спокойно можем поставить рядом с Ѳомой Мюнцером, и они от этого сопоставления нисколько не умалятся, нисколько не покажутся незначительными. Роза Люксембург — личность вполне равноценная ему, личность такого же исполинского размаха, как он. Это должны будут признать все, когда над личностью, жизнью и деятельностью Розы Люксембург произнесет свой приговор не политический „суд", а беспристрастный суд истории.

Пусть плачут о революционных боях 1919 года и оплакивают их кровавые жертвы те, кто чувствует в них угрозу и удар своему могуществу, все политические плакальщицы обоего пола, ненавидящие борьбу, как голос своей нечистой совести, за то, что она напоминает им об их собственной бездеятельности, трусости и себялюбии. Нас никто не решится упрекнуть в равнодушном отношении к принесенным жертвам; мы каждый день с жгучей болью чувствуем всю их громадность. Эти бои нанесли нам раны, которых ничто не залечит до нашего последнего вздоха, они причинили нам потери, которых никто никогда не возместит. И тем не менее, из груди нашей вырывается громкий возглас: а все-таки! Все-таки и несмотря ни на что, „Спартак" останется верен борьбе и жертве. Революционные бои „красного года" не были напрасны, самые тяжелые жертвы не были тщетны.

Пятнадцать тысяч павших гордых борцов революции и бесчисленное множество заключенных в тюрьмах повествуют о том, что в недрах германского пролетариата началось сплочение масс, сознательно и с мужественной решительностью идущих на революционный штурм буржуазного строя. Они возвещают о том, что борьба развивается. Сплачиваются новые, еще более многочисленные отряды борцов, руководимые еще более ясными лозунгами, повинующиеся на этот раз более целесообразной тактике. Закаленным в огне, проникнутым уверенностью в победе выходит революционный авангард германского пролетариата из борьбы истекшего года.

Наше надгробное рыдание по вырванным из нашей среды борцам — это боевая клятва; в знак нашей скорби по ним — мы будем готовиться к борьбе, не теряя мужества и не предаваясь грустной покорности судьбе.

Историческая легенда рассказывает, что в битве народов на каталаунских полях противники бились с таким ожесточением, что души бойцов после их смерти продолжали сражаться в воздухе. Наши незабвенные, павшие соратники продолжают бой не в воздухе, а в нашей среде, вместе с нами. Они не могут умереть; никогда не умрет то, что они нам дали всем своим существом, всей своей деятельностью. Все это вошло в плоть и кровь бесчисленного множества пролетариев и в них претворилось в сознание, волю, действие. Тысячи Либкнехтов, Люксембург, Иогихесов, Мерингов и Левинэ народились теперь в среде пролетариата Германии и всего мира; тысячи новых борцов, равных убитым вождям по силе и чистоте убеждения, по стойкости характера и верности долгу, по смелости и самопожертвованию, находятся теперь в рабочих рядах. Поэтому не станем оплакивать их, а будем бороться! „Вновь звучат боевые сигналы, вновь начинается бой".

Капиталистическое хозяйство, буржуазный строй Германии давно уже созрели для гибели. Пред нами — яркие признаки разложения германского капитализма. Недостаток сырья и продовольствия, сокращение производства, упадок производительности, обесценение денег, вывоз ценностей заграницу, безработица, мародерские цены на предметы первой необходимости — эти явления, означающие злейшую нужду для многих миллионов, вместе с тем означают смертный приговор всему хозяйству буржуазного строя.

О том, что и политика буржуазии осуждена на смерть, свидетельствуют осадное положение, самооборона и добровольческая охрана, возрождение прежнего милитаризма, поклонение Гинденбургу и офицерам-заговорщикам из монархистских клик, парламентская болтовня о социализации, комедия разыскания виновников мировой войны, мошенничества с займами сберегательных касс, массовое производство бумажных денег, выдача трудящихся головой империализму Антанты в качестве козлов отпущения и об'ектов эксплуатации, политика бронированного кулака по отношению к Советской России и т. д. и т. д.

Падение буржуазной морали вопиет к небу, проявляясь в махинациях дельцов, маклеров и биржевых спекулянтов, и надувательстве властей с целью уклонения от уплаты налогов по военным прибылям, в скандале Склярец-Парвуса, в процессе Марло, в оргиях, которые сытые богачи справляют за счет голодающей бедноты.

Буржуазная Германия неудержимо приближается к тому состоянию, когда общество, по словам Карла Маркса, погибает оттого, что оказывается не в состоянии обеспечить своим рабам даже голодного существования. В господствующих классах Германии распространяется теперь настроение владык старого режима во Франции времен упадка: после нас хоть потоп!

Признаки упадка капиталистического строя наблюдаются и в странах победительницы-Антанты. Все яснее становится их бессилие разрешить, как они обещали народам, национальные затруднения посредством провозглашенного ими права народов на самоопределение; право это раздавлено теперь империалистским каблуком Антанты; не поможет им при этом и прославленное детище Вильсоновской мудрости—„Лига Народов", являющаяся оборонительным и наступательным союзом мирового капитализма для эксплуатации трудящихся во всемирном масштабе и для защиты себя от социализма.

Все очевиднее становится, что капитализм и в странах Антанты не в состоянии устранить социальные противоречия, справиться с ними. Несмотря на победу и на ожидавшиеся громадные денежные и товарные рессурсы, необходимые для „восстановления" всего разрушенного варварской войной, оказалось, что мировая война потрясла и в странах-победительницах хозяйство до самого основания, породила непреодолимые финансовые затруднения, обогатила немногих богачей и разорила громадное большинство населения.

Из кратера классовых противоречий вот-вот должен вырваться огненный поток революции, хотя упоенные победой имущие пляшут еще на тонком слое покрытой цветами земли, не обращая внимания на требующих свободы рабов „Спартака". Сумерки богов буржуазного строя наступают во всем мире с неотвратимой неизбежностью.

Нам в Германии не приходится однако с мучительным напряжением ожидать до тех пор, пока, как это бывало в революциях прошлого века, „крик галльского петуха" возвестит о наступлении зари свободы. Обратим наш взор на восток. Там заря свободы уже занялась. Там, вот уже два года, социалистическая советская Россия с беспримерным героизмом и самопожертвованием борется с затруднениями и опасностями, каких до сих пор не знала история, борется против контрреволюции внутри и против всех сил мирового капитализма извне.

Да будет Социалистическая Советская Россия нам символом, надеждой, залогом наступления новых времен, рождающихся из хаоса гибели буржуазного мира. Борющийся революционный германский пролетариат должен построить мост, по которому очищающий огонь революции, пожирающий капитализм, перекинется с востока на запад. Будем готовы, подготовим все, что нужно. Напряжем каждый мускул в работе и борьбе для того, чтобы дело стало духом и дух — делом! Спартак, подними выше свое знамя! Вперед, рабы! Все через революцию и все для революции!

Клара ЦЕТКИНА

ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА.

I.

Гражданин Жан Лонгэ прислал мне письмо, основное содержание которого состоит в тех же жалобах, что и в статье Лонгэ: „Как обманывают русских" („Populaire" от 10/I 1920). Этот номер своей газеты Лонгэ тоже прислал мне вместе с листком „Комитета по возстановлению Интернационала" („Comité pour la Reconstruction de l'Internationale"). В листке напечатаны два проекта резолюций к предстоящему в Страсбурге с'езду французской социалистической партии. Подписан листок от имени „Комитета по возстановлению Интернационала" 24-мя лицами:

Амедей Дюнуа, гражданка Фанни Клар, Косси, Делепин, Поль Фор, Л.-О. Фроссар, Эжень Фро, Гурдо, гражданка Лейсиань, Ле Трокэ, Поль Луи, Жан Лонгэ, Морис Морэн, Майера, Мурэ, Моранж, Палико, Пешер, гражданка Марианна Роз, Даниэль Рену, Сервантье, Сикст-Кенен, Томази, Верфейль.

Отвечать на жалобы и нападки Жана Лонгэ мне кажется излишним: достаточными ответами являются статья Ф. Лорио в „Vie Ouvrière" от 16/I 1920 г. под заглавием: „Потише, Лонгэ" („Tout doux, Longuet!") и статья Троцкого в № 7—8 „Коммунистического Интернационала" „Жан Лонгэ". Добавить к этому остается совсем мало; разве вот следовало бы собрать материал по истории провала стачки 21/VII. 1919. Но из Москвы я сделать этого не в состоянии. Я видел только в одной коммунистической австрийской газете выдержку из „Avanti!" с разоблачением гнусной роли в этом деле одного из гнуснейших социал-предателей (или анархо-предателей?), бывшего синдикалистского и антипарлам нтаристского крикуна Жуо (Jouhaux). Почему бы Лонгэ не поручить кому-либо работы, которую в Париже сделать легко, которая собрала бы все документы, все заметки и статьи европейских коммунистических газет, все специальные интервью по вопросу о провале стачки 21/VII. 1919 г. со всеми заинтересованными вождями и участниками? Эту работу мы бы издали с восторгом. Под „социалистическим воспитанием", о котором „центровики" всего мира (независимцы в Германии, лонгетисты во Франции, I. L. P. в Англии и т. п.) так много и охотно говорят, следует понимать не педантски-доктринерское повторение общих мест социализма, всем надоевших, никому, после 1914 — 1918 годов, не внушающих доверия, а неуклонное разоблачение ошибок вождей и ошибок движения.

Например: все вожди, все выдающиеся представители соц. партий, проф. союзов, рабочих кооперативов, которые в войне 1914 — 1918 годов были за „защиту отечества", поступали как предатели социализма. Разоблачать их ошибку неуклонно, раз'яснять систематически, что эта война была с обеих сторон войной разбойников за дележ награбленной добычи, что неизбежно повторение подобной же войны без революционнаго свержения буржуазии пролетариатом, вот это значит вести на деле работу „социалистического воспитания".

Именно названные мною резолюции о таком воспитании говорят, а на деле делают работу социалистическаго развращения, ибо прикрывают и замалчивают те измены, предательства, рутину, косность, шкурничество, мещанство, те ошибки, в преодолении которых, в сознательном избавлении от которых настоящее воспитание и состоит.

II.

Резолюции лонгетистов обе никуда не годны. Впрочем, оне очень годны для одной особой цели: для иллюстрации самаго, пожалуй, опасного зла для рабочего движения на западе в данный момент. Это зло состоит в том, что старые вожди, видя неудержимое влечение масс к большевизму и к советской власти, ищут (и часто находят!) выход в словесном признании диктатуры пролетариата и советской власти, на деле оставаясь либо врагами диктатуры пролетариата, либо людьми неспособными или не желающими понять ее значение и проводить ее в жизнь.

Как громадна, как необ'ятно велика опасность от такого рода зла, это особенно наглядно показала гибель первой советской республики в Венгрии (за первой погибшей последует победоносная вторая). Ряд статей в „Красном Знамени" („Die rote Fahne", Вена), центральном органе австрийской коммунистической партии, вскрыл одну из главных причин этой гибели: измену „социалистов", которые на словах перешли на сторону Бела Куна и об'явили себя коммунистами, на деле же не проводили в жизнь политики, соответствующей диктатуре пролетариата, а колебались, малодушничали, забегали к буржуазии, частью прямо саботировали пролетарскую революцию и предавали ее. Окружающие венгерскую советскую республику всемирно-могущественные разбойники империализма (т. е. буржуазные правительства Англии, Франции и т. д.) сумели, конечно, использовать эти колебания внутри правительства венгерской советской власти и зверски задушили ее руками румынских палачей.

Нет сомнения, что часть венгерских социалистов искренно перешли на сторону Бела Куна и об'явили себя искренно коммунистами. Но суть дела от этого нисколько не меняется: „искренно" об'явивший себя коммунистом человек, который на деле вместо беспощадно твердой, неуклонно решительной, беззаветно смелой и геройской политики — (только такая политика соответствует признанию диктатуры пролетариата) — колеблется и малодушничает, — подобный чело-

век своей бесхарактерностью, своими колебаниями, своей нерешительностью совершает такую же измену, как и непосредственный предатель. В личном смысле разница между предателем по слабости и предателем по умыслу и рассчету очень велика; в политическом отношении этой разницы нет—ибо политика—это фактическая судьба миллионов людей, а эта судьба не меняется от того, преданы-ли миллионы рабочих и бедных крестьян предателями по слабости или предателями из корысти.

Какая часть лонгетистов, подписавших рассматриваемые нами резолюции, окажется людьми первой или второй из названных категорий или какой-нибудь третьей категории, этого знать сейчас нельзя, и пытаться решить такой вопрос было бы пустым занятием. Важно то, что эти лонгетисты, как политическое направление, ведут сейчас именно политику венгерских „социалистов" и „социалдемократов", погубивших советскую власть в Венгрии. Лонгетисты ведут именно эту политику, ибо на словах они об'являют себя сторонниками диктатуры пролетариата и советской власти, а на деле продолжают вести себя по старому, продолжают и в резолюциях своих защищать и в жизни осуществлять старую политику мелких уступочек социал-шовинизму, оппортунизму, буржуазной демократии, колебаний, нерешительности, уклончивости, увертоk, умолчаний и тому подобное. Эти мелкие уступочки, колебания, нерешительность, уклончивость, увертки и умолчания в сумме неизбежно дают измену диктатуре пролетариата.

Диктатура слово большое, жесткое, кровавое, слово, выражающее беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть двух классов, двух миров, двух всемирно-исторических эпох.

Таких слов на ветер бросать нельзя.

Ставить на очередь дня осуществление диктатуры пролетариата и в то же время „бояться обидеть" Альбертов Тома, господ Браков, Санба, других рыцарей подлейшего французского социал-шовинизма, героев предательской газеты „l'Humanité", „la Bataille" и т. п., это значит осуществлять предательство рабочего класса,—по легкомыслию, по недостатку сознательности, по бесхарактерности или по другим причинам,—но во всяком случае это значит осуществлять предательство рабочего класса.

Расхождение между словом и делом погубило Второй Интернационал. Третьему от роду нет еще и году, а он уже становится модой и приманкой для политиканов, которые идут туда, куда идет масса. Третьему Интернационалу уже начинает грозить расхождение между словом и делом. Во что бы то ни стало, всюду и везде, надо эту опасность разоблачать, всякое проявление этого зла вырывать с корнем.

Резолюции лонгетистов (как и резолюции последнего с'езда немецких независимцев, этих германских лонгетистов) превращают „диктатуру пролетариата" в такую же икону, какой бывали для вождей, для чиновников проф. союзов, для парламентариев, для должностных лиц кооперативов резолюции Второго Интернационала: на икону надо помодиться, перед иконой можно перекреститься, иконе надо поклониться, но икона нисколько не меняет практической жизни, практической политики.

Нет, господа, мы не допустим превращения лозунга „диктатура пролетариата" в икону, мы не помиримся с тем, чтобы III-й Интернационал терпел расхождение между словом и делом.

Если вы за диктатуру пролетариата, тогда не ведите той уклончивой, половинчатой соглашательской политики по отношению к социал-шовинизму, которую вы ведете и которая выражена в первых же строках первой вашей резолюции: война, изволите видеть, „разорвала" (a déchirée) 2-ой Интернационал, оторвала его от дела „социалистического воспитания" (éducation socialiste), а „некоторые части этого Интернационала" (certaines de ses fractions) „ослабили себя" тем, что разделили власть с буржуазией, и так далее и тому подобное.

Это не язык людей, сознательно и искренно разделяющих идею диктатуры пролетариата. Это язык либо людей, которые делают шаг вперед, два назад, либо политиканов. Если вы хотите говорить таким языком, — вернее сказать, пока вы говорите таким языком, пока такова ваша политика, оставайтесь во II-ом Интернационале,—ваше место там. Или пусть рабочие, которые своим массовым давлением толкают вас к III-му Интернационалу, оставят вас во II-ом Интернационале, а сами, без вас, переходят в III-й Интернационал. Таким рабочим, и французской социалистической партии, и независимой с.-д. партии Германии, и английской независимой рабочей партии мы скажем, и на том же условии: милости просим!

Если признавать диктатуру пролетариата, если рядом с этим говорить о войне 1914—18 годов, то надо говорить иначе: война эта была войной разбойников англо-франко-русского империализма с разбойниками империализма германо-австрийского из за дележа добычи, колоний, „сфер" финансового влияния. Проповедь „защиты отечества" в такой войне была изменой социализму. Если не раз'яснить этой истины до конца, если не искоренить из голов, из сердец, из политики рабочих этой измены, нельзя спастись от бедствий капитализма, нельзя спастись от новых войн, которые неизбежны, пока держится капитализм.

Вы не хотите, вы не можете говорить таким языком, вести такой пропаганды? Вы хотите „щадить" себя или своих друзей, которые проповедывали „защиту отечества" вчера в Германии при Вильгельме или при Носке, в Англии и во Франции при власти буржуазии? Тогда пощадите III-й Интернационал! осчастливьте его своим неприсутствием!

III.

Я говорил до сих пор о первой из двух резолюций. Вторая не лучше: „торжественное" („solennelle") осуждение „конфузионизма" и даже „всякого компромисса" („toute compromission" — это пустая революционная фраза, ибо нельзя быть против всякого компромисса), а на ряду с этим уклончивое, половинчатое, не раз'ясняющее понятие „диктатуры пролетариата", а затемняющее его, повторение общих фраз, нападки на „политику г-на Клемансо" (обычный прием буржуазных политиканов во Франции, изображающих смену клик сменой режима), изложение программы, в основах своих реформистской (налоги, „национализация капиталистических монополий" и т. п).

Лонгетисты не поняли и не желают понять (частью: неспособны понять), что реформизм, прикрытый революционной фразой, был главным злом II-го Интернационала, главной причиной его позорного краха, поддержки „социалистами" той войны, в которой перебили десять миллионов человек для решения великого вопроса, англо-русско-французская ли или германская группа хищников-капиталистов должна грабить весь мир.

Лонгетисты остались на деле прежними реформистами, прикрывающими свой реформизм революционной фразой и только в качестве революционной фразы употребляющими новое словечко „диктатура пролетариата". Таких вождей, как и вождей Незав. Соц.-Дем. Партии Германии, как и вождей Нез. Р. Партии Англии, пролетариату не надо. С такими вождями пролетариат осуществить своей диктатуры не может.

Признать диктатуру пролетариата, это не значит: во что бы то ни стало в любой момент идти на штурм, на восстание. Это вздор. Для успешного восстания нужна длительная, умелая, упорная, великих жертв стоющая подготовка.

Признать диктатуру пролетариата, это значит: решительный, беспощадный и главное—вполне сознательный, вполне последовательно проведенный в жизнь разрыв с оппортунизмом, реформизмом, половинчатостью, уклончивостью II-го Интернационала; разрыв с вождями, которые не могут не продолжать старой традиции, со старыми (не по возрасту, а по приемам) парламентариями, чиновниками проф. союзов, кооперативов и т. п.

С ними надо рвать. Их преступно жалеть: это значит—предавать из-за мизерных интересов десяти или ста тысяч коренные интересы десятков миллионов рабочих и мелких крестьян.

Признать диктатуру пролетариата, это значит: коренным образом переделать повседневную работу партии, спуститься вниз, к тем миллионам рабочих, батраков и мелких крестьян, которых нельзя спасти от бедствий капитализма и войн без Советов, без свержения буржуазии. Раз'яснять это конкретно, просто, ясно для массы, для десятков миллионов; говорить им, что их Советы должны взять всю власть, их авангард, партия революционного пролетариата должна руководить борьбой,—вот что такое диктатура пролетариата.

У лонгетистов нет и следа понимания этой истины, нет ни капли желания и способности проводить ее ежедневно в жизнь.

IV.

В Австрии коммунизм пережил тяжелейший период, кажется, не вполне еще конченный: болезни роста, иллюзию, будто, об'явив себя коммунистами, группа может стать силой без глубокой борьбы за влияние среди масс, ошибки в выборе лиц (ошибки, неизбежные в начале для каждой революции; у нас таких ошибок был целый ряд).

Ежедневная газета коммунистов „Красное Знамя", под редакцией Коричонера и Томана, показывает, что движение выходит на серьезный путь.

А до какой тупости, низости и подлости доходят австрийские социал-демократы, это слишком очевидно показывает вся политика Реннера и тому подобных австрийских Шейдеманов, которым — частью по крайней глупости и безхарактерности — помогают Отто Бауэры и Фридрихи Адлеры, ставшие дюжинными изменниками.

Вот один пример: брошюра Отто Бауэра „Путь к социализму". Передо мной лежит берлинское издание издательства „Freiheit", видимо, независимой партии, вполне стоящей на том же убогом, пошлом и подлом уровне, как эта брошюра.

Достаточно взглянуть на пару мест из § 9 („экспроприация экспроприаторов"):

... „Экспроприация не может и не должна произойти в форме грубой (brutaler, зверской) конфискации капиталистической и помещичьей собственности; ибо в этой форме она не могла бы произойти иначе как ценой громаднаго разрушения производительных сил, которое разорило бы сами народные массы, застопорило бы источники народного дохода. Экспроприация экспроприаторов, наоборот, должна произойти в упорядоченной, урегулированной форме"... посредством налогов.

И ученый муж примерно раз'ясняет, как налогами можно бы взять от имущих классов „четыре девятых" их дохода...

Кажется, довольно? Что до меня, я после этих слов (а я начал брошюру читать с § 9) ничего больше не читал и без особой надобности не собираюсь читать в брошюре господина Отто Бауэра. Ибо ясно, что этот лучший из социал-предателей, в лучшем случае, ученый дурак, который совершенно безнадежен.

Это—образец педанта, насквозь мелкого буржуа в душе. Он писал полезные ученые книги и статьи до войны, „теоретически" допуская, что классовая борьба может обостриться до гражданской войны. Он даже принимал участие (если я верно информирован) в составлении базельского манифеста 1912 г., каковой манифест прямо предвидит пролетарскую революцию в связи как раз с той войной, которая и разразилась в 1914 году.

Но когда дошло на деле до этой пролетарской революции, то верх взяла натура педанта, филистера, который испугался и стал поливать бушующую революцию маслицем реформистских фраз.

Он твердо заучил (педанты не умеют думать, они умеют запоминать, могут затвердить), что теоретически возможна экспроприация экспроприаторов без конфискации. Он всегда это повторял. Он это заучил. Он знал это наизусть в 1912-ом году. Он по памяти повторял это в 1919 году.

Он не умеет думать. После империалистской войны и притом такой войны, которая даже победителей довела до края гибели, — после начала гражданской войны в ряде стран,—после того, как фактами в международном масштабе доказана неизбежность превращения империалистской войны в войну гражданскую, проповедывать, в лето от Рождества Христова 1919-ое, в городе Вене, „упорядоченное" и „урегулированное" отнятие у капиталистов „четырех девятых" их дохода, — для этого надо быть либо душевно больным либо тем старым героем старой великой германской поэзии, который с восторгом переходит „от книжицы к книжице"...

Милейший добряк, который, вероятно представляет из себя добродетельнейшего отца семейства, честнейшего гражданина, добросовестнейшего читателя и писателя ученых книг, забыл совсем маленькую мелочь: он забыл, что подобный „упорядоченный" и „урегулированный" переход к социализму (переход, несомненно, самый выгодный для „народа", говоря абстрактно) предполагает абсолютную прочность победы пролетариата, абсолютную безнадежность положения капиталистов, абсолютную для них необходимость и их готовность оказать добросовестнейшее подчинение.

Возможно ли такое стечение обстоятельств?

Теоретически, т. е. в данном случае вполне абстрактно, говоря: конечно, да. Например: допустим, что в девяти странах, в том числе во всех великих державах, Вильсоны, Ллойд-Джорджи, Мильераны и прочие герои капитализма находятся уже в таком положении, как у нас Юденич, Колчак и Деникин с их министрами. Допустим, в десятой маленькой стране, после этого, капиталисты предлагают рабочим: давайте, мы вам добросовестно поможем, подчиняясь вашим решениям, провести „упорядоченную" и мирную (без разрушений!) „экспроприацию экспроприаторов", получая за это первый год 5/9 прежняго дохода, второй год 4/9.

Вполне мыслимо, что в указанных мною условиях капиталисты десятой страны такое предложение в одной из наиболее маленьких и „мирных" стран сделают, и ровно ничего худого со стороны рабочих этой страны не будет, если они это предложение должным образом обсудят и (поторговавшись: купец без запроса не может) примут.

Может быть, теперь, после этого популярного об'яснения даже ученый Отто Бауер и философ (столь же удачный, как и политик) Фридрих Адлер поймут, в чем дело?

Нет еще? Не понятно?

Подумайте, милейший Отто Бауэр, милейший Фридрих Адлер, похоже ли положение всемирного капитализма и его вождей в данную минуту на положение Юденича, Колчака и Деникина в России?

Нет, не похоже. В России капиталисты разбиты после отчаянного их сопротивления. Во всем мире они еще у власти. Они—господа.

Если вы, милейшие Отто Бауэр и Фридрих Адлер, и теперь еще не поняли, в чем дело, то я вам добавлю еще популярнее:

Представьте себе, что в то время, когда Юденич стоял под Питером, Колчак владел Уралом, Деникин всей Украйной, когда в кармане всех этих трех героев лежали пачки телеграмм от Вильсона, Ллойд-Джорджа, Мильерана и К° о посылке денег, пушек, офицеров, солдат,—представьте себе, что в такое время к Юденичу, Колчаку или Деникину приходит представитель русских рабочих и говорит: нас, рабочих, большинство, мы вам дадим 5/9 ваших доходов, а потом и остальное отберем „упорядоченно" и мирно. По рукам, „без разрушения", идет?

Если бы этот представитель рабочих был просто одет и принимал его только русский генерал, в роде Деникина, он, вероятно, отправил бы рабочего в сумасшедший дом или просто выгнал.

Но если бы представитель рабочих был интеллигент в приличном костюме, к тому же сын почтенного папаши (в роде как добрый и милый Фридрих Адлер), если бы при этом Деникин был не один, а принимал вместе с французским или английским „советником",—то этот советник, несомненно, сказал бы Деникину:

„Слушайте, генерал, а ведь этот представитель рабочих так умен, что он как раз подходит для того, чтобы быть у нас министром, в роде Гендерсона в Англии, Альберта Тома во Франции, Отто Бауэра и Фридриха Адлера в Австрии".

Н. ЛЕНИН.

14-II-1920.

ПОТИШЕ, ЛОНГЭ!

„Ты сердишься, значит ты не прав".
(Народная мудрость).

Наши товарищи из „Populaire'a" окончательно потеряли свое самонадеянное спокойствие и, как это ни странно, не проявляют больше того несколько надменного безразличия, с которым они относились к нам до сих пор. Теперь, после того, как им не удалось ни привлечь нас на свою сторону, ни довести нас до полного бессилия; после того, как им, наоборот, пришлось констатировать, что события неудержимо толкают революционно настроенные массы к обсуждению различных политических направлений, борющихся внутри партии, и к принятию нашей позиции,—они обрушиваются на нас градом таких аргументов, которые всегда пускаются в ход защитниками неправого дела.

Помещенный в „Vie Ouvrière" ответ Ленина на мое письмо довел Лонгэ до белого каления, и он на этот раз разразился в „Populaire'e" статьей, некоторые места которой живо напоминают в одно и то же время полемические приемы и почтенного Лерикэ и Додэ. Я не буду останавливаться на ядовитом сопоставлении некоторых из товарищей из крайней левой,—„угрюмых, одиноких и бессильных",—с разными Клодами Анэ и Нодо; не стану говорить о яростных обвинениях их в том, что они „поддерживают секретные сношения и ведут тайную дипломатическую переписку с Москвой, изображая в превратном виде положение вещей у нас во Франции и клевеща на тех, кто больше всего боролся за русскую революцию".

Те из революционеров, которые знают нас и умеют разбираться в вещах, давно уже высказали свое суждение об этих нападках, и по существу и о их внешней форме, и я скажу только, что для защиты русской революции недостаточно заявлять о том, что большевики правы „у себя", в России, а надо стараться показать, что они правы также и „у нас", во Франции.

Лонгэ говорит о странной и опасной духовной изолированности русских товарищей, которою, по его мнению, об'ясняется странность их суждений о том, что происходит во Франции.

Конечно, не может быть сомнения в том, что трудность сношений является препятствием, которое истина не всегда оказывается в силах преодолеть. Значительная часть товарищей-приверженцев Лонгэ и во Франции и в других странах особенно охотно подчеркивают наличность этого препятствия, пользуясь им, как предлогом для того, чтобы сохранять свою благоразумно выжидательную позицию по отношению к большевизму и оставаться вне III Интернационала.

Идеи, однако, находят пути для своего распространения, никакие границы не в состоянии их удержать. И поэтому Ленин и Троцкий отлично осведомлены о том, что происходит во всех странах мира.

Лонгэ сам признает, что вплоть до конца 1918 года Литвинов из Лондона и Кемерер из Парижа регулярно информировали Москву; он даже, повидимому, убежден, что эта информация носила характер, благоприятный для представляемого им политического течения. Кто же ему поверит теперь, что одно мое письмо, написанное в мае 1919 года, если оно не совпадало с мнением, заранее составленым себе Лениным по этому вопросу, могло вдруг совершенно свести на нет впечатление, явившееся результатом донесений Кемерера и Литвинова, и в корне изменить убеждения главы Советского правительства, вызвав с его стороны ответ, который он теперь прислал мне?

Никто не станет отрицать, что наши русские товарищи отлично знают, какую политику с самого начала войны вели представители бывшего меньшинства французской партии, и мне поэтому отнюдь не приходится напоминать им о том, что, вплоть до окончания военных действий, депутаты, принадлежащие к этому крылу, голосовали за военные кредиты, и что вообще все его представители, всячески поддерживая демократические иллюзии, довели французскую социалистическую партию до того, что она одно время тащилась в хвосте за Вильсоном.

В действительности, политика центра, проводимая Лонгэ и его друзьями,—политика, которая, впрочем, отнюдь не составляет особенность одной только Франции, а наблюдается повсюду, во всех странах, будучи лишь в большей или меньшей степени прикрыта революционной фразеологией,—постоянно встречала со стороны большевиков самое решительное осуждение и отпор. Или, может быть, и тут мое письмо виновато в том, что Советское правительство об'явило Каутского и Фрица Адлера изменниками делу пролетарской революции?

Наконец, Лонгэ поступает очень неосторожно, упоминая о Кемерере. Мы ведь могли бы сослаться на постоянные сношения, поддерживаемые нами с этим товарищем, и на его мнение о тактике наших центровиков.

Мы предпочитаем, однако, подождать до тех пор, пока Кемерер сам сможет сказать, каково было его мнение, и в какой форме он передал его Советскому правительству.

Мы уверены, что мы ничего не потеряем от этого ожидания.

Ф. ЛОРИО

НАБОЛЕВШИЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

I.

Под этим заглавием мы намерены дать в „Коммунистическом Интернационале" ряд очерков, которые затронут те из наиболее злободневных вопросов международного рабочего движения, по которым в рядах сторонников коммунизма замечается известный раскол.

Вопрос об отношении к профессиональным союзам несомненно принадлежит к первым из таких вопросов. Он служит предметом наиболее страстных обсуждений, например, в Германии.

Вопросу о профессиональных союзах, как он стоит в международном масштабе, мы посвятим ближайший очерк. В настоящем номере мы хотим познакомить товарищей с тем, как стоит этот вопрос в Советской России. Тезисы, которые напечатаны ниже, вносятся Ц. К-ом. Росс. Коммун. Партии на предстоящий 9-ый с'езд Коммунистической Партии.

ПАРТИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ.

Тезисы о хозяйственных, организационных и пропагандистских задачах партии и производственных союзов в настоящую эпоху.

1. Что такое профессиональный союз.

Для того, чтобы правильно уяснить себе вопрос о взаимоотношениях между партией и профессиональными союзами, необходимо прежде всего дать точное определение понятия „профессиональный союз".

С точки зрения революционного марксизма профессиональный союз отнюдь не является только об'единением рабочих „с целью отстаивать и повышать заработную плату" (определение супругов Веб), или обществом рабочих, „имеющим целью оказание помощи своим членам во время безработицы и защиту их интересов при заключении договора о найме" (определение, которое давалось Брентано и Зомбартом). Равным образом, большевизм никогда не соглашался с наиболее ходкой формулой Второго Интернационала, — формулой, определяющей профессиональные союзы, как „длительное об'единение наемных рабочих данной профессии с целью улучшения условий труда и борьбы против их ухудшения в рамках капиталистического общества". (Определение вождя австрийского профессионального движения Адольфа Брауна, к которому примыкали Легин и даже частью Бебель). Уже в 1913 году, в полемике против меньшевиков, большевизм дал следующее определение понятию профессиональных союзов: „профессиональный союз есть длительное соединение рабочих данного производства (а отнюдь не только данной профессии) для руководства преимущественно экономической борьбой рабочих и для постоянного участия, совместно с политической партией пролетариата, во всей освободительной борьбе рабочего класса за уничтожение наемного рабства и завоевание социализма". (См. наши статьи в тогдашней „Правде", собранные в книжке „Рабочая партия и профессиональные союзы"; вышла в издании Петроградского Совета Р. и Кр. Д. 1918 г.).

Эту формулу приходится теперь развернуть.

Со времени 1913 года в России произошли крупнейшие перемены. Власть перешла к рабочему классу. Буржуазия экспроприирована.

В связи с этим, разумеется, в значительной мере изменились задачи профессиональных союзов в России. „Октябрьская революция, передавшая власть из рук буржуазии в руки рабочего класса и беднейшего крестьянства, создала совершенно новые условия для деятельности всех вообще рабочих организаций, в том числе и для профессиональных союзов". Так гласит резолюция Первого Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов, состоявшегося в начале 1918 года.

Прежде всего, профессиональным союзам в нынешнее время не приходится смотреть на себя, как на защитников рабочих в деле продажи ими своей рабочей силы. Старого предпринимателя, покупателя рабочей силы больше нет. Против эксплуатации со стороны среднего и мелкого предпринимателя, подрядчика и т. п. борьбу ведет не только профсоюз, но и весь советский государственный аппарат. Профессиональным союзам при данном положении вещей в России не приходится накоплять стачечных фондов, организовывать экономические забастовки и т. д.

Каковы же подлинные задачи профессиональных союзов в России в данный момент?

„Центр тяжести работы профессиональных союзов в настоящий момент должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную". Так гласит та же программная резолюция Первого Всероссийского С'езда Профессиональных союзов, защищавшаяся нами от имени Ц. К. нашей партии.

На вопрос о том, что такое профессиональный союз в России в данный момент, приходится дать следующий ответ:

„Производственный союз в России в нынешнюю эпоху есть длительное соединение всех трудящихся данного производства, образующее одну из главных организационно-хозяйственных баз диктатуры пролетариата."

Ставя себе целью энергичное участие под руководством Коммунистической Партии—во всей борьбе пролетариата за коммунистическое переустройство общества и уничтожение классов, современный производственный союз переносит центр тяжести своей работы в организационно-хозяйственную область. 1) Всестороннее участие в организации производства на коммунистических началах через секции совнархозов и пр., 2) таковое же участие в воссоздании подорванных войною и всем современным кризисом производственных сил страны, 3) учет и распределение рабочей силы по всей стране, 4) участие через органы распределения в деле организации обмена между городом и деревней, 5) то же в области проведения всеобщей трудовой повинности, 6) помощь продовольственным органам государства — компродам и потребительским коммунам, 7) то же в области разрешения транспортного, топливного кризиса и т. п., 8) всесторонняя поддержка делу строительства пролетарской красной армии, 9) полная, безоговорочная и беззаветная поддержка трудармии, 10) наряду с заботой о должной охране труда (согласно кодексу труда),—борьба против эгоистических, узко-групповых тенденций той части трудящихся, которая, в силу своей отсталости, смотрит еще на пролетарское государство, как на обыкновенного предпринимателя,—таковы примерно должны быть функции наших союзов.

Будучи практическими школами коммунизма для самых широких слоев пролетариата и полупролетариата, современные производственные союзы в то же время постепенно входят составною частью в общий механизм государственной власти, становятся одним из органов рабочей государственности, подчиняясь Советам, как исторически данной форме диктатуры пролетариата.

Каким бы то ни было попыткам умалить значение производсоюзов и даже прямо уничтожить их, как организации, якобы изжившие себя, партия должна дать самый решительный отпор.

Наша программа правильно указала на то, что „организационный аппарат обобществленной промышленности должен опираться в первую голову на профессиональные союзы." Программа далее указала, что для того, чтобы выполнить эту задачу, союзы, „должны все больше освобождаться от цеховой узости." Сюда и должно быть направлено внимание партии; только путем упорной воспитательной работы внутри союзов партия поможет союзам изжить цеховую узость и другие отрицательные стороны движения.

2. Организация по профессиям или организация по производствам.

Уже в предреволюционную эпоху в международном рабочем движении боролись две тенденции: 1) за организацию рабочих союзов по профессиям и 2) за организацию рабочих союзов по производствам. Первое отстаивали оппортунисты, второе—революционные марксисты.

Производственные союзы выгоднее для пролетариата и при существовании капитализма—ибо они дают рабочему классу громадные преимущества в стачечной борьбе: производственный рабочий союз держит в своих руках не только одну профессию, но целое производство, и, если он охватывает ядро рабочих данного производства, такой союз может легче остановить все производство и тем принудить капиталиста и капиталистическое государство к уступкам.

Но революционные марксисты отстаивали организацию союзов по производствам еще и потому, что в этой форме союзы лучше всего могли подготовляться к их грядущей роли в организации производства на коммунистических началах. Производственный союз обозревает ход дел в целом производстве,—чему мешает раздробление союзов по отдельным профессиям.

Когда в союз металлистов мы принимаем также деревообделочника, работающего в металлургическом производстве, мы тем самым помогаем и тому и другому отделываться от узости цеховщины, мы учим их смотреть с точки зрения интересов государственного хозяйства в целом, и мы ослабляем отрицательные влияния фабричного разделения труда.

В Советской России, где переустройство хозяйства на коммунистических началах уже в полном ходу, особенно необходима организация союзов по производствам. Этот принцип и принят русским профессиональным движением. Его необходимо, однако, последовательно довести до конца. В настоящее время наши союзы подразделяются на 34 всероссийских профессиональных об'единения: 1) Аптекарских служащих, 2) Цеквод, 3) Всемедикосантруд, 4) Финкотруд, 5) Горнорабочих, 6) Деревообделочников, 7) Железнодорожников, 8) Домовых служащих, 9) Всеработзем, 10) Работников искусств, 11) Кожевенников, 12) Сороботлес, 13) Металлистов, 14) Муниципальных служащих, 15) Просвещ. и Соц. Культ., 16) Народной связи, 17) Парикмахеров, 18) Печатников, 19) Писчебумажников, 20) Пищевиков, 21) Пожарников, 22) Строительных рабочих, 23) Сахарной промышленн., 24) Служащих, 25) Стеклофарфор, 26) Табачников, 27) Текстильщиков, 28) Транспортных рабочих, 29) Народного питания и общежития, 30) Химиков, 31) Цементщиков, 32) Швейной промышленности, 33) Работников леса, 34) Щетинщиков.

Задачей дня является организационная интеграция нашего профессионального движения. Надо свести деления к минимальному количеству,—примерно, к двадцати основным всероссийским об'единениям.

Вместе с тем необходимо раз навсегда переменить и название: наши союзы должны называться не профессиональными союзами, а производственными союзами (вместо „профсоюзы" — „производсоюзы").

3. Централизм или децентрализм.

Равным образом, издавна в международном профессиональном движении идет спор по вопросу

о централизме и децентрализме. Оппортунисты во всем мире защищают принцип мелких „самостоятельных" союзов, разбивая тем движение на многое множество мелких единиц (курятников), плохо соподчиненных центру и, поэтому, бессильных выполнить свои боевые задачи в борьбе против капиталистов. Революционные марксисты повсюду отстаивают, напротив, необходимость возможно большей централизации.

Если наибольшая централизация производсоюзов в странах капитализма необходима для более успешной борьбы против работодателей и их капиталистических правительств, то в Советской России максимальная централизация не менее необходима — в интересах наиболее планомерного участия производсоюзов в деле организации народного хозяйства во всероссийском масштабе.

Процесс всесторонней централизации производсоюзов во всероссийском масштабе начался. Этой задаче необходимо уделить гораздо больше внимания, чем это делалось до сих пор.

4. Огосударствление профессиональных союзов.

Уже в резолюции Первого Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов, состоявшегося в январе 1918 г., говорилось: „С'езд уверен, что в результате наметившегося процесса профессиональные союзы неизбежно превратятся в органы социалистического государства, участие в которых для всех лиц, занятых в данной профессии, будет государственно обязательно" (пункт 9 резолюции). Эта уверенность Всероссийского С'езда оправдалась в жизни. Профессиональные союзы постепенно берут на себя задачи государственных органов. Когда профессиональные союзы производят мобилизации своих членов, когда они прикрепляют рабочих к данному городу, когда они совершают переброску рабочих сил из одного пункта России в другой, когда они говорят решающее слово в вопросах о тарифах и т. п., когда они через своих представителей оказывают решающее влияние на деятельность Совнархозов,—они, в сущности говоря, выступают, как органы государственной власти.

Но именно потому, что процесс огосударствления профессиональных союзов развивается постепенно и вполне нормально, нет никакой нужды форсировать этот процесс и провозглашать формальное огосударствление союзов сию же минуту. Коммунисты, действующие в профессиональном движении, вполне могут солидаризироваться с резолюциями первого и второго Всероссийских С'ездов профессиональных союзов по этому вопросу, исподволь идя к неизбежному полному огосударствлению.

5. Партия, союзы и привлечение специалистов.

Партия пролетариата должна понять источники того сдержанно-осторожного отношения к вопросу о привлечении специалистов к единоличному управлению, которое замечается в некоторых кругах рабочих, инстинктивно опасающихся того, чтобы незаметно не усилилась власть социально враждебного нам слоя. И партия пролетариата должна обдумать серьезные организационные гарантии того, чтобы этого не случилось и чтобы в то же время силы специалистов науки и техники были использованы.

Для этого необходимо широко провести систему рабочих комиссаров при специалистах (на железных дорогах и пр.).

В этой области определенные задачи выпадают на долю профессиональных союзов.

Одной из важных очередных задач производственных союзов является проведение в жизнь указаний нашей программы, предписывающей использование „оставленных нам в наследство специалистов науки и техники" с тем, чтобы рабочие проделали долгую школу работы рядом с этими специалистами в обстановке товарищеского общего труда.

С этой целью специалисты должны приниматься в члены производственных союзов, по своей специальности. В случае необходимости в союзах образуются секции и подсекции этих специалистов, и постепенно, в меру того, как эти специалисты срабатываются с рабочими, отменяются все ограничения их прав, вызванные переходным временем.

Поскольку возникла бы оппозиция против самой необходимости привлечь специалистов для активного участия в возрождении и управлении промышленностью, партия должна была бы дать самый резкий отпор таким тенденциям, как противоречащим интересам коммунистического строительства в данную эпоху и как идущим в разрез с программой партии.

Партия стремится поставить на службу Советской России все научно-технические силы страны— под строгим контролем рабочего класса, как это было сделано и в области строительства красной армии.

Вместе с тем партия должна помнить, что в области руководства хозяйством из среды рабочих, составляющих главную массу членов Р. К. П., легче чем в военном деле, будут выделяться слой за слоем пролетарии, способные взять дело в свои руки. Задачей партии является — всеми силами способствовать созданию сети технических курсов и школ, рабочих политехникумов и т. п., дабы дать возможность более способным рабочим и крестьянам, как можно скорее, подготовиться к роли техников, управляющих заводами, рудниками, советскими хозяйствами. Как для армии мы сумели создать сотни курсов,—так теперь, в еще гораздо большей мере, мы должны покрыть страну сетью курсов, где вырабатывались бы свои красные техники, красные специалисты, красный командный состав для управления хозяйством и промышленностью. Одной из важнейших задач партийных организаций и производственных союзов должно стать — внимательнейшее отношение к каждому рабочему и крестьянину, обнаруживающему дарования и способности в хозяйственной области, всесторонняя поддержка и поощрение организаторов из народа, организаторов, выдвигающихся из „низов". И, наконец, необходимо, чтобы „орабочение" государственного контроля (рабоче-крестьянская инспекция), постановленное В. Ц. И. К., было быстро и энергично проведено в жизнь.

6. Партия и Советы.

Профессиональные союзы действуют рядом с партией и Советами. Чтобы правильно уяснить себе взаимоотношения между профессиональными союзами и рабочей партией, нужно не забывать, что в современной России Советы являются еще более массовыми организациями, нежели профессиональные союзы, и в своих функциях переплетаются с некоторыми функциями профессиональных союзов.

8-ой партийный С'езд Российской Коммунистической Партии дал следующее определение:

„Советы являются государственными организациями рабочего класса и беднейшего крестьянства, проводящими диктатуру пролетариата втечение того времени, пока отомрет какое бы то ни было государство. Советы об'единяют в своих рядах десятки миллионов трудящихся и должны стремиться к тому, чтобы об'единить в своих рядах весь рабочий класс и все беднейшее крестьянство. Коммунистическая партия является организацией, об'единяющей в своих рядах только авангард пролетариата и беднейшего крестьянства — ту часть этих классов, которая сознательно стремится к проведению в жизнь коммунистической программы. Коммунистическая партия ставит своей задачей завоевать решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся: в профессиональных союзах, кооперативах, сельских коммунах и т. д. Коммунистическая партия особенно добивается проведения своей программы и своего полного господства в современных государственных организациях, какими являются Советы".

Нет никакого сомнения в том, что в будущем все формы рабочих организаций сольются в одно. Какая из нынешних форм окажется более долговечной, об этом спорить сейчас было бы безполезно.

7. О теории равноправия.

Во Втором Интернационале, даже среди лучшей его части, было широко распространено то мнение, что партия с одной стороны, профессиональные союзы—с другой, являются равноправными и равноценными организациями, которые при возникновении крупных вопросов выступают, как две договаривающиеся стороны. Партии принадлежит-де политическое руководство, профессиональным союзам—экономическое. Так например, германская социал-демократия, при согласии Августа Бебеля, принимала резолюции о том, что, если возникнет вопрос о необходимости прибегнуть ко всеобщей забастовке, этот вопрос не может быть решен иначе, как путем соглашения между Центральным Комитетом партии и Центральным Советом профессиональных союзов.

Такой взгляд не может быть признан правильным с точки зрения коммунизма. Революционные марксисты всегда отвергали эту теорию равноправия.

С точки зрения революционного марксизма партия является высшим синтезом всех сторон борьбы рабочего класса за его освобождение от капиталистического рабства. Коммунистическая партия располагает целым арсеналом средств борьбы за освобождение пролетариата. Политическую борьбу она неразрывно связывает с экономической, она освещает и направляет, как экономическую, так и политическую борьбу пролетариата. Она авангард всего пролетариата. Факелом коммунизма она освещает все изгибы его пути. Партия — мозг рабочего класса. Вот почему работа, которую выполняют коммунисты в недрах профессиональных союзов, является только частью всей работы коммунистической партии в целом.

В эпоху диктатуры, какую мы переживаем сейчас, тем более не может быть и речи о каких бы то ни было уступках теории „равноправия". Малейшее уклонение в этом направлении должно встречать беспощадный отпор со стороны партии.

8. О беспартийности профессиональных союзов.

Современные профессиональные союзы формально партии коммунистов не подчинены. В профессиональные союзы принимаются все рабочие и работницы без различия партии и религиозных убеждений. Беспартийные рабочие вполне могут вступить в наш профессиональный союз. Но в то же время коммунисты, работающие в профессиональных союзах, ни в коем случае не должны затушевывать консервативных сторон беспартийности. Коммунисты и коммунистические фракции профессиональных союзов должны открыто проповедывать коммунизм. Профессиональные союзы в целом должны смотреть на себя, как на школы коммунизма. Руководители профессиональных союзов должны неустанно указывать рабочим на то, что враги коммунизма, спекулируя на беспартийности, обманывают рабочих, и должны об'яснять им, почему формально беспартийные профессиональные союзы поддерживают коммунистическую партию, признают диктатуру пролетариата, Советскую власть и мировую революцию.

Коммунистическая партия завоевывает свое влияние в профессиональных союзах только и исключительно практической повседневной самоотверженной работой внутри союзов, выдвиганием на все посты в профессиональных союзах своих наиболее стойких и преданных членов. Только такое влияние, завоеванное долгими годами практической работы, может быть прочным.

9. Фракции профессиональных союзов и местные организации партии.

В каждом профессиональном союзе должна существовать строго организованная и дисциплинированная фракция коммунистов. Местные фракции коммунистов во всех вопросах экономической политики безусловно проводят решение центральной фракции и всероссийского Совета профессиональных союзов. Никакие уступки так называемому локализму недопустимы. Тарифная политика, вопросы рабочего дня, продовольственная политика и т. п., безусловно определяются во всероссийском масштабе.

Вместе с тем каждая партийная фракция профессионального союза является ничем иным, как партийной ячейкой местной организации. Общегородская фракция местных профессиональных союзов всецело подчинена местному комитету партии а всероссийская фракция профессиональных союзов подчинена Центральному Комитету партии.

Распределение работников, мобилизация их для нужд красной армии в каждом данном городе принадлежит исключительно местной партийной организации под общим руководством Ц. К. партии. При мобилизации работников профессионального движения, партийный комитет должен сговариваться с профессиональными фракциями данного союза, но решающее слово принадлежит исключительно партийной организации.

Партийный Комитет, всецело направляя идейную сторону работы профессиональных союзов, никогда не прибегает к мелкому опекунству над профессиональными союзами и повседневную практическую работу предоставляет руководству фракции союза.

10. Об организации сельско-хозяйственного пролетариата и полупролетариата.

Одной из важнейших задач современного профессионального движения в России является организация сельско-хозяйственных рабочих. Существующий союз сельско-хозяйственных пролетариев необходимо поддержать всеми силами. Коммунисты, работающие в профессиональном движении, должны поставить себе особой задачей организацию сельско-хозяйственных рабочих. На эту задачу необходимо уделить должное количество сил.

11. Заводские комитеты и профсоюзы.

Заводские комитеты пережили за последние годы большую эволюцию. Их роль перед февральской революцией, как крупных политических кристализационных пунктов, общеизвестна. Между февральской и октябрьской революцией они играли роль тех первых рабочих ячеек, которые приступили на деле к организации контроля над производством. После октябрьской революции они послужили первоначальной организационной базой при проведении национализации промышленности. Из их среды выдвинулся целый слой тех лучших рабочих, которые вошли в правления национализированных предприятий и в наши главки и центры. Когда всероссийское об'единение ф.-з. комитетов было упразднено, роль заводских комитетов резко изменилась. Фабкомы стали ячейками профсоюзов, каковыми остаются и сейчас.

Фабкомы могут участвовать в организации производства лишь в той мере и в тех формах, в каковых участвуют профсоюзы. Как профсоюз не ачменяет совнархоза, а лишь выдвигает часть своих членов в соответствующие секции совнархоза, так фабком не должен заменять правления предприятия, а лишь служить для него опорным пунктом.

Фабкомы имеют еще другое большое значение. Наша партия больше всего страдает от того, что у нее нет еще такого организационного аппарата, который механически выдвигал-бы с „низов" из рядовых членов новых работников на более ответственное дело. Ц. К. партии распределяет лишь около 1000 членов на всю Россию. Между тем теперь, когда борьба с хозяйственной разрухой стала главной задачей партии, из числа рядовых рабочих членов партии должно быть выдвинуто большое количество строителей и организаторов. Завком является той ячейкой, которая вместе с коллективом лучше всего могла бы стать тем аппаратом, который выдвигал-бы и распределял-бы на хозяйственно-организаторские функции тысячи и тысячи рабочих с фабрик и заводов.

В виду всего этого партия решительно высказывается за сохранение завкомов,—с тем, чтобы функции их были еще раз точно определены особым декретом. Когда начнется постепенное введение единоличного управления в предприятиях, это не только не сделает излишним фабкомы, но, напротив, именно эта необходимая реформа сделает еще более нужным сохранение фабкомов.

Нужно только, чтобы партия обратила большое внимание на фабкомы. За последний год партийная работа в фабкомах почти не велась.

Нужно также, чтобы профсоюзы не только формально считали фабкомы своими ячейками, но чтобы они органически с ними срослись, следили бы за их регулярным обновлением и за всей их работой.

12. Профсоюзы и трудовая повинность.

Переход к трудовой повинности возлагает на наши профсоюзы новые задачи.

В эпоху гражданской войны и диктатуры, профсоюзы уже не раз в России были вынуждены прибегать к принуждению своих членов. Профсоюзы производили обязательные мобилизации своих членов на фронт, в продотряды и т. п. Профсоюзы прикрепляли своих членов к данному месту работы, не разрешая им свободного передвижения и т. п. Все это было абсолютно необходимо для победы над злейшими врагами рабочего класса.

Ныне, при переходе к решительной борьбе с хозяйственной разрухой, на профсоюзы ляжет необходимость еще более применять принуждение— в интересах спасения страны от холода и голода.

Против колебаний, намечающихся в профдвижении в этих вопросах, партия должна выступить самым решительным образом, — ибо малейшее колебание в этой области может привести к гибели пролетарскую революцию.

Создание трудармий было первым серьезным шагом по пути к введению всеобщей трудовой повинности — пока в форме приступа к милитаризации труда.

В связи с переходом к трудармиям наметился некий рецидив трэд-юнионизма.

Трэд-юнионизм может принимать различные формы. Трэд-юнионизм находит себе выражение в поддержке либеральной „рабочей" политики в парламентах, в игнорировании неквалифицированных рабочих и культивировании рабочей аристократии, в необычайно высоких членских взносах, делающих для чернорабочего невозможным вступление в союз, в сеянии иллюзий, будто одна профессионально-экономическая борьба без революционного завоевания власти пролетариатом может привести к постепенному врастанию в царство социализма и т. п. Все это наиболее шаблонные проявления трэд-юнионистского мещанства. Но таким же трэд-юнионизмом является проповедывание в современной Советской России „свободы труда". Таким же трэд-юнионизмом является недооценка всего значения трудовых армий и милитаризации

труда вообще. Такой-же трэд-юнионистской близорукостью было бы нежелание профсоюзов участвовать в проведении железной рукой всеобщей трудовой повинности, без которой нельзя справиться с нынешней разрухой и построить коммунизм.

Р. К. П. глубочайше уверена, что эти колебания имели скоропроходящий характер — на повороте к новой эпохе и к новым задачам пролетарской диктатуры. Но там, где эти колебания еще не изжиты, партия должна немедленно сказать свое властное слово.

13. Главнейшие дефекты в современном профессиональном движении.

Современные профессиональные союзы выполняют колоссальную работу и в высшей степени облегчают борьбу коммунистической партии и Советской власти за социализм. Но в то же время в нынешнюю переходную эпоху в деятельности некоторых профессиональных союзов замечаются важные дефекты. Когда, напр., некоторые деятели союза грузчиков на Волге защищают узко-эгоистические требования членов союза в области заработной платы и не помогают Советской власти бороться против неслыханных хищений, они обнаруживают этим свою отсталость, свою неспособность стать выше узко-цеховых интересов. Когда некоторые союзы служащих навязывают советским учреждениям таких людей, которые со своей работой не в состоянии справиться; когда эти союзы защищают любое требование своих членов, забывая, что они имеют перед собою теперь не прежних частных предпринимателей, а рабочее государство, — они обнаруживают свою профессиональную узость. Когда союзы печатников возрождают худшие стороны трэд-юнионизма, они совершают прямо контр-революционную работу.

Борьба против этих отрицательных сторон в профессиональном движении является одной из важнейших задач коммунистов, работающих в профессиональных союзах.

Вместе с тем необходимо указать на то, что и профессиональным союзам угрожает опасность обюрократизирования.

Общие собрания союзов посещаются лишь незначительным процентом членов. Активное участие в жизни союза принимают сравнительно немногочисленные элементы. Правления союзов не всегда имеют достаточно живой контакт с массами, и нередко экономические конфликты проходят мимо союзов.

Нередки случаи, когда тарифы отдельных групп малоквалифицированных рабочих и работниц непомерно низки, а союзы не принимают мер для того, чтобы поправить это положение, — не имея достаточно тесной организационной связи с этими группами рабочих.

Признавая, что в значительной мере эти недостатки об'яснялись до сих пор необычайно трудными внешними условиями (постоянные мобилизации профессиональных работников на фронты и т. п.), с'езд поручает коммунистам, работающим в профсоюзах, систематически бороться против указанного уклона.

14. Об уступках синдикализму.

Ядро синдикалистов довоенного времени (вожди Всеобщей Конфедерации Труда во Франции) в 1914 году продали дело рабочих так-же позорно, как социал-шовинисты. Жуо и К-о оказались самыми заурядными мелкобуржуазными реформистами.

Левое крыло синдикализма проделывает большую эволюцию в сторону коммунизма.

В то время, как лучшие элементы французского синдикализма отказываются от своих прежних ошибок и становятся на почву коммунизма, провозглашая требование: „вся власть Советам“, — в России отдельные группы и группки пытаются возродить худшие стороны синдикализма. Пресловутая партия левых эсеров на своем недавнем с'езде, в резолюции по рабочей политике постановила, что ее требованиями являются: „передача всего управления индустрией и транспортом профессиональным союзам в лице их всероссийского общепрофессионального центрального Совета (пункт 3 резолюции) и „вступление на федеративных началах в профессиональную организацию всего мира с целью достижения уже в процессе настоящей мировой революции взятия синдикально-профессиональными об'единениями в свои руки управления индустрией и транспортом всего мира“. (См. брошюру: Резолюции, принятые на 2-м С'езде партии левых эсеров. Изд-во „Революционный Социализм“. Москва 1919).

Когда в Америке или в Англии против старого трэд-юнионизма и против казенной социал-демократии выдвигается лозунг „вся власть Союзам“ и пропагандируются планы создания „Единого Великого Союза“ (One big Union), Тройственного Согласия крупнейших союзов и т. п., — это шаг вперед по сравнению с оппортунистической точкой зрения II-го Интернационала. Но когда в России, где два с половиною года власть принадлежит Советам Р. и Кр. Депутатов и где с полной ясностью опыт доказал, что только железная диктатура в советской форме и в общегосударственном масштабе способна удержать власть, отбить все нападения и спасти страну от разрухи, — когда в России начинают возрождаться планы отдать железные дороги железнодорожному союзу, металлургическую промышленность металлистам и т. п., — то это громадный шаг назад. Задачи производственных союзов в Советской России в данную эпоху правильно охарактеризованы программой Р. К. П., указавшей на то, что союзы призваны обеспечить „неразрывную связь между центральным государственным управлением, народным хозяйством и широкими массами трудящихся“ с тем, чтобы постепенно, в результате длительного развития после полной победы коммунизма притти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством.

Коммунисты, работающие в профессиональных союзах, обязаны самым решительным образом бороться против таких синдикалистских тенденций и не допускать никаких уступок им.

15. О так называемом „индустриализме“.

Точно так же необходимо оказать отпор тенденциям так называемого „индустриализма, защи-

щаемого некоторыми деятелями русского профессионального движения. Индустриалисты хотят построить всю нашу работу на индустриальных промышленных рабочих и третируют сверху вниз всю массу неквалифицированного пролетариата. Война и революция, несомненно, привели к значительным изменениям социального состава самого пролетариата в России. Это верно. Нынешние фабрично-заводские квалифицированные рабочие, несомненно, являются самой развитой частью пролетариата. Но задача коммунистов-работников профессионального движения ни в коем случае не может заключаться в том, чтобы выделить и замкнуть в особую группу квалифицированных рабочих, составляющих меньшинство в рабочем классе. Идея коммунизма ничего общего не имеет с политикой ставки на рабочую аристократию. Задача коммунистов-работников профессиональных союзов заключается в том, чтобы с помощью передовой части промышленных рабочих организовать и втянуть в работу государственного строительства всю пролетарскую массу, включая и чернорабочих.

13. Профессиональные союзы и Интернационал.

Германский опыт показал, что число членов профсоюзов после революции необычайно растет (с 3-х миллионов до 8 ми) и союзы революционизируются. Русский пример наглядно показывает, как союзы удачно дополняют Советы, служа одной из важнейших организационных баз для переустройства хозяйства на коммунистических началах. Часть германских коммунистов, ставшая в оппозицию к своей партии, как раз по вопросу о союзах (эта часть коммунистов требует массового выхода из союзов, отказывается от борьбы за влияние внутри союзов, в сущности признает ненужными союзы), совершает ошибку и отрывается от массовых организаций пролетариата.

В силу особенностей развития рабочего движения на Западе, среди германских коммунистов и коммунистов других стран существует предубеждение против профессиональных союзов, как таковых. Наша партия держится того мнения, что отказываться от профессиональных союзов нам нельзя. В ходе пролетарской революции профессиональные союзы расколятся так же, как раскололись старые социал-демократические партии. Опыт германского профессионального движения показал, что уже сейчас в Берлине профессиональные союзы освободились от тлетворного влияния шейдемановской социал-демократии. Русское профессиональное движение должно взять на себя инициативу в деле сплочения красного Интернационала профессиональных союзов так же, как это сделала Российская Коммунистическая Партия в деле создания III Интернационала. На с'ездах Коммунистического Интернационала должны участвовать не только партийные организации коммунистов, но и профессиональные союзы, всей своей работой показавшие, что они стоят на почве диктатуры пролетариата и Советской власти. Вместе с тем необходимо уже сейчас приступить к организации международного об'единения отдельных профессиональных союзов, стоящих на платформе Коммунистического Интернационала.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ НЕУДАВШЕЙСЯ БУНТАРСКОЙ ПОПЫТКИ.

(К кризису коммунистической партии в немецкой Австрии).

1. „Разоблачения" Беттельгейма.

Для каждого, кто наблюдал за ходом коммунистического движения в немецкой Австрии за последние несколько месяцев (даже если ему приходилось ограничиваться одними только сообщениями газет), должно было быть ясно, что движение это переживает серьезный кризис. Уже с первых дней венгерской пролетарской революции проявлялись в Вене попытки вызвать бунтарскую вспышку, при чем инициаторы этого плана исходили из того глубоко-ошибочного предположения, что этим может быть оказана поддержка венгерской советской республике. Для достижения своей цели они направо и налево разбрасывали громадные денежные суммы, что действовало, конечно, лишь разлагающе на австрийское коммунистическое движение. Эта тактика неизбежно вела к тому, что от движения отходили все товарищи, не желавшие ни в каком случае нести ответственность за разложение партии и в то же время считавшие невозможным, в виду затруднительного положения советской республики в Венгрии, открыто выступить против ее агентов. В результате в коммунистическом движении немецкой Австрии, после крушения венгерской советской республики, создалась тяжелая атмосфера взаимных обвинений, политического и чисто-личного характера, вызвавшая уход из партии еще целого ряда товарищей и тормозившая работу остальных. Благодаря стараниям руководящих деятелей и вмешательству других организаций Коммунистического Интернационала, удалось очистить атмосферу настолько, что отныне можно было надеяться на возможность совместной работы представителей различных течений в австрийской партии. Дальнейшие трудности возникли, однако, вследствие невозможности открытого обсуждения того, что удалось выяснить в интимном кругу; приходилось, кроме того, считаться с теми венгерскими товарищами, которые, подобно д-ру Беттельгейму, играли во время кризиса выдающуюся роль и затем были арестованы в Вене. Эти трудности в настоящее время устранены. Д-р Фридрих Адлер опубликовал в венском „Kampf"е от 4 октября взятую у Беттельгейма при аресте рукопись, в которой излагается ход этих событий; этим он желал, по его словам, бросить луч света на „болото, именующее себя коммунистической партией". Мы можем быть только благодарны Фридриху Адлеру за этот шаг, хотя ему, некогда изобличавшему подлость и продажность, господствовавшие в австрийской социал-демократии (см., например, его обвинительную речь в редактированном им берлинском издании протоколов его процесса), более подобало бы заняться тем „болотом", в котором теперь, после коалиции с антисемитами, без сомнения еще глубже, чем в 1916 г., погрязла австрийская социал-демократия. Но, как уже сказано, мы можем быть только благодарны Беттельгейму и Адлеру за то, что они сделали возможным открытое обсуждение вопроса. Эту возможность мы и намерены использовать теперь.

2. Возникновение коммунистической партии в немецкой Австрии.

Чтобы как следует понять кризис, с полной ясностью обнаружившийся в мае-августе, необходимо иметь в виду, что австрийская коммунистическая партия значительно слабее германской. В Германии еще до войны существовало в социал-демократии левое, радикальное направление, выработавшее в борьбе против явного и тайного оппортунизма (направление Каутского — Гаазе) принципиальные основы для будущей германской коммунистической партии. Во время войны это направление углубило свою идеологию, приобрело среди исключительных трудностей и с величайшими жертвами целые кадры новых приверженцев и создало нелегальные организации, которые после войны стали легальными и быстро охватили широкие массы. Раскол в германской социал-демократии, происшедший в 1917 г., облегчил эту работу. Основание самостоятельной коммунистической партии в Германии в декабре 1917 г. явилось результатом восьмилетней идейной и четырехлетней организационной деятельности многих сотен выдающихся товарищей. Между тем, в немецкой Австрии до войны вообще не существовало марксистской оппозиции в социал-демократии. За исключением Иосифа Штрассера, все австрийские марксисты с Отто Бауэром и Фридрихом Адлером во главе считали своей задачей не борьбу с оппортунизмом, а теоретическое раз'яснение его. То обстоятельство, что в немецкой Австрии партии не пришлось голосовать за военные кредиты, так как австрийский парламент вообще не был созван, дало заправилам австрийской социал-демократической партии,—имевшим в лице Виктора Адлера вождя с большим и вполне заслуженным моральным авторитетом, а в лице Реннера искусного полити-е-

ского руководителя,—возможность затушевать и спутать существовавшие в партии противоречия. Насколько слабою чувствовала себя возникшая во время войны в австрийской партии умеренная, оппозиция — это лучше всего обнаружило покушение Фрица Адлера, схватившегося за револьвер, только потому, что он знал, что за ним не стоят широкие массы, и чувствовал себя неспособным к политическому выступлению. Возникшая во время войны и сгруппировавшаяся вокруг товарища Франца Коричонера левая, радикальная оппозиция насчитывала только нескольких последователей.

Когда разразилась революция, элементы, об'единившиеся вскоре в коммунистическую партию немецкой Австрии, составляли очень незначительную группу очень юных интеллигентов, которые под влиянием войны прониклись революционно-пролетарскими тенденциями, но были при этом чужды какого бы то ни было политического опыта; к ним присоединились вернувшиеся из России военнопленные, которые, разумеется, были весьма плохо осведомленны о положении дел в Австрии. Ясно, что партия, составившаяся из таких элементов и не выросшая органически, не могла втечение короткого времени сделаться центром революционных стремлений, возникших в пролетариате тогда, когда австрийская социал-демократия во главе с Реннером и Зитцом и при содействии Фрица Адлера (во время революции он оказался самым мирным мелким буржуа, только в 1916 г., под влиянием войны, потерявшим самообладание) заключила союз с буржуазией. Молодая австрийская коммунистическая партия неизбежно должна была наделать много ошибок, прежде чем найти верный путь в борьбе. Коммунистическая политика — не простое применение изобретенных и патентованных в Москве принципов; она состоит в руководстве революционной массовой борьбой, условия которой во многом различны в различных странах. Только обогатившись опытом своей стихийной борьбы и научившись делать правильные выводы из этого опыта, рабочие массы могут проложить себе путь к коммунизму. Чем образованнее и опытнее передовые борцы пролетариата, тем скорее они учитывают значение этого опыта и тем успешнее помогают они пролетариату ориентироваться в нем. Коммунистическая партия в немецкой Австрии — при молодости личного состава ее вождей — могла в первые месяцы своего существования сделать только первые робкие шаги по пути пропаганды и организации. Она не могла предвидеть, как длинен будет путь к цели и как он будет извилист. Бурный характер движения в Германии втечение времени с января по апрель, забастовки в Англии,—все это казалось им несомненным признаком скорой победы мировой революции; с настроением, созданным этими надеждами, совпало также провозглашение венгерской и вскоре за тем и мюнхенской советской республики.

3. Венгерская бунтарская тактика в Вене.

Революционные рабочие Вены — не только коммунисты, но и социал-демократы—были весьма наэлектризованы событиями в Венгрии и в Баварии. Вожди коммунистов считали себя обязанными вести самую энергичную агитацию в пользу провозглашения советской республики. Они были совершенно правы, возражая социал-демократам, что установление советской республики в Вене расширит поле борьбы и тем самым даст возможность справиться с принявшими тогда весьма серьезный характер продовольственными затруднениями в Вене, которые служили для Адлера и его последователей главным доводом против учреждения советской республики в немецкой Австрии. Провозглашение немецко-австрийской советской республики означало бы вовсе не одну только необходимость прокормить бо́льшее количество людей, о чем кричали социал-демократы, но присоединило бы к пылкому венгерскому пролетариату сотни тысяч прошедших организационную выучку австрийских рабочих; это, конечно, значительно увеличило бы военную силу союзных советских республик и дало бы им возможность занять богатые хлебом территории Венгрии. Победа немецкого и венгерского пролетариата Австрии, несомненно, вызвала бы отклики в среде чешских рабочих и отрезвляющее подействовала бы на Антанту, совершенно изменив то положение, которое получилось при изолированности Будапешта. Поэтому коммунисты немецкой Австрии только исполняли свой долг, напрягая все усилия к тому, чтобы побудить австрийский пролетариат к провозглашению диктатуры советов.

„Реалисты" во главе с Фрицем Адлером и Бауэром, всячески предостерегавшие пролетариат от этого „эксперимента", на деле предавали пролетариат и помогали Реннерам и Элленбогенам головой выдать его буржуазии; и если теперь пролетариат окончательно продан буржуазии теми же Реннерами и Эллербогенами, — то это результат их тактики уклонения от всякой борьбы. Их— Реннера и Элленбогена — постигла та же судьба, что и Гаазе и Дитмана, — их родных братьев по духу. Но агитация за советскую диктатуру казалась части венгерских товарищей слишком недостаточной помощью со стороны австрийского пролетариата. Надо иметь в виду, что и в Венгрии коммунистическая партия располагала лишь весьма небольшим кадром опытных и образованных вождей, что после ее легкой победы ей пришлось заместить многие важные посты совершенно неопытными товарищами, — не говоря уже о том, что в ней было много авантюристских элементов, которые присоединились к ней лишь потому, что она оказалась победительницей. Весьма трудно теперь установить, в какой мере в иностранной пропаганде венгерской советской республики принимали участие люди неопытные, авантюристы и те шакалы, которые всегда рыскают на полях битв после сражения. Факт тот, что эти элементы вели в Вене деятельную агитацию, толкая молодую австрийскую коммунистическую партию на бунтарское выступление. В середине мая в Вену прибыл в качестве венгерского эмиссара д-р Бетельгейм. Он разыгрывал из себя уполномоченного Третьего Интернационала, который якобы поручил ему возможно скорее провозгласить в немецкой Австрии советскую республику. В действительности же Исполнительный Комитет Ко му и-

стического Интернационала знал о Беттельгейме — человеке до тех пор совершенно чуждом движению — столько же, сколько Беттельгейм знал о Коммунистическом Интернационале, т.-е. ровно ничего. Нам неизвестно, сам ли д-р Беттельгейм изобрел басню об этом фантастическом поручении, с тем чтобы легче воздействовать на неопытных венских товарищей, или же какое либо из учреждений венгерской советской республики сознательно ввело его в заблуждение, желая придать ему больше смелости для выполнения задуманного в Венгрии плана. Во всяком случае „московские мандаты" д-ра Беттельгейма, — продукт фантазии молодого товарища, не имеющего никакого представления о коммунизме, или же мошеннический маневр авантюриста. Никогда русская коммунистическая партия — ни до основания Коммунистического Интернационала ни после него — не давала ни одному товарищу мандата отправиться в определенную страну и там в определенный момент провозгласить советскую республику. Если русские товарищи, долго работавшие в известных странах, или же товарищи из этих стран, проживавшие в России в качестве военнопленных, отправлялись из России для революционной работы в Австрию, Германию, Францию или какую-либо другую страну, то русская коммунистическая партия, разумеется, поддерживала их материально, — эта поддержка бывала обычно весьма скромной,—как не отказывала она в помощи и иностранным социалистическим группам и партиям, которые обращались к ней за такой помощью. Единственная сама собою разумевшаяся компенсация со стороны этих товарищей состояла в распространении коммунистических идей и правильных сведений о ходе русской революции. Русская коммунистическая партия и руководимый ею Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала никогда не обольщались мыслью, будто они из Москвы могут руководить конкретной политикой заграничных коммунистических партий, работающих в водовороте своего собственного, заграничного движения. Пишущий эти строки, до декабря 1918 года руководивший иностранной пропагандой большевиков — в своих переговорах с германскими, венгерскими, чешскими и юго-славянскими коммунистами, нелегально посетившими в октябре 1918 года, между прочим, и Австро Венгрию, от имени русской коммунистической партии категорически предостерегал их от простого копирования русских образцов в начальной стадии австро-венгерской революции; даже отношение к Национальному Собранию он советовал видоизменять в зависимости от условий места и времени, и от той стадии, которой достигло уже движение.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, руководимый такими осторожными тактиками, как Зиновьев и Троцкий, последовательными марксистами, работающими в партии долгие годы (Троцкий 25, Зиновьев 17 лет), и не мог, конечно, рекомендовать никакой иной политики. Русская коммунистическая партия знает, что окончательная победа русской революции возможна только в случае победы революции мировой. Мировая же революция может развиться только как движение, которое в каждой стране творят ее собственные пролетарские массы, а не какие либо „эмиссары". Если пролетарская революция за-границей в более или менее близком будущем не разовьется настолько, чтобы победить империализм Антанты, то советская республика в России может истечь кровью; ибо оборонительная война против Антанты парализует все ее силы, направленные на экономическую реорганизацию общества. Такая именно участь постигла советскую Венгрию с ее слишком узким базисом. Но сознание этой опасности не мешает нам отдавать себе отчет в том, что угрожаемым советским республикам может помочь только развитие пролетарской революции, а не искусственно вызванные бунтарские вспышки; такие вспышки только ослабляют движение в других странах, а стало быть и в советской России и других революционных центрах, и компрометируют идею коммунизма вообще. Еслибы в немецкой Австрии пролетариат в большинстве своем воспринял и осуществил идею диктатуры Советов, это усилило бы советскую республику в Венгрии. Но еслибы австрийская коммунистическая партия, путем бунтарской вспышки, захватила „власть" — что при слабости правительства в Австрии отнюдь не было невозможно, — не имея за собою при этом большинства пролетариата, то эта „победа" только ослабила бы советскую республику в Венгрии. Австрийская советская республика вовсе и не была бы в таком случае советской, ибо Советы были против ее провозглашения. Против нее были и профессиональные союзы, — на кого же она могла бы опереться? Вынужденная прибегнуть к содействию случайно-набранной красной гвардии и вести борьбу против большинства рабочего класса,— откуда она могла бы почерпнуть силы еще и для помощи советской Венгрии? Это простое соображение должно было с достаточной убедительностью доказать все безумие бунтарской тактики всем тем, кто знает о советской республике не только по наслышке. Но именно с таким печальным незнанием мы имеем здесь дело, — Мессия будапештского бюро пропаганды не имеет ни малейшего представления о коммунизме; это доказывает каждое слово в его нападках на коммунистическую партию немецкой Австрии.

4. Бунтарская вспышка 15 июня.

Вот что сообщает Беттельгейм о силе коммунистической партии в середине мая, когда он со своим фантастическим мандатом в кармане прибыл в Вену. Центральный Комитет Партии не мог сослаться ни на одно, сколько нибудь значительное выступление — ниже мы увидим, что этот наивный человек понимает под словом „выступление", не мог похвастать ни одним мало-мальски крупным успехом. Комитет не знал состава партии, числа работающих в отдельных предприятиях товарищей, не мог созвать уполномоченных от отдельных предприятий. В организации совершенно не было агитаторов, и систематическая партийная работа не велась. Огромная масса безработных оставалась вне всякой организации, связи с деревней были

запущены. Из этого положения вещей всякий здравомыслящий человек мог бы сделать только один, весьма простой вывод — It is a long way to Tipperary. Вся работа еще впереди: необходимо организовать партию, проникнуть в предприятия и положить в них начало организации, установить связи с деревней, энергично повести дело пропаганды, использовать всякое явление социально-политической жизни для выступлений, которые мобилизовали бы рабочий класс, организовали его и постепенно вывели бы его на поле битвы. Но Мессии и пророки, как известно, не пашут и не сеют, у них есть волшебная палочка, которой они творят чудеса. Правда, д-р Беттельгейм, бывший только лже-пророком, мог творить только лже-чудеса. Вместо того, чтобы организовать партию, он дезорганизует ее, распуская ее руководящий центр и назначая „директорию". Как подобает чудотворцу, он хочет жать там, где не сеял, и решает именно 15 июня — стало быть ровно по истечении месяца своего, столь обильного успехами пребывания в Вене — освободить пролетариат от капиталистического ига, провозгласив советскую республику. С чем-нибудь более скромным он никак не мог примириться, ибо „под выступлением я понимаю провозглашение советской республики", — пишет он дословно в своем воистину замечательном труде. Пока что д-р Беттельгейм сделал только одно: вытеснил из руководящего центра партии Иосифа Штрассера, самого дельного австрийского коммуниста, и назначил „директорию". Этого, однако, было достаточно. Дело стало быстро подвигаться вперед. В предприятиях стали возникать организации; в казармах начались крупные волнения; безработные, мобилизованные солдаты, инвалиды стали устраивать демонстрации. Сила пролетарской революции прорвалась наружу, как по волшебству, и в Вене и в деревне с такой силой, что вполне можно было рассчитывать на успешное провозглашение советской республики именно 15 июня. „Как велика была сила пролетарской революции", — это мы сейчас увидим. То по истине чудесное явление, что д-р Беттельгейм мог заранее предвидеть день революции, — легко об'яснимо: как он сам сообщает, она была попросту назначена именно на этот день, и даже были установлены все подробности задуманной революции. Словом, 15 июня должна была произойти форменная бунтарская вспышка. Не было ничего сверх'естественного и в тех чудотворных средствах, благодаря которым перед назначенным выступлением вдруг проявилась организованность, начались многочисленные волнения и проч. Д-р Беттельгейм наводнил Вену целым отрядом агитаторов, широко разбрасывавших деньги и по всем правилам искусства подготовлявших „выступление". Последнее было назначено на 15-ое, но накануне этого дня, 14-го июня, директория была арестована. (Беттельгейм утверждает, — совершенно впрочем голословно, — что она была арестована по собственной просьбе).

В тот же день безработные и демобилизованные солдаты устроили демонстрацию, требуя освобождения вождей. Были при этом и убитые. Почему же „пролетарская революция" не победила? Пролетариат освобождает своих вождей и требует, чтобы они фактически осуществили революцию. „Вызванная, как по волшебству" пролетарская революция пред'являет своим вождям требование: „Вы меня вызвали, вы же должны довести дело до конца". Революция должна быть осуществлена Томаном, Коричонером, — иначе ничего не выйдет. Старое воззрение, что рабочий класс может только сам себя освободить, превращено новоиспеченными „коммунистами" в лозунг: „пролетариат может быть освобожден и спасен только своими вождями". Здесь с полной очевидностью выясняется близость Беттельгеймов к их антиподам Реннерам; последние „спасают" пролетариат, как нищие выпрашивая хлеб для голодающих, — Беттельгеймы спасают его, „провозглашая" республику. В первом случае пролетарии должны оставаться спокойными, во-втором — действовать по команде руководителей, но и в том и в другом случае они — статисты. Спасители — только вожди. Но здесь начинается совершенная оперетка: „вожди", избранные Беттельгеймом для спасения пролетариата, отказываются выступить. Вожди обещали осуществить революцию, но сами себе не доверяли до такой степени, что не решились даже появиться перед массой. У них пропало всякое желание освободить пролетариат. Вот уж поистине гадкие люди — могли освободить пролетариат и не захотели. Но в Вене пребывал 15-го д-р Беттельгейм, посланный, по его собственному утверждению, Интернационалом в Вену, с миссией проложить путь господству пролетариата. Почему же он не выполнил своей миссии и не освободил пролетариат? Чтобы он не доверял своим собственным силам, — этого никак нельзя предположить: этот отважный деятель до нелепости верил в свои силы. Он „воздержался, правда, от освобождения пролетариата" из опасения, что деятели венской революции, которые не знают, что революция вызвана „по волшебству", могут заявить ему: „простите, г-н Беттельгейм, мы Вас не знаем, и Вы нас освободить не можете". Эти „разоблачения" Беттельгейма были бы поистине смехотворны, если бы затеянная им история не потребовала человеческих жертв. Сам Беттельгейм отчасти впрочем искупил свою вину, сочинив свои разоблачения и тем — против своей воли — раз'яснив для всякого здравомыслящего рабочего всю беспочвенность и бессмысленность тактики бунтарских вспышек. Сам он, однако, и после опыта 15-го июня не уяснил себе недопустимости такой тактики, — и надо думать, что мы имеем дело с неизлечимо больным Ринальдо Ринальдини. Но рабочие-коммунисты ведь не душевно-больные, и, благодаря разоблачениям Беттельгейма, они, без сомнения, проникнутся самым глубоким недоверием к гнилому бунтарскому чудотворчеству. Составлявшие передовой отряд австрийского пролетариата коммунисты поставили в июньские дни крест над Беттельгеймовской тактикой бунтарских вспышек. Они не позволили увлечь себя на путь авантюры „провозглашения" Советской Республики. Теперь их задача состоит в том, чтобы не только уяснить себе недопустимость и позор бунтарских вспышек, но и на практике искоренить самую тенденцию к таким вспышкам.

Тактика коммунизма и социал-демократическая борьба.

Ясно однако, что с кризисами в движении следует бороться не историческими изысканиями, как бы плодотворны они ни были сами по себе, а активными выступлениями пролетариата. Речь идет, конечно, не о Беттельгеймовских „провозглашениях", а об упорной организационной работе, о создании соответственных об'единений и о повседневной массовой борьбе против все растущей нужды, — борьбе, которая будет содействовать накоплению скрытой энергии в австрийском пролетариате, до наступления того дня, когда провозглашение Советской Республики будет уже не бунтарской вспышкой, а действительным выражением того, что создала сама жизнь. Адлер, бьющийся в сетях Реннера, хорошо знает, почему он выступает теперь против „болота" коммунистической партии. Он очутился теперь, после первого года революции, перед „разбитым корытом" своей политики, которая, впрочем является не его политикой, а политикой его друзей, но за которую он также несет ответственность. Демократия, т. е. „народовластие", оказалась на деле безудержным господством капитала Антанты. Законодательная „социализация" закончилась продажей итальянским капиталистам всего имущества альпийского горно-заводского о-ва, каковую сделку г-н Бауэр посыпал легким слоем социализации. Эту сделку можно было бы занести в архив второго Интернационала с надписью: „Демократическая социализация народного достояния в немецкой Австрии, или передача его капиталистам Антанты". Советам Рабочих Депутатов, которым Макс Адлер пел восторженные гимны, готовится безболезненная смерть. А где причины всего этого? Ужасная нужда, которую эти господа предсказывали, как неизбежное последствие диктатуры Советов, и которой они хотели избежать путем коалиции с буржуазией, — имеется сейчас налицо, будучи результатом их жалкого страха перед всякой борьбой. Но рабочие массы не могут уклониться от борьбы. Им приходится терпеть голод и холод, и они непременно спросят,— „неужели же мы должны погибать без всякого сопротивления"? Массы будут бороться, они пойдут по нашему пути. Это знает и запутавшийся в сетях Адлер, и так как он чувствует себя не в силах выбраться из собственного болота, он принимается за разоблачение коммунистического болота. Но коммунистическая партия ничего не скрывала и ничего не будет скрывать. Она могла делать политические ошибки, так как она молода и ей приходится искать новых путей. В ее блужданиях на нее могли попасть и отдельные брызги грязи. Но она сумеет смыть эту грязь,—ей принадлежит будущее, ибо она вступила на путь той борьбы, которая диктуется требованиями исторического момента. Болото — это застоявшаяся вода; мы же будем идти вперед вместе с бурным потоком пролетарской революции. Д-р Адлер бросил в нас свою бомбу с отравленными газами, от которых кое-кому может и не поздоровиться. Но мы, быстро перешагнув через эту отравленную волну, перейдем в наступление, и за нами последуют массы.

К. РАДЕК.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ФИНЛЯНДИИ.

Как это ни странно, но национальный вопрос возбуждал в старой социал-демократии Финляндии довольно слабый интерес. Вопрос о государственном языке, борьба усиливающихся финских буржуазного и земледельческого классов за права своего языка против стоящих у власти шведских групп населения — дворянства, крупной буржуазии и чиновничества—уже близилась к концу, когда—около 25 лет тому назад—рабочее движение приобрело характер сознательной классовой борьбы. Финский язык получил законное право существования, в качестве государственного, наряду со шведским, хотя далеко еще не в надлежащем соотношении. В рабочем движении установились весьма миролюбивые отношения между финскими и шведскими рабочими там, где имелись рабочие-шведы (как в Гельсингфорсе, Або, Вазе),—хотя и наблюдались еще некоторые трения, об'яснявшиеся тем, что рабочие, говорящие по-шведски, занимали в некоторой своей части привиллегированное положение, ставившее их в ряды мелкой буржуазии (среди них было много конторщиков, железнодорожных и трамвайных служащих).

Реформа народного представительства в 1906 г. дала шведам в сейме, место вполне соответствующее их численности (1/8 общего числа депутатов), в то время, как при прежнем порядке голосования по сословиям, они располагали большинством в двух сословиях (дворянстве и мещанстве) в противоположность двум другим (духовенству и крестьянству), в которых большинство принадлежало финнам. Однако экономическое могущество шведской буржуазии и шведов-помещиков оставалось еще довольно значительным,—в настоящее время оно, быть может, сравнялось с экономической силой финских буржуазных слоев. В университете, средней и низшей школе шведы отстаивали свои позиции с большим упорством.

Что касается русского языка, то он был в Финляндии языком одних сатрапов и карьеристов. Он был насильно навязан финнам Бобриковым и был понятен только офицерам, некоторым коммерсантам, ревностным чиновникам („изменникам родины") да преподавателям языков;—все же другие, выйдя из школы, скоро забывали его. Русская культура известна финнам лишь по довольно содержательной переводной литературе. Русские купцы и т. п. (в Гельсингфорсе, Выборге) были в общем в хороших отношениях с местным населением. Русских рабочих в Финляндии было очень мало; у них было несколько своих мелких организаций, находившихся под наблюдением полиции и поддерживавших связи с финскими организациями. Войска, как солдаты так и офицеры, жили изолированной жизнью оккупационной армии. Небольшое количество евреев (в Гельсингфорсе, Выборге, Або) было лишено всех прав. Свое „легальное" положение торговцев старым платьем они использовали в последнее время для создания конфекционной промышленности, обслуживаемой мастерскими, работающими по „потогонной системе". Во время войны они накопили значительные богатства и перешли к биржевой спекуляции, что вызвало, конечно, зависть конкурентов. Попытки антисемитской агитации со стороны старофиннов не имели однако успеха. Рабочие в 1905-6 годах энергично боролись за права евреев, но наступившей реакцией разрешение вопроса об их равноправии было отсрочено до настоящего времени.

Отношение к России было вопросом не национальным, а государственным. Против попыток царизма произвести государственный переворот (нарушив особое конституционное положение Финляндии при помощи „общеимперского законодательства", указами 1899—1903 г.г., и при содействии Государственной Думы в 1910 году), весь финский народ становился в оборонительную позицию, и в сейме у „сепаратистов" не было ни одного противника. Финляндия отказалась послать своих представителей в Государственную Думу. Повидимому, однако, крупная буржуазия имела кое-какие планы относительно установления „мирного сожительства" и признания общеимперского законодательства для того, чтобы этой ценой добиться „собственного", т. е. крупнобуржуазного правительства, вместо неприкрытого господства русских или полурусских офицеров. Тенденция эта продолжала существовать еще и во время войны, будучи поддерживаема военными заказами, хотя часть буржуазии вместе с интеллигенцией уже искала германской ориентации, посылая молодых людей в Германию для военного обучения (егерское движение).

Революция выдвинула новый, при том—весьма острый вопрос национального характера—вопрос о русских войсках, дотоле тревоживших мещанское население по преимуществу лишь в сфере половых отношений. Теперь войска эти стали серьезным социальным фактором. Убийства офицеров в Гельсингфорсе испугали финскую буржуазию; участие солдат в стачке, выступление их даже в зале суда в интересах пролетариата вызвало в ней сильное возбуждение, и она воспользовалась несколькими эксцессами, чтобы повести среди мелкой буржуазии и крестьянства агитацию против русских.

В связи с этим была ускорена организация финской „пожарной команды", впоследствии открыто названной охранной дружиной, а по мере того, как пролетариат все чаще братался с солдатами и выставлял все более и более „дерзкие" требования, охрана эта обращала все бо́льшее внимание и на рабочее движение. Особенно обострилось положение летом 1917 года, когда была организована красная гвардия, признанная и

социал-демократической партией в качестве „гвардии порядка".

Финляндский вопрос стал одной из проблем русской революции с первых же ее дней. Временное Правительство (без поддержки со стороны Гучкова и Годнева) восстановило в Финляндии положение вещей, существовавшее до Бобрикова, взяв на себя, в качестве преемника монархических прав царя, функции великого князя финляндского. Это постановление послужило поводом для нового конфликта. Активисты, на основании старой „формы правления" 1772 г., заявили, что права династии должны перейти теперь к финскому сейму. Социал-демократическое большинство в сейме, склоняясь к той же точке зрения, вело однако весьма осторожную, оппортунистическую политику. Партия (в июне 1917 г.) принципиально выставила требование полной независимости Финляндии, но была готова до заключения мира признать за Россией право на решение военных вопросов и на ведение внешней политики страны. Право Учредительного Собрания решать судьбы Финляндии категорически отрицалось. Из русских партий одни только большевики признали право Финляндии на полную самостоятельность, и первому с'езду Советов пришлось выступить в защиту права финского народа на самоопределение и потребовать немедленного признания всей полноты прав сейма (за исключением права на решение вопросов внешней политики и военных вопросов). На основании этого постановления Финляндский Сейм в июльские дни 1917 года, вопреки советам меньшевистской депутации, провозгласил себя полноправным и был распущен Керенским при содействии вооруженной силы. Отсюда можно сделать первые поучительные выводы: была снята маска „революционной демократии" с прислужников империализма в России,— а что касается финляндской буржуазии, то обнаружилась ее измена национальному делу, представителем которого явилось рабочее парламентское большинство. Финская буржуазия признала Керенского „носителем высшей государственной власти в Финляндии". Но это не помешало той же буржуазии, получившей большинство на выборах в сейм, после октябрьской революции отказаться от признания Совета Народных Комиссаров носителем этой „высшей государственной власти"; вместо этого, правительство Свинхувуда, с согласия сейма, провозгласило независимость Финляндии. Социал-демократы добились (в январе 1918 года) признания Советской властью провозглашенной независимости. Однако рабочие массы относились к этому вопросу довольно равнодушно; весь их интерес сосредоточивался на продовольственном вопросе и на вооружении охранной дружины (так называемых „мясников"). Вследствие своей нерешительной политики во время ноябрьской стачки руководители социал-демократической партии утратили в значительной мере свой авторитет. *)

В это время финская буржуазия почувствовала за собой довольно значительную силу. Свои надежды она возложила на германский империализм и на вооруженную силу добровольческой охраны. Буржуазия всячески раздувала у реакционных крестьян национальную ненависть к русским, которая все усиливалась благодаря принудительным работам по военным укреплениям и продовольственной политике,—а правительство послало ультиматум об удалении из Финляндии русских войск, на поведение которых вместе с тем тайком посылались жалобы заграницу. Удачно воспользовавшись некоторыми эксцессами красной гвардии, буржуазия сумела удержать левое крыло крестьянской аграрной партии от образования правительственного блока с правым крылом социал-демократии, представители которого в сейме были так наивны, что надеялись путем такого блока до некоторой степени смягчить остроту кризиса. Правда, уже в ноябре социал-демократическая партия заявила, что она не требует эвакуации русских войск, и пишущий эти строки вызвал волнение среди буржуазии своим заявлением в сейме о том, что русские войска в Финляндии защищали путь на Петроград против германского империализма, — но правые элементы партии не одобряли этой точки зрения. В социал-демократических газетах можно было встретить заявления, предостерегавшие от обращения к „чужеземной" помощи, причем в этом вопросе было даже софистически использовано замечание Карла Либкнехта о том, что рабочие каждой страны должны сами покончить со своей буржуазией.

Эту точку зрения нельзя было, однако, развивать среди рабочих масс, ибо пролетариат надеялся на русские войска, как на лучшую защиту от белой гвардии (собственного войска в стране не было с 1902 года). Впоследствии нам в этом отношении пришлось испытать некоторое разочарование, ибо значительная часть старой армии оказалась во время гражданской войны демонализованной. Войска, находившиеся в северной Финляндии, в конце января были застигнуты белыми врасплох; в южной Финляндии большая часть их — дело было в период брестского мира — сама демобилизовалась, а часть осталась нейтральной (причем их офицеры оказывали белым значительные услуги). Незнание русского языка нанесло нам при этом непоправимый ущерб.

Были, впрочем, добровольцы, русские революционеры, братски боровшиеся плечом к плечу с финской красной гвардией, причем весьма значительна была помощь специалистов: офицеров, артиллеристов, пулеметных инструкторов и врачей (финские врачи отказывались обслуживать красных, а белые расстреливали даже санитаров). Особенно важны были для нас запасы оружия и военного снаряжения, полученные нами от русских товарищей. Запечатленное кровью братство финских и русских пролетариев было одним из прекраснейших уроков этой борьбы, а между борющимися классами в Финляндии была проведена пролитой кровью навеки несмываемая грань. Разрушена была и иллюзия „национального народного государства".

Гражданская война избавила финский пролетариат и от других иллюзий, и в первую голову от иллюзии „национальной независимости". Чтобы доказать необходимость вассального подчинения Германии, борзописцы-лакеи крупной буржуазии

*) См. О. В. Куусинен: „Революция в Финляндии. Самокритика" и „Открытое письмо тов. Ленину от финских коммунистов в сентябре 1918 года".

тотчас же поспешили заявить о невозможности сохранения независимости для мелких народов вообще. Буржуазия сбросила с себя маску и показала свою безусловную реакционность в неприкрашенном виде: все заигрывания с демократией прекратились, и хищнические наклонности буржуазии нашли себе выражение в белом терроре. После государственного переворота, был намечен кандидат на королевский трон, многие реформы были отменены. „Прогрессивность" профессора Стольберга, отстаивавшего весьма монархическую „республику", было только более искусной формой выражения интересов буржуазии. Эта точка зрения, имевшая некоторых приверженцев и среди сторонников Антанты, казалась весьма подходящей, когда случился конфуз с кайзером. Пролетариату пришлось зарубить себе на носу новый урок: буржуазия, не долго думая, выразила готовность продать страну империализму Антанты в обмен на хлеб, оружие и миллиардные займы, лишь бы обеспечить себе успех в борьбе с революцией.

Гражданская война 1918 г. снова выдвинула целый ряд национальных проблем. Шведская аристократия решила, что теперь опять настал ее час, так как она поставила в белую гвардию сравнительно большое число офицеров; она поспешила отвоевать себе лучшие места в армии, гражданской администрации и дипломатическом корпусе и с нетерпением ждала прибытия заказанного в Германии короля с его свитой. Против нее выступала,— но, конечно, без особого успеха,—мелкобуржуазная крестьянская демократия. При содействии социал-патриотов из рядов белой социал-демократии и демократического крестьянства, „прогрессисты" (либералы) создали летом 1919 г. монархическую республику, введя новую конституцию и избрав профессора Стольберга в президенты на место генерала Маннергейма. Немалую роль сыграл при этом и антирусский национализм. Средние классы, поддавшиеся агитации за изгнание русских, скоро заметили, что вместо большевиков—которые все-таки признали независимость страны! — им пришлось теперь иметь дело с злейшими финнофобами, черносотенцами, являющимися решительными противниками независимости Финляндии. Для мелкобуржуазного сознания это диалектическое противоречие капиталистического общества было совершенно непонятно. И даже в буржуазных газетах можно было читать негодующие протесты против того, что русское „общество" не только политиканствует, но даже задает тон в ресторанной и театральной жизни Гельсингфорса!

Финские патриоты, полагавшие, на основании дешевых фраз русских эмигрантов в Финляндии, что если не „черные", то хоть белые русские признают независимость Финляндии, услышали в последнее время из уст Милюкова и Керенского в Париже, что независимость эту не может признать „ни одно русское правительство". „Северо-западное правительство", по указке из Лондона согласившееся было признать независимость Финляндии, теперь направило свои стопы в Париж, к г-ну Сазонову с К°. И даже фон-дер-Гольц, „освободитель" Финляндии, играл в восточной Пруссии центральную роль в таких начинаниях, которые грозили Финляндии гибелью от руки русско-германской реакции.

Особую главу в новейшей политической истории Финляндии составляет Аландский вопрос. Население островов, говорящее на шведском языке, состоит из рыбаков, мелких судовладельцев и крестьян. Их рынок сбыта—Стокгольм, их патриотизм—чисто провинциальный („не шведы и не финны"). Там живет лишь незначительное количество финских рабочих-эммигрантов. Во время гражданской войны буржуазия и интеллигенция островов поспешили обратиться за помощью к Швеции, которая из „гуманитарных соображений" послала на острова свои войска. Последние господствовали там до прихода немцев. Позже шведы срыли укрепления.

В виде компенсации за помощь, представители Аланда продали страну Швеции, собрав подписи под адресом, в котором „глас народный" требовал присоединения островов к Швеции. Последняя, конечно, не прочь заполучить в свои руки ключ к Ботническому заливу и обивает с этой целью пороги в Париже. Но Финляндия решительно против такого „сепаратизма" и „государственной измены", газеты брызгают оружием против Швеции, указывая, что в северной Швеции имеется финская „ирредента"—богатые рудоносные области, финское население которых не требует, однако, присоединения к Финляндии.

Г-н Брантинг, этот агент Антанты, конечно всецело за предоставление Аланду „права национального самоопределения", которое окажется на-руку Швеции, но его единственная дипломатическая победа среди целого ряда разочарований заключалась до сих пор лишь в данном финскими социалдемократами в Берне обещании решить судьбу Аландских островов путем референдума по прошествии нескольких (быть может 10) лет *). В настоящее время белая Финляндия пытается разрешить этот вопрос путем предоставления Аланду автономии; шведы в Финляндии (добившиеся известных гарантий для обеспечения своих прав) также против отделения Аланда, так как они боятся, что это поведет к ослаблению шведского элемента в Финляндии. В конце концов, Аландский вопрос все еще не решен: каждая держава Балтийского побережья видит в этих островах свой Гибралтар. Тов. Чичерин со своей стороны заявил, что вопрос этот не может быть решен помимо России.

Крупнейший национальный вопрос в Финляндии—это вопрос о Мурмане и Карелии. Взглянув на карту, мы заметим, что этническая восточная граница Финляндии далеко не совпадает с „географической". Из населения, живущего по ту сторону границы, лапландцы поделены между Норвегией, Швецией, Финляндией и Россией, и было бы вернее всего сказать, что они почти лишены политического национального чувства. На Мурманском побережьи живут русские, норвежцы и финны. Финские карелы у Белого моря и в Олонецком крае — числом свыше 100.000 — состоят из живущих в первобытных условиях крестьян; у них был обнаружен финский национальный эпос—Калевала. Они — православные, говорят на финском наречии; обладают отчасти русским обра-

*) В конце декабря, как сообщают газеты, с'езд социал-демократической партии отменил это обещание и высказался лишь в пользу автономии для Аланда.

зованием, хотя в последние годы там начинает распространяться национально-финская пропаганда. Политическое соединение этих областей с Финляндией было прежде политической мечтой финнов. Во время мировой войны, однако, сюда направила свои взоры Германия; возникла обширная литература по вопросу о „Великой Финляндии", как о вассальном германском государстве с границами по Свири, Онеге, Белому морю, с включением Кольского полуострова.

Для Германии план этот был весьма заманчив: к эксплуатации лесов, водопадов и населения Финляндии присоединялась перспектива использования нескольких гаваней на Ледовитом океане и создания клина между Англией и Россией. А средством для достижения этой цели мог служить финский шовинизм, а также расчеты финской буржуазии на выгоды от спекуляции лесом. Здесь будет кстати упомянуть, что, во время переговоров Протопопова о сепаратном мире, Германия была согласна отказаться от всякого вмешательства в финляндский вопрос.

Во время гражданской войны завоевание Карелии вошло в программу Маннергейма, но он был вынужден отказаться от этого, ввиду предостережений Швеции и Германии, а также и потому, что это было ему не по силам. К тому же со стороны Мурмана угрожали сначала красные, а затем англичане. Вследствие сдачи советских войск, на Мурмане застряла часть финских красных, отразивших попытки наступления со стороны белых отрядов. При содействии англичан они образовали здесь „Финский легион", но повести его против Советской России англичанам все же не удалось. Тогда Англия выдала легионеров белой Финляндии, где им даровали условную амнистию. Амнистия эта распространилась не на всех,—так например не был амнистирован О. Токой, пособник Антанты, бежавший сюда из России и об'явленный финской Коммунистической партией изменником народному делу.

Весною 1919 года в план военных операций против Петрограда входило наступление финских „добровольцев" при поддержке правительства в виде наступления на Олонец. Оно было отбито отчасти при содействии красных финнов, входивших в Красную Армию. И теперь для каждого в Финляндии ясно, что ни Антанта, ни тем менее „белая" Россия никогда не обещали Финляндии воссоединения этих областей. В лучшем случае, Финляндия может надеяться на получение от империалистов небольшой территории на Печенге, обещанной еще самодержавным правительством в 1864 году, но предоставленной Финляндии только недавно, ныне аннулированным договором от 3 марта 1918 года между Красной Финляндией и Советской Россией *).

Из финских национальных вопросов нам остается еще назвать вопрос об Ингерманландии. В Петроградской губ. имеется около 150.000 финских крестьян, национальным цементом для которых являлись лютеранская церковь и консервативная школа. После 1905 года здесь наблюдалось и некоторое социалистическое движение, по преимуществу меньшевистское. В настоящее время у бежавшей в Финляндию ингерманландской интеллигенции имеется несколько различных национальных программ. Наиболее фантастическая из них, требующая присоединения этой области к Финляндии и уничтожения „политического значения" Петрограда, признается теперь в Финляндии мыльным пузырем. А поведение офицеров Юденича по отношению к ингерманландцам во время весеннего наступления охладило национальные чувства „белых", подействовав на них, как ушат холодной воды. Тем не менее и сейчас еще на Карельском перешейке по ту сторону русской границы имеется ингерманландский партизанский лагерь, откуда предпринимались набеги, весьма тяжелые для крестьянского населения окрестных деревень. Но день ото дня для ингерманландцев в России становится все яснее, что право национального самоопределения и культурной автономии, предоставленное им Советской Россией, дает им наилучшие условия развития, которым контр-революция может только угрожать. Только при советском строе получили возможность национальной культурной работы и другие осколки финского племени (в излучине Волги и в прочих местах). Они находятся, конечно, за пределами мечтаний „великофинляндцев".

Эсты также представляют собой финское племя, и финны осыпают их любезностями. Прошлой зимой в Эстонии были также финские „белые" добровольцы, прославившиеся своими хулиганскими подвигами. Относительно заключения союза с эстами финская буржуазия соблюдает однако крайнюю осторожность; она опасается, что „концерт" великих держав, который уже признал независимость Финляндии, откажет в таком признании Эстонии. Ведь Финляндия уже добилась минувшим летом (условного) признания своей независимости хотя независимость ее далеко еще не гарантирована. *)

Как видно из всего предшествующего, в Финляндии имеется ряд сложных национальных проблем, из коих важнейшие затрагивают также отношения, существующие в России. Интересы финской буржуазии принуждают ее к соглашению с русской буржуазией. Это вопрос рынка и политической необходимости. Об'ективное содержание политики Маннергейма — это помощь русской контр-революции для завоевания Петрограда — с тем непременным последствием, что „новая Россия" продиктует Финляндии свои условия. А это значит, что финская крупная буржуазия вернулась к своей прежней точке зрения — mutatis mutandis! Но открыто высказать это в Финляндии никто не решается. Характерна фраза президента Стольберга, что „финны скорее погибнут, чем вернутся к жалкому состоянию подчинения России",—фраза, которая на деле оказалась политическим блефом. Лозунг—„оказание помощи соплеменникам" (карелам, ингерманландцам) еще продолжает пользоваться популярностью в некоторых кругах и конечно используется империализмом, несмотря на реально-политическую несбыточность

*) В начале 1920 г. карелы у Белого моря, по сообщению газет, с оружием в руках воспротивились мобилизационным планам белого „Северного правительства". Они избрали также собственный орган управления. В феврале белые финны овладели Печенгой, что вызвало тревогу даже в Норвегии, где тоже имеется своя финская ирредента.

*) Конференция окраинных государств в январе 1920 г. была попыткой получить от империалистов признание, поддержку и защиту интересов „малых" народностей против больших и, в особенности, против большевизма.

планов о Великой Финляндии при современных условиях. Среди социал-патриотов планы воссоединения Карелии с Финляндией имели горячих сторонников — хотя они, конечно, хотят осуществить эти планы „мирным путем", посредством „демократии" и „права самоопределения народов". Однако, и белые социал-демократы заклеймили „освободительные экспедиции" названием капиталистических разбойничьих набегов и политических авантюр. Эти авантюры возбуждают опасения у социал-предателей, так как они мешают их политике и вызывают революционное брожение. А осторожная политика правительства центра отражает колеблющееся положение мелких национальностей, находящихся между молотом и наковальней.

Пролетариату „освободительная война" с ее последствиями раскрыла глаза на полнейшую реакционность „национальной" политики. „Самостоятельность" оказывается фундаментом империализма. И чем ярче с каждым днем выступают на поверхность тайные планы буржуазии, замышляемые ею совместно с ее русскими собратиями,—тем очевиднее становится для пролетариата необходимость тесной совместной работы с русским пролетариатом. Выясняется также, что это возможно лишь под знаком революционной борьбы. Несмотря на чрезвычайно затрудняющее эту совместную работу различие языков, основа общей работы уже заложена—созданием Финляндской Коммунистической партии. Посредством своих книг, изданий и организаций наша партия распространяет среди финских пролетариев основные понятия коммунизма. В рядах красной армии сражаются финские товарищи, их офицерские курсы в Петрограде отпраздновали недавно первую годовщину своего существования, в различных советских учреждениях работают финские рабочие-коммунисты.

Наша партия еще не приняла никакой особой национальной программы, но в одной из резолюций партийного с'езда (сентябрь 1919 г.) она высказала убеждение, что „революционный пролетариат Финляндии исполнит свой долг, разрушив планы империалистов о вовлечении Финляндии в войну с Россией, и, сбросив иго эксплуататоров, соединит Советскую Финляндию тесным союзом с Советской Россией и другими возникающими Советскими Республиками". Мы понимаем теперь, что отношения между Финляндией и Россией никогда не могут быть удовлетворительно налажены при капиталистическом строе, что лишь на почве советского строя обе страны окажутся тесно связанными узами совместной работы. Ясно также, что и карельский вопрос, равно как и ингерманландский, найдут себе разрешение на этой же почве. Право аландского народа на самоопределение также не может быть осуществлено, пока эта островная группа является яблоком раздора между аннексионистскими государствами, т. е. до тех пор, пока Балтийское море не будет окружено мирными странами, управляемыми трудящимся народом. Национальный вопрос в самой Финляндии, освобожденный пролетарской революцией от всей грязи, внесенной в него буржуазными классами, также разрешится тогда мирно и к обоюдному удовольствию финских и шведских трудящихся масс

Потрясающие кровавые события в Финляндии открыли финскому пролетариату глаза на истинную природу империализма. В настоящее время в Финляндии продолжается дальнейшее усвоение этой истины, в тесной связи с процессом революционизирования страны. Под руководством Коммунистического Интернационала и при его помощи, при содействии Советской России, финский пролетариат разрешит свои национальные проблемы под знаком пролетарской диктатуры!

ЮРИЙ СИРОЛА.

ЯПОНИЯ И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ.

Токийский „Oriental Economist", единственный пользующийся влиянием, независимый журнал в Японии, поместил ряд статей о русском большевистском правительстве, с которыми небезынтересно познакомиться и социалистам. Журнал вообще никогда не нападал на советское правительство; напротив того, он не раз делал энергичные попытки к тому, чтобы побудить правительство Японии признать советское правительство. Так, в номере от 25 июля он поместил статью под таким энергичным заглавием: „Признайте большевистское правительство. Не забывайте, что Россия должна возродиться"! В номере от 15 августа появилась статья, озаглавленная: „Войска союзников эвакуируются из Владивостока". В этой статье редакция журнала подвергала резкой критике политику Японии и Соединенных Штатов по отношению к Сибири, причем журнал ставил следующий вопрос: „Кто такие те русские, которые с радостью принимают помощь союзников"? В номере от 15 сентября мы находим статью под таким заглавием: „Верните наши войска из Сибири!" Журнал никогда не одобрял интервенции Японии в Сибири и всегда был поборником признания правительства Ленина. Думаем, что нашим читателям не безынтересно будет узнать содержание статьи журнала в номере от 5 апреля под следующим заголовком: „Гибель японской армии в Сибири. При аттаке на большевиков 301 солдат убит, 158 ранено. Один батальон разбит совершенно". Мы даем здесь краткое ее изложение.

В широких кругах населения Японии развивается сейчас сильное движение против интервенции. Наши солдаты гибнут сотнями на полях Сибири. Наша сибирская политика потерпела полнейшую неудачу. Нам надо во что бы то ни стало поскорее отозвать наши войска. Сначала мы хотели оказать помощь чехо-словакам. Когда эта цель была достигнута, наша политика перешла к нападению, поставив себе новую цель—свержение правительства большевиков. Мы утверждаем, что это — вмешательство во внутренние дела России. Министр иностранных дел Ушида сказал в парламенте: „первая задача наших войск выполнена, но мы не можем отозвать нашу армию. Она должна восстановить порядок и спокойствие в оккупированных областях". Что же понимается под восстановлением порядка и спокойствия? Ушида говорил следующее: „Наша политика никоим образом не является вмешательством во внутреннюю политику России, но для восстановления спокойствия и порядка, необходимо прогнать большевиков". Какие области заняты нашими войсками? Военный министр на это ответил: „Наши войска поддерживают порядок и несут охрану на фронте в 4.000 английских миль; вдоль этой линии и в прилегающих к ней местностях они и впредь будут поддерживать порядок. Наша задача — восстановить Россию путем поддержки Омского правительства. Сторонников последнего мы называем умеренными, и оказание им помощи равносильно в настоящий момент поддержанию порядка. Поэтому всякое сопротивление нашим войскам будет подавляться силой".

Итак, очевидно, что наша сибирская политика сводится к оказанию военной помощи Омскому правительству. Тех, кто признает это правительство, именуют умеренными, а тех, кто против него— большевиками, причем в изгнании последних и заключается наш способ восстановления порядка и законности. Несмотря на все это, министр иностранных дел утверждает, что мы не вмешиваемся во внутреннюю политику России. Между тем, на деле наша армия занимается вооруженным вмешательством во внутреннюю политику России, причем борьба ведется на фронте протяжением в 4.000 миль.

Во всем этом районе подавляется всякое проявление русской внутренне-политической жизни. Здесь нет ни одного русского, который не считал бы нас врагами и не относился бы к нам неприязнено. Что же это, если не вмешательство во внутреннюю политику России? Во всех странах есть и всегда были вечно недовольные люди. И умеренные, о которых говорит наш министр иностранных дел, являются не чем иным, как такими недовольными людьми, ибо бо́льшая часть населения России — большевики. Чем дольше наша армия будет оставаться в Сибири, тем враждебнее будут относиться к нам русские. Самое лучшее, это—как можно скорее отозвать нашу армию из Сибири. А стоит только нам отозвать нашу армию, как Омское правительство тотчас же будет свергнуто большевиками. Наши солдаты теперь, при интервенции, погибают ни за что, как бессловесные животные; военные издержки на это предприятие—брошенные деньги. Мы глубоко скорбим о потерях, понесенных нами из-за нашей неудачной политики. Но, если мы отзовем нашу армию и спасем ее от безрассудных жертв, мы тем самым, может быть, положим конец враждебному к нам отношению со стороны России. Так смотрят на дело лучшие элементы японского народа.

Таково содержание упомянутой статьи.

Сибирскую политику японского правительства поддерживают все союзники, не исключая Америки. Это—политика самого неприкрытого насилия. Для гг. союзников русский народ состоит исклю-

чительно из того буржуазного класса, который борется с большевиками и хлопочет о том, чтобы продать Россию иностранным капиталистам. Есть китайская пословица: „уста народной молвы расплавляют металл". Слова эти указывают на могущество общественного мнения; но, в противовес им, можно привести другую пословицу: „вера в конце концов всегда побеждает". Для того, чтобы одурачить общество и ввести его в заблуждение, за последние полтора года среди всех народов мира распускались всевозможные небылицы о советской республике и лживые сообщения о событиях в России. Все эти ложные измышления, хитро придуманные капиталистами и их лакеями, редакторами ежедневных газет, этими „поборниками правды" и „верующими последователями Христа", могут на некоторое время ввести кое-кого в заблуждение, но они подобны зданию, построенному на песке, или туче, застилающей солнце: они быстро рушатся и рассеиваются пред лицом правды.

Несмотря на все лживые измышления, скоро все человечество сердцем и душою почует правду о России и о Советской Республике. Мы знаем, что все красивые фразы о целях и высоких идеалах нынешней войны и о мире, основанном на праве народов на самоопределение, представляют собою не что иное, как пустые слова. Капиталистические правительства и их дипломаты не в силах установить прочный мир между народами. Мы это знаем. Единственно возможный прочный мир — это тот, который предложили большевики, в лице Ленина и Троцкого, при образовании ими советского правительства. Таково, по крайней мере, единодушное мнение громадного большинства народов мира, и я рад тому, что могу заявить, что и японские социалисты твердо в этом убеждены. Они, конечно, прекрасно знают, что такое подлинный русский народ, и готовы поддерживать русский народ всеми имеющимися у них в распоряжении средствами.

Сен **КАТАЯМА**.

Под социалистами понимали в 1847 году два разряда людей: с одной стороны, сторонников различных утопических систем, в особенности оуэнистов в Англии и фурьеристов во Франции,—оба эти течения сводились уже в то время к постепенно умиравшим сектам; с другой стороны, всевозможных социальных знахарей, которые стремились различными всецеляющими средствами и всякого рода заплатами устранить общественные бедствия, не причиняя ни малейшего вреда капиталу и прибыли. В обоих случаях это были люди, стоявшие вне рабочего движения и искавшие скорее поддержки у „образованных" классов.

Та часть рабочих, которая, убедившись в недостаточности чисто политических переворотов, требовала коренного переустройства общества, называла себя тогда „коммунистической". Это был лишь едва обработанный, лишь инстинктивный, подчас грубоватый коммунизм: но он был достаточно могуч, чтобы создать две системы утопического коммунизма: „икарийский" коммунизм Кабэ во Франции и коммунизм Вейтлинга в Германии. Социализм означал в 1847 году буржуазное движение, коммунизм — рабочее движение. Социализм был, по крайней мере на континенте, вхож в салоны, коммунизм — как раз наоборот. А так как мы в то время уже решительно держались мнения, что „освобождение рабочих должно быть делом самого рабочего класса", то мы и не могли ни минуты сомневаться, какое из двух названий выбрать. И впоследствии нам никогда не приходило в голову отказаться от него.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический Манифест.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В АМЕРИКЕ.

II. Под'ем рабочего движения.

Немедленно же после подписания перемирия вся военная промышленность в Америке сразу стала. Никакого плана демобилизации ни у правительства, ни у организаций частных промышленников не оказалось. Заводы были закрыты, и сотни тысяч людей остались без работы. В то же время контроль над ценами на пищевые продукты был отменен, и дороговизна возросла до невероятных размеров. Военно-промышленный Комитет (правительственная примирительная камера) — также потерял всякую власть, и в тех промышленных предприятиях, где он предписывал вводить различные мероприятия в пользу рабочих, владельцы категорически отказывались повиноваться его распоряжениям.

Вместе с тем в капиталистической печати велась бешеная агитация за понижение заработной платы до того уровня, на котором она стояла до войны. В некоторых отраслях промышленности — например на текстильных фабриках Новой Англии — такое понижение было проведено в жизнь, и рабочие ответили на это забастовками. Забастовки эти происходили совершенно стихийно, причем выставлялись самые элементарные требования, сводившиеся к сохранению прежних условий труда. Тем не менее, буржуазная пресса подняла вой о „большевизме" и взывала ко всем гражданам о необходимости подавления этих стачек. Забастовка текстильщиков в Лауренсе (Массачузетс) наткнулась на яростное сопротивление и зверскую жестокость со стороны добровольческих белогвардейских организаций, которые выселяли рабочих из города и угрожали судом Линча организаторам союзов и социалистическим журналистам.

Окончание войны также ознаменовалось отдельными конвульсивными забастовками квалифицированных рабочих, места которых были отчасти предоставлены за более низкую плату специально для этой цели натасканным рабочим, не входящими в союз. Правительство срывало такие забастовки угрозой применения вооруженной силы. Так была сорвана, например, стачка машинистов в Бриджпорте.

Сильно развившееся подразделение промышленности, вызванное огромным развитием ее за время войны, натаскивание необученных рабочих с целью замены ими членов старых профессиональных союзов и создание большого числа новых категорий рабочих — например рабочих корабельных верфей — создали необходимость совершенно нового построения рабочих организаций. Перемирие и избавление промышленности от правительственного контроля выдвинули этот вопрос перед рабочими, придав ему особую важность. Сверх того, за время войны промышленность концентрировалась еще больше, чем раньше, а организации профессиональных союзов либо остались в том же положении, в каком они были до войны, либо даже регрессировали в отношении их сплоченности.

Лидеры профессиональных союзов оказались кроме того „обработанными" правительством: они получили такие доходные места, что чувствовали себя сравнительно удовлетворенными. Гомперс и другие наиболее выдающиеся главари союзов путешествовали тогда по Европе, направляя всю свою энергию на то, чтобы лишить социалистов всякого влияния на рабочее движение заграницей. Все „неодобренные" вожаками новые движения среди рабочих в Америке ставились под подозрение. Новые условия пред'являли к рабочим организациям новые требования: искусственное расширение рамок отдельных профессий, новые подразделения промышленности, концентрация промышленного контроля—все эти явления, казалось, угрожали подорвать самые основы построения профессиональных союзов, выдвигая необходимость изменения формы союзов в том направлении, чтобы они более соответствовали делению по отраслям производства. В общую профессиональную организацию входили 124 совершенно обособленных, отдельных союза, имеющих большой штат высоко оплачиваемых служащих и совершенно независимых друг от друга в своих действиях; подобные организации давали их вожакам неограниченную возможность предательства рабочих и их эксплуатации. Особенно ненавистными для вожаков профессиональных союзов были стачки сочувствия, ставшие в данный период весьма обычными по всей стране.

Не менее важную роль в брожении среди рабочих сыграла и русская революция. Хотя американские рабочие в действительности имели очень слабое представление о том, чем в сущности была эта революция и фактически не понимали ни большевизма, ни организации Советов, но они инстинктивно чувствовали, что Советская Россия является Рабочею Республикой, и ценность этого явления заключалась именно в том, что оно внушало мысль о рабочем контроле не только над промышленностью, но и над государством, или иными словами — о диктатуре пролетариата.

Все это я говорю исключительно об американских рабочих, об'единенных в Американскую Федерацию Труда—самую мощную рабочую организацию в Америке, насчитывающую до 4.000.000 членов. Руководящим принципом этой организации является идея экономического сотрудничества классов в капиталистическом государстве. Между тем, Союз „Индустриальных Рабочих Мира", в который входит около полумиллиона неквалифицированных рабочих,—главным образом сельско-хозяйственных рабочих, рабочих морского транспорта, рудокопов и деревообделочников,—является организацией революционной, созданной индустриальными союзами с целью уничтожения системы наем-

ного труда. Принципы союза „Индустриальных Рабочих Мира" пропитаны анархо-синдикалистским духом, и среди них главное место занимает мысль о „строительстве нового общества в оболочке старого". Это строительство должно продолжаться до тех пор, пока капитализм совершенно не разрушится, и новая промышленная республика сама собой не займет его место. Вследствие применения военных мер, Союз Индустриальных Рабочих Мира был вынужден почти совсем прекратить свое легальное существование: его лидеры были заключены в тюрьму, центральные учреждения разгромлены и закрыты, и почти все члены-иностранцы высланы из страны. Поборники движения, оставшиеся на свободе, продолжали однако работу в прежнем направлении: они по прежнему нападали на всякое государство, даже на пролетарское, и подвергали самой резкой критике все политические партии, до коммунистической включительно. Организация, несмотря на все преследования, продолжала расти, но ее конечные цели оставались туманными и расплывчатыми. И хотя мужество членов ее в атмосфере этих зверских преследований являлось великолепным примером революционной отваги, а неутомимая пропаганда вождей Союза Индустриальных Рабочих Мира за идеи построения союзов по производственному принципу и ниспровержения капиталистического строя имела огромное значение, пробуждая среди рабочих недовольство Американской Федерацией Труда, — тем не менее все возрастающей волною забастовок руководили не представители Союза Индустриальных Рабочих Мира, а лидеры Американской Федерации Труда.

В первый период после прекращения войны, безработица, вызванная внезапной остановкой военной промышленности, была еще более усилена возвращением из Европы американской армии и появлением сотен тысяч бывших солдат на рынке труда. Война окончилась, и буржуазия не нуждалась уже в солдатах. Им предлагали работу по пониженным ставкам или всякого рода унизительные занятия. Так например, Нью-Йоркский Городской Совет разрешил солдатам получать свидетельства на право производства уличной торговли. Федеральные агентства для найма служащих вербовали этих солдат в качестве штрейкбрехеров. Если же бывшие члены профессиональных союзов, носившие еще солдатскую форму, становились на сторону забастовщиков, то они арестовывались военными властями, хотя по закону демобилизованные солдаты освобождались от соблюдения военной дисциплины и имели право носить военную форму втечение трех месяцев после демобилизации.

Положение демобилизованных солдат стало в конце концов настолько критическим, что буржуазия сочла нужным проявить особо усиленные заботы о них, не в пример остальным рабочим. Были произведены также попытки возбудить их против социалистов и рабочих агитаторов вообще. Для этой цели основывались специальные солдатские газеты, финансировавшиеся крупными банками, а фабриканты и заводчики прямо подстрекали солдат к насилиям над „большевиками". Солдатам оплачивались и другие „услуги": так например им платили за разгон собраний социалистов и либералов, за разгром центральных бюро этих партий и т. д. Зимою 1918—1919 г. положение в Нью-Йорке,—благодаря подвигам этой солдатской черни,—стало настолько тревожным, что для восстановления порядка пришлось вызвать войска.

Несмотря на сильное недовольство своим положением, солдаты почти не обнаруживали революционного настроения в восточных штатах Америки. Напротив того, на Далеком Западе во многих городах образовались организации демобилизованных элементов, под названием Солдатских, Матросских и Рабочих Советов, имевших своей непосредственной задачей разрешение вопроса об экономическом положении уволенных от службы нижних чинов. В эти организации входило много прежних членов Союза Индустриальных Рабочих Мира, социалистов и тех солдат из возвратившейся на родину армии, у которых открылись глаза под влиянием пребывания в Европе. В западных городах, в особенности в Ситтле, Бутте, городе Соленого Озера и Портлэнде, эти Советы, в целях согласования действий в борьбе за интересы рабочего класса, об'единили вокруг себя все экономические и политические рабочие организации, стоящие на платформе классовой борьбы, а также и оппозиционные элементы из местных союзов Американской Федерации Труда.

Переход промышленности с военного положения на мирное и доселе еще не закончен, но с конца весны и втечение лета 1919 года вопрос о безработице в значительной мере утратил свою остроту. Тут сыграли роль два важнейших фактора: во-первых, эмиграция иностранных рабочих обратно в Европу, вызванная, с одной стороны их желанием возвратиться на родину, с другой,—ужасающими репрессиями по отношению к иностранцам в Америке во время войны и обращением с ними, как с рабами; во вторых—тяжелые условия труда в Америке вообще. Высылка всех рабочих радикального образа мыслей правительством из боязни „большевизма" дала совершенно неожиданные результаты. Первые индусы, высланные в Индию, были немедленно расстреляны британским правительством. Русские, из коих многие были арестованы, не могли быть отправлены в Советскую Россию, куда они хотели ехать, а против отправки их к Колчаку и Деникину поднялся в обществе такой пламенный протест, что их сначала задержали в тюрьме, а позднее выпустили на поруки. Немедленно же после этого тысячи других русских об'явили себя большевиками и потребовали высылки их на родину... Правительство почувствовало себя тогда обеспокоенным отливом столь большого числа рабочих рук из Америки. (Из одного Нью-Йорка ежедневно отправлялось на родину до тысячи человек. Со времени заключения перемирия из Америки выехало в Европу более двух миллионов иностранцев). Для сокращения размеров этой эмиграции, правительство прибегло к весьма гнусному средству, обложив всех иностранных рабочих, покидающих Америку, налогом в 8% со всех сумм, заработанных ими в стране втечение двух последних лет, хотя бы даже заработок их был ниже законного предельного минимума, освобождающего от уплаты подоходного налога.

Другою причиною облегчения положения трудящихся масс было возобновление фабричного производства в широком масштабе, вызванное желанием американской буржуазии захватить в свои руки мировые рынки. Расчитывая на колоссальные барыши от снабжения разоренной Европы фабричными товарами, американские капиталисты пустили свои заводы полным ходом.

Только после аннулирования крупных заказов на сталь французским правительством, в Америке начали понимать, что Европа является банкротом, что американские товары не могут найти себе сбыта в Европе, так как последняя не может ничего дать в обмен за них. Сильная группа американской буржуазии, в особенности—дальновидные банкиры и деловые люди, настаивала на том, что Америка должна финансировать Европу и даже, если это окажется необходимым, освободить Европу от долговых обязательств по отношению к Америке,—но это предложение было отвергнуто большинством, которое во что бы то ни стало хотело получить свой фунт живого мяса.

Невозможность вывоза товаров в Европу породила некоторый промышленный кризис — перепроизводство товаров,—который к концу лета дал себя чувствовать во все усиливающейся безработице и в росте дороговизны жизни. Рабочие, недовольство которых с каждым днем все увеличивалось, и для которых все менее становилось возможным прожить на получаемый заработок,—начали требовать от своих организаций об'явления забастовки. Официальные руководители союзов были против стачек—или, если они и соглашались на них, то проводили их так, как будто они хотели доказать рабочим, что форма организации союзов по профессиям совершенно непригодна для боевых выступлений. Благодаря этому, для рабочих становилось все очевиднее, что их интересы, как рабочих вообще, гораздо важнее, нежели узкие интересы их профессии.

Весною 1919 г. две забастовки совершенно нового характера и величайшей важности обнаружили тенденцию рабочих к новым, более революционным формам организации. То были „общие забастовки" в Ситтле и Виннипеге.

В Ситтле судостроительные рабочие обратились с своими требованиями о повышении заработной платы в правительственную примирительную камеру, решившую однако вопрос не в пользу рабочих, совершив этим явную несправедливость. Ситтльский Промышленный Совет поддержал судостроительных рабочих, и все организованные рабочие Ситтля решили об'явить пятидневную забастовку в знак сочувствия судостроительным рабочим и для поддержания их требований.

С прекращением работы вся жизнь замерла в огромном городе. Рабочие здесь никогда до сего времени не принимали участия в обшей забастовке; они не ставили себе никаких политических целей и совершенно не представляли себе, чем может кончиться забастовка. Мгновенный паралич большого города представляет собою потрясающее зрелище— и более всех были поражены им сами рабочие. Муниципальные власти оказались совершенно бессильны. Беспорядков не было, а потому у буржуазии не существовало повода для применения грубой силы.

Стачечный Комитет только тогда понял, что значит успешная забастовка. Когда повара и ресторанная прислуга также покинули свои места,— городу начала угрожать голодовка. Стачечный Комитет решил, что по крайней мере рабочие должны получать пищу. Он разрешил поэтому работу некоторым рабочим ресторанам, продуктовым складам и извозчикам, перевозящим продовольственные грузы. Далее, город должен был иметь воду и свет, — и Стачечный Комитет дал разрешение водопроводным рабочим приступить к работам так же, как и служащим электрических станций и газовых заводов, на обязанности которых лежало освещение городских улиц. Были приняты также меры к охране и обеспечению работы в госпиталях и других общественных учреждениях и к распределению молока для грудных детей.

Втечение этих дней удивительное зрелище представляли собою улицы города, по которым двигались телеги и автомобили, снабженные плакатами с надписью: „с разрешения Главного Стачечного Комитета". На тротуарах появились длинные ряды горожан, стоявших „хвостами" перед „Официальными складами Стачечного Комитета". Для поддержания порядка, Комитет навербовал добровольческую „Рабочую" полицию. Дошло до того, что мэр города оказался вынужденным обращаться в Стачечный Комитет по поводу всего того, что нужно было сделать в городе... Собственный орган забастовщиков, „Известия Ситтльского Союза" (Seattle Union Record), газета профессионально-союзного прогрессивного направления (одна только эта газета и выходила в эти дни), спрашивала в редакционной статье: „чем все это может кончиться?" Рабочие начали уже смутно понимать, что происходит нечто абсолютно новое, открывающее неожиданно широкие перспективы для рабочего движения.

После 48 часов полного оцепенения, буржуазия, наконец, пришла в себя. Мэр города, человек „прогрессивных" взглядов, бывший рабочий, вдруг стал кричать о „большевизме". Он даже заявил в газетном интервью, что Ситтльские забастовщики собирались арестовать правительство и „национализировать женщин, по примеру большевиков в России", и хотя беспорядков не было, он все же вызвал войска „для охраны собственности". Войска были вызваны с единственной целью провоцировать бунт. Отчаянный вопль панической ярости поднялся по всей стране. Этот вопль так же, как и внезапное уразумение рабочими того факта, что они восстановили против себя весь класс капиталистов, устрашил многих, в особенности некоторых лидеров, принадлежавших к профессионально-союзным деятелям самого консервативного типа. Забастовка не продолжалась даже и пяти назначенных дней: на четвертую ночь рабочие городских трамвазов вышли из состава Стачечного Комитета и стали на работу. Ситтльская забастовка была таким образом проиграна.

Около месяца спустя началась Виннипегская забастовка, во всех отношениях похожая на Ситтльскую, с той лишь разницей, что в Виннипеге забастовала и полиция, и железнодорожники также ушли с работы, совершенно отрезав город от всего остального мира, и даже почтово-телеграфные служащие отказались перевозить и доставлять почту. И здесь рабочие также поняли, что Виннипег не в состоя-

нии бастовать один, что и другие города должны присоединиться к стачке, которая должна охватить всю Канаду. Пожар распространялся на запад и на север; даже небольшие города один за другим закрывали фабрики, а в больших городах рабочие из многолюдных митингах горячо обсуждали вопрос о том, присоединиться ли им к забастовке или нет.

Однако наученная Ситтльской стачкой канадская буржуазия на этот раз подготовилась, и хотя сотни солдат были за-одно со стачечниками, то канадское правительство вызвало несколько тысяч таких солдат, на которых оно могло положиться, и организовало из них добровольческий полицейский отряд, которому было роздано оружие с поручением разгромить все стачечные штабы, уничтожить там все документы и вообще силою прекратить забастовку. Стачечный Комитет был арестован, так же, как и все выдающиеся рабочие вожди. В то же время Американская Федерация Труда отказалась признать забастовку и прислала своих членов в Виннипег для того, чтобы они выступили там в качестве штрейкбрехеров.

После того, как забастовка была сорвана, руководители ее все еще содержались в тюрьме по обвинению в „заговоре с целью ниспровержения правительства". Но в это время настроение в рабочих кругах по всей Канаде было чрезвычайно приподнятое, и рабочие угрожали обще-канадскою стачкою в случае, если арестованные руководители забастовки не будут освобождены. Последние были поэтому выпущены на свободу под определенный залог, но потом, когда волнение улеглось, они были арестованы снова. И опять только угроза всеобщею забастовкою принудила власти дать им свободу.

Угроза подобной же всеобщей забастовкой в Омаге (штат Небраска) повлекла за собою организацию целых полчищ добровольческой буржуазной милиции, открыто угрожавшей вооруженным насилием всем рабочим, которые осмелятся прекратить работу. Позднее в Омаге отчаяние масс хлынуло в другое русло, вылившись в негритянский погром.

В конце лета вспыхнула новая забастовка, на этот раз в Бостоне. Одним из весьма интересных явлений минувшего года нужно признать об'единение муниципальной полиции в 47 городах в профессиональные союзы, вошедшие в состав Федерации Труда. Бостонские полицейские были организованы специальными делегатами Американской Федерации Труда; целью полицейских при этом было лишь совместное выступление для того, чтобы добиться повышения жалованья.

Их требования были отвергнуты, и им было приказано немедленно же распустить свой союз. Профессиональные союзы Бостона, под влиянием настроения рядовых членов, обещали им поддержку, и полицейские об'явили забастовку.

Губернатор Массачузетса, втайне поддерживаемый крупными банкирами и заводчиками, немедленно отнял всю власть у муниципалитета и об'явил, что все полицейские увольняются в отставку с лишением всех преимуществ по службе—в том числе и права на пенсию. Были вызваны войска для несения караульной службы на улицах города, и целые банды хулиганов были выпущены на свободу для устройства беспорядков, чтобы этою провокациею восстановить население против забастовавшей полиции. В то же время Гомперс и другие официальные вожди Американской Федерации Труда прибыли в Бостон и запретили профессиональным союзам поддерживать полицейских, о поведении которых они высказались очень неодобрительно. Хотя массы и требовали всеобщей забастовки, но вожди Федерации отказалась опубликовать результаты голосования по этому вопросу и решительно заявили, что забастовки не будет. В результате полицейские потерпели поражение, оказались уволенными и лишенными пенсии, а руководители Американской Федерации Труда продолжали свою гнусную работу содействия буржуазии, измены рабочим и сеяния между ними всяческих раздоров.

Значение этих всеобщих забастовок и неудачных попыток было очень велико. Несостоятельность и ненадежность союзов, организованных по профессиям, стали благодаря им столь очевидны, что рабочие начали искать другую форму организации. В Канаде рабочие Виннипега и всех западных провинций вышли из Американской Федерации Труда (решение Конгресса Канадских Профессиональных Союзов), и образовали новую организацию: „Единый Великий Союз" *), в котором рабочие об'единились в широком масштабе по отраслям производства (хотя и не в таком широком маштабе, как в России). Эти индустриальные единицы имеют свои окружные советы, построенные так, что в том случае, когда этого требуют интересы общего блага, рабочие каждой отдельной отрасли производства могут выступать самостоятельно. Такие же самостоятельные выступления могут устраивать отдельные округа и целые группы округов; если же необходимо предпринять общее выступление рабочих всей страны, то такое выступление может быть организовано Главным Советом, об'единяющим все союзы.

Во многих местностях Соединенных Штатов,—как в Ситтле, Бутте, городе Соленого Озера, Толедо,—возникли отделения „Единого Великого Союза", которые стали обнаруживать тенденцию к превращению в общенациональную организацию для всех Соединенных Штатов и к слиянию с Канадским Союзом. Во многих городах местные союзы Американской Федерации Труда высказались за реорганизацию Федерации на основах Единого Великого Союза, причем они не вышли даже из состава Федерации.

Интересно отметить, что Единый Великий Союз признает классовую борьбу, но в отличие от Союза Индустриальных Рабочих Мира, он отнюдь не антиполитичен, хотя пока еще и не носит вполне определенного революционного характера. Многие из его лидеров в Канаде и в Соединенных Штатах принимали участие в основании новой реформистской организации, покрытой легким налетом социа-

*) Не следует смешивать с Союзом Индустриальных Рабочих Мира, лозунгом которого также всегда был „Единый Великий Союз". Организация Канадского „Единого Великого Союза" несомненно обязана многим Союзу Индустриальных Рабочих Мира с его пропагандой идеи производственного союза, но Канадский Союз является несравненно более мощной ассоциацией, построенной на началах гораздо более здоровых сравнительно с союзом И. Р. М. Фактически,—хотя последний и отрицает канадскую организацию,— рядовые члены его во множестве входят в нее.

лизма и построенной в общих чертах по образцу Британской Рабочей партии.

Об этой новой Рабочей Партии необходимо сказать, во 1-х, что на трудовые массы она, повидимому, не оказывает притягательного действия, и во 2-х, что старая Американская Социалистическая Партия явно стремится к слиянию с нею, тогда как сама Рабочая Партия ведет переговоры о союзе с Беспартийной Лигой Фермеров — очень сильной политической и экономической организацией мелких земельных собственников, которая стремится к осуществлению „государственного социализма" в различных частях страны.

Движение в пользу основания Единого Великого Союза, сопровождавшееся образованием фабричных комитетов по всей стране, встретило враждебное к себе отношение со стороны Американской Федерации Труда, но нисколько не поколебало ее надменной самоуверенности. Это ясно доказал июньский конгресс Федерации, бывший самым реакционным из всех с'ездов, которые когда либо созывала эта реакционная организация. Так, конгресс высказался за Лигу Народов и ее хартию Труда. Затем, Конгресс Федерации высказался против признания Русской Советской Республики, как „недемократической", ибо, по словам секретаря Федерации, „правительство ее — исключительно рабочее". На ходе работ конгресса нисколько не отразилось то брожение, которое происходит сейчас в широких трудовых массах Америки. После конгресса Гомперс и другие лидеры выехали опять в Европу для того, чтобы принять участие в Амстердамском Конгрессе Профессиональных Союзов.

Между тем, более чуткие, хотя, может быть, и не весьма радикальные, лидеры американской Рабочей Партии с большим интересом продолжали все время следить за развитием английского рабочего движения. Различные планы английских рабочих о „национализации" не преминули оказать свое влияние и в Америке.

Это влияние прежде всего сказалось на „Железнодорожных Братствах",—четырех об'единенных союзах квалифицированных железнодорожных рабочих, которые, хотя и не входят в состав Американской Федерации Труда, но проникнуты теми же идеями и находятся в более или менее тесной связи с ней. В 1916 году эти Братства угрозою всеобщей забастовки принудили правительство провести закон, обязавший владельцев железных дорог установить 8-ми-часовой рабочий день. Угроза приостановки всего движения в стране произвела колоссальное впечатление на всех и прежде всего на самые Братства.

Получавшие всегда высокую заработную плату „аристократы труда",—железнодорожники,—так же, как и другие рабочие, очень страдали от все возраставшей дороговизны жизни. Этот рост дороговизны сводил к нулю все частые повышения железнодорожных ставок, которые никак не могли угнаться за ростом цен. Адвокат Глен Э. Плэмб, юрисконсульт Братств, хорошо знакомый с новейшими этапами рабочего движения в Англии, выработал план, который был принят вождями Братств.

План Плэмба сводится вкратце к следующему. Правительство должно произвести оценку действительной стоимости всего железнодорожного имущества, чтобы определить, во что обойдется выкуп его. Правительство должно выкупить дороги, уплатив их владельцам двойную сумму их нынешней стоимости, не уплачивая, однако, им ничего ни за основной капитал, ни за акции и облигации. Эта сумма должна быть выплачена беспроцентными бумагами, подлежащими выкупу в возможно кратчайший срок.

Правительство должно затем, по плану Плэмба, финансировать железные дороги и передать их в заведывание Распорядительного Комитета, составленного из представителей трех групп: правительства, технического персонала дорог и организованных рабочих. Доходы от дорог должны расходоваться прежде всего на погашение выкупных обязательств, затем на оплату труда и, наконец, по отчислении известного процента в виде дохода, на понижение пассажирского и грузового тарифов.

Этот план был одобрен и принят конгрессом Американской Федерации Труда, и Самуил Гомперс был избран почетным председателем „Лиги осуществления плана Плэмба",—организации, взявшей на себя задачу проведения этого плана в жизнь всеми средствами, как экономическими, так и политическими. Имеются, однако, все основания думать, что ни Гомперс, ни лидеры Братства не поняли в полной мере всего значения плана Плэмба.

Ранним летом железнодорожники, стоящие во главе Братств, совершенно неожиданно представили правительству, которое во время войны держало и доселе еще продолжает держать в своих руках контроль над железными дорогами, заявление с протестом против обратной передачи железных дорог в частные руки. Братства требовали выполнения одного из двух следующих условий: для обеспечения существования железнодорожникам должен быть гарантирован определенный минимум повышения заработной платы в несколько биллионов долларов в год или же должен быть проведен в жизнь план Плэмба. В случае отказа в выполнении этого требования железнодорожники угрожали всеобщей забастовкой.

На этот раз правительство, однако, не уступило. Президент Вильсон проявил большую энергию. Он обратился с посланием к Конгрессу, настаивая пред обеими палатами на необходимости принятия мер к понижению стоимости жизни и к борьбе с спекулянтами; он издал затем особый приказ, взамен военных правил, регулировавших продовольственный вопрос. В то же время он решительно заявил, что правительство не потерпит вынужденного подчинения „интересам одного класса". Братствам он резко ответил: „Представьте свои требования Главному Директору железных дорог. Мы сделаем для вас все, что будет возможно". Во всех этих шагах его поддерживала буржуазная печать, которая пошла даже дальше президента. Одна газета заявила: „Если Братства желают гражданской войны, то они ее получат, но мы не уступим им ни на волос".

Братства, однако, не желали гражданской войны. Их представители поспешили заявить, что они никогда и не думали о стачке, и смиренно отправились к ГлавномуДиректору железных дорог, который, посоветовавшись с президентом Вильсоном, уведомил железнодорожников о повышении заработной платы на четыре цента в час — сумма совершенно недостаточная. Рядовые железно-

дорожники пришли в ярость; по всей Америке Вильсона стали называть „четырехцентовым Вудро".

Рабочие железнодорожных мастерских, входящие в Американскую Федерацию Труда, были также возмущены таким решением вопроса. Их невозможно было теперь сдержать, и 1-го сентября, в тот день, на который была назначена всеобщая забастовка, они бросили работу. Особенно широкое распространение эта стачка получила в Новой Англии и на Дальнем Западе. Администрация Американской Федерации Труда, встревоженная таким „неповиновением", предписала забастовщикам немедленно стать на работу, угрожая в противном случае командировать своих людей для того, чтобы сорвать забастовку. Правительство с своей стороны грозило отправить железнодорожные батальоны для приведения в движение поездов. В результате открытого сотрудничества администрации союза с представителями власти и с Федерацией Труда забастовка была ликвидирована. Но железнодорожники встали снова на работу в самом мрачном настроении. И вот, теперь в с'езде, созванном машинистами для организации Единого Великого Союза Рабочих Металлистов, приняли самое деятельное участие делегаты рабочих железнодорожных мастерских всей Америки.

Волнение среди машинистов достигло кульминационного пункта в Бриджпорте, в штате Коннектикут,—разразившись забастовкой, во время которой фабриканты и заводчики пытались использовать выгоды положения и раздавить мощную местную организацию машинистов. Администрация Союза Машинистов, которая всегда боялась и ненавидела свой Союз за его индустриальный характер и революционность, воспользовалась этим случаем, чтобы распустить организацию за „нарушение дисциплины", и попыталась сформировать вместо нее новую местную группу. В настоящий момент почти половина всех местных групп машинистов находится в состоянии открытого возмущения против своих официальных вождей, и повсюду идут переговоры об образовании Единого Великого Союза Рабочих Металлической Промышленности.

Мы привели только два примера из целого ряда „неразрешенных" стачек, которые бурной волной прокатились по всей стране; к ним следует прибавить еще и забастовку об'единенных работников печатного дела в Нью-Йорке. Во всех этих стачках проявились одни и те же симптомы. Каждый раз администрация Союза сотрудничала с хозяевами и собственниками предприятий, чтобы свести на нет требования членов своего союза, и все эти стачки становились также и стачками против официальных заправил Союзов.

В августе президент Вильсон обратился с открытым призывом к рабочим и „публике" о полугодовом перемирии в классовой борьбе, чтобы дать ему возможность втечение этого срока принять меры к понижению дороговизны жизни. Он просил рабочих не устраивать забастовок, а спекулянтов умолял не поднимать цен на предметы первой необходимости. Вожаки рабочих немедленно же обратились к рядовым пролетариям с просьбою о прекращении стачек.

Ныне назревает новый конфликт—стачка рабочих сталелитейной промышленности. Когда-то давно, существовала в сталелитейной промышленности сильная рабочая организация Американской Федерации Труда. Но она была совершенно разбита и уничтожена во время Хомстедской стачки в 1902 году, когда сталелитейные заводчики расстреливали своих рабочих из пулеметов. Последние остатки организации сталелитейных рабочих исчезли после образования „Стальной Корпорации С.-А. Соединенных Штатов",—величайшего треста в мире,— и с тех пор, втечение 17-ти лет владычества стального треста, полмиллиона рабочих сталелитейной промышленности продолжали изнывать под игом злейшего из всех эксплуататоров на земле—стального треста.

По инициативе лучших и самых деятельных лидеров Американской Федерации Труда,—Джона Фитцпатрика из Чикаго и молодого человека Вильяма Фостера, бывшего раньше синдикалистом и революционером,—Федерация Труда втечение двух или трех лет разрабатывала план новой организации рабов Стального Треста. Можно без преувеличения сказать, что практическая организационная работа была сопряжена с опасностью для жизни в районе сталелитейного производства, где все городские служащие и правительственные чиновники состоят на жаловании у Стального Треста, имеющего кроме того в своем распоряжении и Пенсильванских „казаков"—так называют здешних полицейских—и целую армию сыщиков, охранников и наемных убийц, которые должны „оберегать" рабочих от заражения „опасными идеями".

Движение среди сталелитейных рабочих отнюдь не носило революционного характера. Оно было проникнуто самым элементарным из всех пролетарских стремлений,—желанием об'единиться и организоваться; тем не менее стальной трест ответил на него полной отменой свободы собраний, слова и печати во всем сталелитейном районе, увольнением всех лиц, присоединившихся к Союзу, арестами, избиениями и даже убийством организаторов.

Несмотря на все это, более ста тысяч рабочих об'единились в союз, и комитет Стальной Организации обратился к президенту Стальной корпорации, судье Гэрею, с просьбою принять его и выслушать жалобы сталелитейных рабочих.

Гэрей категорически отказался вести переговоры с членами Стального или какого нибудь другого комитета, являющегося представителем организованных рабочих сталелитейной промышленности. В виду угрожающего кризиса, президент Вильсон обратился к судье Гэрею с письмом, прося его принять и выслушать представителей комитета, но Гэрей и на эту просьбу ответил отказом.

Все эти обстоятельства заставили Гомперса ускорить свое возвращение в Америку. Газетная кампания против плана Плэмба была тогда в полном разгаре, и буржуазия изо всех сил кричала о „большевизме". Первым делом Гомперса было сложить с себя звание почетного председателя „Лиги осуществления плана Плэмба" и заявить, что Американская Федерация Труда никогда не одобряла этого плана. Он послал затем за Фитцпатриком и как стало потом известно, хотел оказать давление на него, чтобы предупредить стальную забастовку. Что именно произошло при свидании между этими двумя вождями, осталось неизвестным—

но Фитцпатрик сам — человек боевого темперамента и, кроме того, ему, вероятно, известны кое-какие подробности из жизни и деятельности Гомперса, которых старый лицемер предпочитал бы не оглашать. Как бы то ни было, собирание голосов среди сталелитейных рабочих в пользу забастовки шло своим чередом, и Гомперс оставался более или менее нейтральным, обвиняя Гэрея, но сам не предпринимал никаких активных шагов. И вот, в конце сентября вспыхнула большая стальная забастовка,—чисто стихийное движение, которое могло перейти даже в открытое восстание.

Президент Вильсон по примеру Ллойд Джорджа созвал тогда в Вашингтоне 6-го октября „Промышленный Конгресс", которому предложил „разрешить вопрос о беспорядках в промышленности". Конгресс этот должен был состоять из равного числа представителей от капитала, рабочих и „общества". В качестве представителей от „общества" Вильсон назначил самых крупных представителей хищнического капитализма в Америке, и среди них судью Гэрея. Даже представители капитала не были до такой степени реакционны, как эти „представители общества". Что касается рабочих, то он избрал их представителями Гомперса и его ближайших сотрудников.

Однако, даже и эти три группы не могли прийти к соглашению. Капиталисты, с Гэреем во главе, показали, что они решили стоять на своем, добиться раз навсегда вполне определенного результата и сокрушить рабочее движение. Такая позиция заставила Гомперса и реакционных лидеров Американской Федерации Труда понять, что их собственная организация находится под угрозой, и они ушли с Конгресса. Гомперс стал теперь вполне определенно на сторону стальной забастовки и обещал стачечникам полную поддержку со стороны Федерации Труда.

Колоссальное усиление рабочего движения, хотя и встречавшее противодействие со стороны официальных заправил союзов, принудило, наконец, и этих заправил принять участие в выступлениях. Так, с'езд шахтеров каменноугольных копей в Клевеленде, состоявшийся в половине сентября, несмотря на то, что он происходил под руководством в высшей степени реакционных и продажных лидеров, высказался за „национализацию горных богатств и рудников" по плану, в общих чертах напоминающему проект английских рабочих, за шестичасовой рабочий день, за значительное повышение заработной платы и за другие улучшения условий труда. В случае неисполнения этих требований с'езд угрожал „принятием активных мер".

Союз горнопромышленных рабочих пережил за лето целый ряд „неразрешенных" забастовок, которые были с особенной жестокостью подавлены об'единенными усилиями администрации Союза и владельцев рудников. В организации это вызвало сильное недовольство, которое немало способствовало популярности плана „национализации". Однако, лидеры не хотели, чтобы дело дошло до забастовки.

Установленное число—1-го ноября— не принесло с собою никаких уступок со стороны владельцев копей, и ярко выраженное настроение масс заставило вожаков поставить на голосование вопрос о забастовке, в результате которого огромное большинство высказалось за прекращение работ.

Однако, немедленно же после об'явления забастовки правительство сбросило маску. Президент Вильсон отправил в каменноугольные копи 100.000 солдат. Федеральные власти разослали приказ, по которому руководителям забастовки было запрещено отдавать распоряжения о стачке и вообще руководить забастовкой; всем гражданам в стране было запрещено оказывать забастовщикам содействие агитацией или денежными сборами. Кроме того, правительство конфисковало кассу Союза Шахтеров.

По последним сообщениям из Америки стальная забастовка проиграна; носятся слухи также и о неудачном исходе каменноугольной забастовки.

Эти неудачи не могут, однако, причинить никакого длительного вреда рабочему делу. Рабочие получили очень ценный урок об истинном значении и роли капиталистического государства; урок этот вынесен ими на своих собственных плечах и именно поэтому он даст более ценные результаты, чем целые годы пропаганды.

Самые последние телеграммы сообщают нам о внесенном в Конгресс законопроекте,— может быть в данный момент уже прошедшем через палаты,— которым воспрещаются всякие забастовки в отраслях промышленности, необходимых для общественого благосостояния.

Это — венец всего здания. Если такой закон действительно прошел, то он станет краеугольным камнем революционного движения в Америке. Контрреволюционное настроение американской буржуазии становится ярче с каждым днем, и перед рабочим классом встает во всей своей остроте следующая альтернатива: или промышленное рабовладельческое государство, или диктатура пролетариата.

Когда американские рабочие вполне ясно поймут это, тогда у нас не будет ни малейшего основания опасаться за дальнейшую судьбу революционного движения в Америке.

Дж. РИД.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К ШВЕЙЦАРСКИМ ТОВАРИЩАМ И КО ВСЕМ РАБОЧИМ ШВЕЙЦАРИИ.

Вот уже восемь месяцев я тщетно пытаюсь пробраться в Швейцарию. Герметическую блокаду, которою Антанта отрезала Россию от остального мира, мне до сих пор не удалось прорвать, так как правительства Финляндии и Румынии—частью по собственному почину; но главным образом под давлением парижского кабинета—отнеслись ко мне совершенно иначе, чем к делегатам II Интернационала.

И вот, первый раз за все время моей политической деятельности, я вынужден, не имея возможности сам стать в первых рядах, призывать других товарищей к смелому и решительному боевому выступлению. Я хочу сказать вам, товарищи, коротко и ясно, в чем, по моему, заключается теперь ваш долг, ваша задача; что нужно и можно сделать для того, чтобы выйти из того положения, в котором вы сейчас находитесь.

Я отлично знаю, что представители правого крыла швейцарской партии, а также, быть может, и некоторые, слишком осторожные из наших ближайших товарищей будут упрекать меня в том, что я даю советы, не будучи сам достаточно знаком с настоящим положением дел в партии и с общим состоянием швейцарского рабочего движения в данный момент. Но упрек этот неоснователен. Благодаря имеющимся у меня номерам „Volksrecht'a" и „Berner Tagwacht'a", а также располагая одним весьма содержательным нелегальным докладом из Швейцарии, я имею возможность составить себе вполне точную картину того, что у вас теперь происходит.

Швейцарская партия представляет собою в настоящее время арену борьбы весьма различных и самых разнородных элементов. Мелко-буржуазные пацифисты, социалисты шейдемановского типа, колеблющиеся центровики и убежденные коммунисты все еще ютятся под кровом одной и той же организации. Швейцарские собратья Носке—грютлианцы—не перестают повторять, что значительная часть вождей рабочего движения в Швейцарии — по существу правоверные грютлианцы, и что только трусость мешает им открыто исповедывать свои убеждения и заставляет их подчиняться всем решениям радикалов. Я считаю это утверждение вполне правильным. Такое положение тормозит ваше движение, угрожает ему не малой опасностью. Ближайшее же будущее раскроет глаза швейцарским рабочим и заставит их понять, что в момент борьбы и опасности нашим злейшим врагом является не буржуазия, открыто выступающая против нас, а безличные и политически неустойчивые элементы в наших собственных рядах.

Мы должны добиться полной ясности. Мы не можем ради интересов сохранения организационного единства подчиняться решениям, которые никогда и никоим образом не могут быть для нас обязательными. Признание или даже только временное допущение таких реакционных решений, как отказ от вступления в Третий Интернационал, было бы с нашей стороны политической проституцией, было бы истинным несчастием для швейцарского рабочего класса. Только тот, кто сознательно зажмуривает глаза, не желая глядеть в будущее, может предаваться иллюзорным мечтам о том, что мы достигнем социализма, не применяя методов пролетарской диктатуры.

Перед нами Второй „Желтый" Интернационал и Третий Коммунистический. Каждый из них олицетворяет особую программу, и мы должны сделать решительный выбор между ними. Приверженцы Желтого Интернационала стоят на почве социальных реформ и хотят строить социалистическое государство будущего в тесном сотрудничестве с бандитами-империалистами. В действительности политика этих, так называемых рабочих вождей, означала бы сохранение на вечные времена рабства наемных рабочих и не устранение, а лишь реформирование капитализма. Достижение буржуазного социально-демократического строя—вот альфа и омега этих горе-социалистов. Эти международные социал-предатели готовы—в теснейшем союзе с юнкерами и либералами и при помощи осадного положения и белого террора — стереть с лица земли всех, кто борется за немедленное уничтожение господства капитала.

Приверженцы Третьего Коммунистического Интернационала ясно и определенно высказываются за диктатуру пролетариата, т.-е. за советскую систему. Только те, кто исполняет общественно-полезный труд, должны иметь право самоопределения при создании будущего общественного строя; они должны направить всю свою силу и энергию на то, чтобы сломить и окончательно уничтожить классовое господство буржуазии, тем самым навсегда положив конец рабству наемного труда. К одному из этих двух направлений и необходимо вполне определенно примкнуть. Несомненно, что теми товарищами, которые группируются вокруг Гримма и которые своим воздержанием при референдуме по вопросу о вступлении в Третий Интернационал доставили победу правым, руководила надежда на создание какого-то среднего — Интернационала центра. Но этим вечно колеблющимся людям едва ли удастся создать какой-либо теоретический базис для такого Интернационала, к каким бы софистическим доводам они не прибегали. Не надо быть пророком для того, чтобы предвидеть, что эти попытки создать еще один Интернационал,— увенчатся ли они успехом или нет — вызовут только раздоры среди рабочих, ослабят революционный фронт и отдалят день победы.

Товарищи! Перед вами два пути: либо вы в состоянии исправить результат референдума, провести в жизнь присоединение к Третьему Интер-

национальному и тем самым заставить правые элементы уйти туда, где им уже давно место, а именно — в националистический союз имени Грютли. Там, в этом клубе безобидных мелких мещан, они будут чувствовать себя, как дома; там им никто не помешает, вместо Интернационала, с воодушевлением распевать патриотические песни, вроде „Rufst du mein Vaterland". Более честным будет тогда и их преклонение пред „высоким" Союзным Советом, этим поверенным эксплуататоров и ростовщиков.

Второй путь, который все еще открыт для вас, ведет к отказу от тех воззрений и от той тактики, которых вы придерживались до сих пор. Я краснею от стыда при мысли о том, что вы, товарищи, способны были бы по прежнему плестись за социал-реформистами. Неужели мы только для того четыре года боролись против Шейдеманов, Тома, Реннеров и пр., чтобы на пятый год опять заключить братский союз с этими предателями? Неужели наше преклонение перед Либкнехтом, Розой Люксембург и всеми другими героями-борцами всех стран,—было только пустой фразой и красивым жестом? Неужели мы, дважды, в дни двух годовщин, приветствовавшие вождей революционной России и выражавшие свое восхищение по поводу создания русской пролетарской Советской Республики, теперь, на третий год существования Советской власти, отвернемся от них? Нет, я не могу допустить мысли, что наша политика была пустым шаблоном, лишенным всякого истинно революционного содержания. Я убежден в том, что по крайней мере десятки тысяч швейцарских рабочих были в нашей борьбе воодушевлены более искренними и честными намерениями, чем те, что сказались в результатах референдума. А формальному единству партийного движения мы никогда ни на минуту не должны приносить в жертву свои основные принципы. До сих пор наша слабость заключалась именно в том, что мы не всегда выступали с надлежащей решительностью против Гриммовской политики, лозунгом которой было: „ни то ни другое". Наше тяготение к внешней, показной силе заставляло нас всегда идти бок о бок с Гриммом, и вследствие этого наша политика не столько прояснила, сколько затемняла сознание рабочих масс. Эта неискренняя и нелогичная политика центра и сделала нас слабыми. Теперь мы должны принять определенное решение; и всего лучше мы достигнем этого, если при первом же представившемся случае и, прежде всего, на ближайшем партийном с'езде выступим с ясно и точно формулированной программой. В программе этой не должно быть ни одного двусмысленного слова, ни одной недоговоренной мысли, продиктованной боязнью оттолкнуть от себя большинство партийных товарищей. Правда должна стоять выше всего. Мы должны энергично приняться за дело и начать планомерную просветительную работу в духе коммунизма. Опираясь на крепкие организационные и агитационные центры, мы в кратчайший срок привлечем на свою сторону самые широкие круги рабочих и, когда настанет момент, сможем повести их на борьбу. Остающееся еще время мы должны использовать для того, чтобы раз'яснять рабочим сущность и характер будущего строительства Советской Республики и получше ознакомить их с методами укрепления власти Советов. Разумеется, мы должны также иметь мужество для решительной борьбы с тактикой изнуряющих нас выступлений, проповедуемой частью товарищей.

Если вас испугает трудность задачи, вспомните о ваших братьях-героях на востоке. Сплотившись под знаменем Третьего Интернационала, терпя голод и холод — петербургский пролетариат с беспримерным энтузиазмом отразил нападение Юденича и английского флота. Кронштадские моряки не дрогнули под самой чудовищной канонадой, одушевленные желанием во что бы то ни стало спасти пролетарскую революцию. В самых тяжелых условиях русский народ ведет в Советской России борьбу против Колчака и Деникина, и если эти генералы уже разбиты на голову, то это произошло потому, что народ здесь твердо верит в победу нашего дела. Наблюдая этот героизм и вспоминая нашу медлительность и трусость, я часто задаю себе вопрос: где источник этой нашей слабости? Наши вечные колебания и деморализующие нас компромиссы должны быть преодолены. Отбросьте все сомнения и примкните к революционным батальонам Третьего Интернационала!

Ф. ПЛАТТЕН.

ЕВРЕЙСКОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

I.

Октябрьская революция 1917 года в потоке своем не захватила самостоятельно организованное еврейское рабочее движение. Правда, в таких центрах, как Киев, Одесса, где массы еврейских рабочих всегда находились под влиянием общероссийского пролетарского движения, они втянуты были в общее русло большевизма. Но это не отразилось на политической линии еврейских социалистических групп, которые с упорством продолжали вести борьбу против большевистских „утопий" и „демагогии".

Тон всем другим социалистическим группам естественно задавал „Бунд", эта самая старая революционная организация еврейских масс. В прошлом, как например в 1905—1906 гг., „Бунд" не раз переживал периоды резких уклонов к большевизму того времени, но с 1907—1908 гг. лидеры „Бунда" определенно повернули направо, все более сближаясь с ликвидаторским крылом российской социал-демократической партии. С 1912 года „Бунд" вступает в тесные организационные отношения к меньшевикам, с которыми он уже с тех пор не порывает до самого момента германской революции. По отношению к войне в „Бунде", как и во всем Интернационале, до революции боролись „оборонческое" и так называемое „интернационалистское" течения. „Оборончество" заметно преобладало, и стало вполне определенно партийной идеологией „Бунда" с первых дней февральской революции. Вместе с меньшевиками, „Бунд" поддерживал коалиционное правительство и его военную политику. Крах наступления Керенского и июльское выступление пролетариата приводят к перемещению течений внутри „Бунда:" идеи „оборончества" и „коалиции" с буржуазией терпят поражение, в партии побеждают интернационалисты, выдвигается новая тактическая линия—блок с городской и сельской мелкой буржуазией и, вместе с тем, по прежнему—борьба против большевизма.

Такова же к моменту октябрьского переворота была в сущности и позиция двух других национально-социалистических еврейских групп. „Об'единенная Еврейская Социалистическая Рабочая Партия (С. С. и Е. С.)" образовалась в марте 1917 года из остатков двух, в период первой революции отдельно существовавших групп: — „сионистов-социалистов", и „еврейских социалистов", (сеймовцев, серповцев). Вовлечение широких еврейских масс в революционное движение, особенно на Украйне, где традиции „Бунда" были всегда слабее, привело к довольно быстрому росту этой об'единенной партии. Основным лозунгом ее стало стремление к „персонально-национальной автономии" для евреев, автономии широкой, которая должна дать еврейской массе возможность самой заботиться о своих культурных, бытовых и даже социально-экономических нуждах. Лозунг этот не мало содействовал вовлечению в движение массы еврейского мещанства, но когда революционная волна схлынула, этот же лозунг был широко использован еврейской плутократией и клерикалами для закрепления прежнего своего влияния на те же мещанские слои.

Партия „Поалей Цион" в период второй русской революции оставила в стороне активную агитацию за передачу евреям Палестины и так же, как „об'единенные", стала вести более или менее радикальную революционную агитацию. Но, повидимому, сионистская идеология „Поалей Ционистов" застраховала их от увлечения „оборончеством": их национализм заключался не в обороне национальной государственности „чужих" народов, а в стремлении к своему, сионистскому отечеству. Эта же, если можно так выразиться, „экстерриториальность" „поалей-ционизма" сделала его более восприимчивым к большевистским настроениям: „поалей-ционистам" не приходилось ломать традиций Второго Интернационала уже по одному тому, что они к нему ни идеологически, ни формально никогда не принадлежали.

Традиции Второго Интернационала сыграли предательскую роль в деле освобождения всего мирового пролетариата. Такую же предательскую роль они сыграли и по отношению к еврейскому рабочему движению. Партийная дисциплина, сплоченность, организация, все то, что в период первой революции по праву дало „Бунду" звание „авангарда русской революции", сейчас, в октябре 1917 года, обратилось против пролетариата: „Бунд" задерживал естественный процесс расслоения в еврейской революционной среде. Всю энергию „Бунд" в своей агитации обратил против социалистической революции, против диктатуры пролетариата, стремясь об'единить рабочую и мелко-буржуазную массу на почве старых буржуазно-демократических идей, как идеи Учредительного Собрания, национальной автономии и т. п. В самые дни большевистского переворота, „Бунд" поддерживал идею соглашения с другими социалистическими группами. Когда все эти стремления не привели ни к чему, „Бунду" оставалось только одно: верить в близкое поражение большевизма и содействовать этому поражению своей агитацией. Такова же была и позиция „об'единенных" и „Поалей-ционистов". В отдельных местностях Советской России отдельные группы „Поалей-Цион" стали на платформу Советской власти, но это отнюдь не превратило их в коммунистов и нисколько не отразилось на их общей националистической идеологии.

Без раскола в рядах старых еврейских социалистических групп, особенно „Бунда", не могло

быть и речи о массовом коммунистическом движении среди еврейских рабочих. Под влиянием общерусского движения, отдельные еврейские рабочие уходили из правых еврейских социалистических групп в партию коммунистов. Эти пионеры еврейского коммунистического движения создали внутри Р. К. П. небольшие ячейки, так называемые еврейские секции Р. К. П. Но и эти ячейки не могли в то время иметь большого влияния на еврейское рабочее движение,—тем более, что они создавались, главным образом, во внутренней России, вдали от ее западной и южной окраин, где сконцентрированы компактные еврейские рабочие массы. Эти же пионеры взяли в свои руки работу еврейских комиссариатов. Задачей последних было преобразовать еврейскую жизнь на новых началах, соответственно требованиям наступившей эпохи социалистического переворота. По уже указанным причинам влияние этих еврейских комиссариатов также не могло быть велико, так как в то время масса организованных еврейских рабочих оставалась в стороне от коммунистического движения.

Влияние этих комиссариатов было велико только в моральном отношении: еврейские массы узнали, что Советская власть готова заботиться о специальных нуждах евреев и учредила для этого особый государственный орган.

Такое же моральное значение имело и образование еврейских коммунистических секций. Тот факт, что при коммунистической партии имеется центральное бюро еврейских коммунистических секций, ведущее специальную работу среди евреев, говорил очень много еврейским рабочим. Известное влияние имела и коммунистическая литература, появившаяся впервые на еврейском языке в издании Р. К. П.

Литва и Польша были все время отрезаны от Советской России. В Белоруссии политическая жизнь никогда не отличалась большим оживлением. Иначе сложилась политическая обстановка на Украйне. Переворот 25 октября, свергший центральное коалиционное правительство в Петрограде, привел на Украйне сначала к победе националистической украинской Центральной Рады, а затем к четырехмесячной гражданской войне, закончившейся установлением Советской власти. Еврейские социалистические группы в этой гражданской войне оказались по ту сторону баррикады, в лагере мелкобуржуазной Центральной Рады. Отчасти это вытекало из их общей политической позиции, из того, что они отрицали возможность немедленного осуществления социализма и добивались блока с мелкой буржуазией. Отчасти же это было плодом их националистических тенденций. На Украйне, в результате соглашения между украинскими и еврейскими мелкобуржуазными социалистами, осуществлялась давняя мечта еврейских социалистов: еврейская национальная автономия с особым еврейским министерством, еврейскими общинами, а в перспективе — и с еврейским национальным собранием. „Демократия" здесь торжествовала полную победу. Большевики разрушали эту мирную мелкобуржуазную идиллию, — в глазах правых социалистов это было еще одним серьезным доводом против диктатуры пролетариата. Еврейские социалисты заседали в Центральной Раде, занимали места и в ее министерстве, неся ответственность за всю ее политику, направленную к разгрому пролетарского движения.

Уже январь 1918 года принес еврейским массам большие разочарования. Хваленая украинская „демократия" оказалась весьма шовинистической и даже антисемитской. Отдельные погромы начались еще в ноябре 1917 года. Провозглашение „самостийности" Украйны означало разрыв с Российской Революцией и подчинение Украйны германскому империализму. Победа склонялась на сторону реакционной идеологии. В то же время обманула все ожидания и хваленая „демократическая" еврейская автономия. В подавляющем своем большинстве еврейские общины при демократических выборах попали в руки еврейской плутократии и клерикалов. Как мы видим, союз еврейской и украинской демократии дал первую трещину уже в январе 1918 года, но это не толкнуло еврейских социалистов влево, а лишь вызвало в их среде апатию и недоверие. С большевизмом они продолжали вести борьбу и тогда, когда на короткое время водворилась советская власть, боролись против нее и позже, после поражения, нанесенного советской власти германской оккупационной армией, занимавшей Украйну до тех пор, пока не разразилась революция в Германии.

II.

С первого же момента европейской войны область Литвы и Польши — эта колыбель еврейского рабочего движения — очутилась под гнетом оккупации германского милитаризма. Еврейские рабочие обеих этих стран были отрезаны от России и не пережили непосредственно ни бурных падений и разочарований первого буржуазного периода революции, ни октябрьского переворота с вызванной им бурной борьбой различных течений. Но зато они остались также в стороне от оборонческих иллюзий, от националистических идей, охвативших меньшевиков и русскую часть „Бунда".

Брестский мир — этот плод временной победы германского империализма — привел к дальнейшему расширению германской оккупационной территории. К апрелю 1918 года вся западная окраина и весь юг бывшей Российской Империи, вся территория бывшей „черты еврейской оседлости" с компактным еврейским рабочим населением была занята германскими войсками. Россия вышла из мировой войны. Идеи „оборончества" были уже давно изжиты еврейским рабочим движением. В первое время резкая перемена политической ситуации — переход от свобод российской революции к прелестям режима прусских юнкеров — вызвал разочарование, апатию и политический индифферентизм в широких кругах еврейского пролетариата. Но это продолжалось недолго. Та же германская оккупация содействовала быстрому изживанию ограниченных националистских взглядов меньшевиков на развитие российской революции. Разбуженная поражением российской революции политическая мысль невольно, вслед за большевиками, обращалась на Запад, ища в европейской и в частности в германской революции спасения от германской оккупации, от германского милитаризма. Судьбы еврейских рабочих, благодаря Брестскому

миру, оказались как бы непосредственно связанными с судьбами германского пролетариата.

Пролетарская часть меньшевистской социал-демократии и „Бунда" была проникнута глубоким скептицизмом по отношению к социалистической революции, начинавшейся в России, этой самой отсталой из всех европейских стран. Но если бы разразилась революция и в Германии, если бы власть и здесь перешла в руки пролетариата, тогда для самых отъявленных скептиков программа большевизма перестала бы быть утопией, она превратилась бы в „категорический императив" для всякого подлинного социалиста, воспитанного на довоенной марксистской революционной литературе: ведь от пролетариата Германии всегда так много ждал рабочий Интернационал, организованность и сознательность германских рабочих была образцом для всей социал-демократии, германские теоретики-марксисты издавна были вождями всего Интернационала.

Все это в достаточной степени об'ясняет, почему германская революция произвела столь сильное, можно сказать, потрясающее действие на умы организованных еврейских рабочих. С ноября 1918 года начинается лихорадочный пересмотр всей идеологии. Правоверный меньшевизм сразу сдает свои позиции, от него отворачивается вся революционная часть „Бунда" и других социалистических партий. Германская революция проводит внутри этих партий ту грань, которую во всей остальной России провела октябрьская революция: направо идут все мещанские элементы, все то, что пристало к рабочему движению от мелкой еврейской буржуазии, налево — подлинно-революционные элементы, для которых социализм был не только красивой теорией, но конкретной задачей классовой борьбы. Среди этих революционных элементов долго еще будут итти споры о методах социального переворота, некоторые из них долго еще будут цепляться за остатки прежней реформистской идеологии, но рано или поздно все они должны будут придти к большевизму, как к единственно целесообразной форме борьбы за победу пролетариата.

Целый год длится эта внутренняя эволюция, целый год ведется борьба в рядах „Бунда" в Белоруссии; так же медленно совершается и развитие и в Литве, и в Польше. Между тем, на Украйне, благодаря особенным местным условиям, этот процесс перехода к коммунистической платформе совершился с революционной быстротой. Про еврейских социалистов Украйны с полным правом можно сказать, что они переменили свою тактику в 24 часа. К началу февраля 1919 года коммунистическая организация еврейских рабочих на Украйне была почти окончательно оформлена. Произошло это в результате той второй украинской революции, которая последовала немедленно же вслед за первыми ударами германской революции. На этом моменте мы остановимся несколько подробнее.

Мы отмечали уже выше ту тесную связь, которая установилась втечение первого года революции между еврейскими социалистами на Украйне и Центральной Украинской Радой. Еврейские социалисты поддерживали украинское национальное движение, вместе с его представителями борясь против революционного большевистского движения рабочих и крестьян. Мы видели, как много разочарований принесла украинская мелко буржуазная демократия еврейским социалистам в период брестского мира, когда и для них стала выявляться реакционно-националистическая физиономия мелкобуржуазной Рады, с ее стремлением отгородиться от революционной России, а внутри страны — насильственно украинизировать все стороны местной жизни. Уже тогда в этом стремлении прорывалась антисемитская струя. Центральная Рада в мае 1918 года была свергнута германскими штыками, которые она же сама привела на Украйну для борьбы с направленным против нее народным движением. Водворилась гетманщина.

В ноябре 1918 года деятели старой Центральной Рады, организовавшиеся в Национальный Украинский Союз, подымают восстание против гетмана под лозунгами „самостийной" Украйны. Во главе движения становится Украинская Директория с председателем Винниченко и командующим армией Петлюрой во главе. Восстание имело успех, благодаря поддержке, оказанной ему многочисленными революционно-повстаческими ячейками коммунистов и украинских социалистов-революционеров. 14 декабря Директория вступила в Киев во главе большой революционной армии. Политическая физиономия нового правительства с каждым днем выступала яснее. Крестьяне — и отчасти рабочие — поднялись во имя своих кровных социальных интересов для того, чтобы в подлинном смысле слова завоевать себе землю и волю. Но вожаки движения хотели непременно ввести его в узкое русло националистических стремлений. Украинский Национальный Союз и Директория политически были выразителями интересов и чаяний городской мелкой буржуазии и сельского кулачества. Они хотели утвердить украинскую власть кулака; таково было истинное содержание лозунга „самостийной Украйны". Но в то же время из соображений национал-социальной демагогии вся политическая идеология Директории была окрашена в большевистский цвет: провозглашалась власть трудового народа, его диктатура; буржуазия и помещики, как классы эксплуататорские и к тому же повинные в утверждении гетманщины, лишались политических прав. Вместо Учредительного Собрания выдвигалась идея созванного из представителей крестьян, рабочих и трудовой интеллигенции с'езда Трудового Народа. В отношении национальном эта формула не противоречила интересам Украинского Национального Союза, так как она отстраняла от участия в политической жизни наиболее националистически настроенные социальные классы других национальностей (русских и польских помещиков, еврейских, русских и иностранных капиталистов).

Втечение двух месяцев подлинная сущность стремлений Директории выявилась с полной ясностью. В той страстной политической борьбе, которая в то время кипела на Украйне, каждая политическая группа должна была занять определенное место,—колебаниям не могло быть места. Еврейские социалисты встретили Директорию с недоверием, а затем, с каждым поворотом ее вправо, гибли одна за другой иллюзии старых соглашателей, а революционные элементы еврейских социалистических партий толкались влево, в лагерь борющихся против Директории коммунистов. Неискренность фраз о диктатуре пролетариата и

крестьянства была скоро разоблачена. Директория повела открытую борьбу против Советов рабочих и солдатских депутатов, всецело подчиняясь в своей политике правой части Украинского С'езда и атаману галицийских сечевиков, Коновальцу. Директория скоро перешла к открытой военной расправе с рабочими и крестьянами. С'езд Трудового Народа и местные Рады специально строились так, чтобы дать в них первенство украинскому кулаку. „Демократия" попыталась было нарядиться в большевистские перья, но этот маскарад продолжался не долго, и в борьбе против Советов эта самая „демократия" не погнушалась даже организовать еврейские погромы в Житомире и Бердичеве. Поставленная перед необходимостью выбирать между союзом с Советской Россией и подчинением Антанте, Директория выбрала последнее, уже в январе передав французскому десанту железные дороги Украйны. Быстро, в огне революции, еврейские социалисты получали, так сказать, предметные уроки классовой борьбы. А, одновременно с этим, в Германии разыгрывался первый акт революционной драмы: спартаковское движение было временно разбито. Идея „демократии" в глазах еврейских социалистов вдвойне потерпела крах: во первых, были развенчаны мелкобуржуазные слои, скоро оказавшиеся в лагере контр-революции (Украинский Национальный Союз и Директория); во вторых, был окончательно подорван авторитет идеи Учредительного Собрания, которое и в Германии оказалось в руках буржуазии, несмотря на всю об'ективную подготовленность страны к социалистическому строю.

В середине января 1919 года большинство и в „Бунде" и в „Об'единенной еврейской социалистической партии" стояло уже на Советской платформе, активно, в союзе с партией коммунистов, участвуя в вооруженной борьбе за Советскую власть. 1-го марта, на всеукраинском совещании „Бунда" окончательно завершился организационный раскол, обнаружившийся уже на Трудовом С'езде, где выступали две бундовские фракции: 1) фракция, признающая советскую платформу и 2) фракция, оставшаяся верной меньшевистской Р. С. Д. Р. П. Большинство на этом совещании постановило изменить прежнее название партии, которая теперь, после ухода правой части стала именоваться „Коммунистическим Бундом". Две недели спустя „Об'единенная евр. соц. партия" на своей 3-ей конференции также решила переименовать себя в „Об'единенную Еврейскую Коммунистическую Партию". Внутри „Поалей Цион" происходила глухая борьба, но эта группа была политически дезорганизована и деморализована участием лидеров ее в составе кабинета Директории. Различные элементы этой партии сплачивала националистическая сионистская идеология, общая и правому и левому крылу „Поалей Цион" и особенно остро чувствовавшаяся в тот момент, когда надежды на осуществление сионизма окрепли, благодаря поддержке Антанты, обещавшей отдать Палестину евреям. Лишь позже в конце августа, на всероссийском совещании в Гомеле, раскололась и эта партия. Рядом со старой „Евр. Соц. Дем. Раб. Партией Поалей Цион", возникает новая — „Еврейская Коммунистическая Партия (Поалей Цион)". Медленно совершался процесс дифференциации и в „Бунде" в Белоруссии. Но и здесь, на совещании в Гомеле в ноябре 1919 года, большинство „Бунда" присоединилось к III Коммунистическому Интернационалу и решило выступить из состава Р. С. Д. Р. П. По сведениям, дошедшим до нас из-за границы, такую же позицию заняло и большинство „Бунда" в Литве и Польше. Делу об'единения с коммунистической партией мешают здесь как некоторые разногласия в общеполитических вопросах, так и сохранившиеся до сих пор националистические настроения и предрассудки.

Со времени образования двух еврейских коммунистических партий на Украйне, перед обеими группами встал вопрос об об'единении еврейского коммунистического движения и о слиянии обеих партий в одну общую коммунистическую партию. Несмотря на гражданскую войну, разрывавшую связь между городами, процесс дифференциации внутри старых еврейских социалистических партий развивался одинаково во всех городах, и везде большинство переходило на сторону коммунизма. Переговоры о слиянии велись между партиями с первого же дня проникновения в их среду коммунистических идей. Необходимо было только столковаться по одному вопросу: национальному. Втечение двух лет революции в вопросе об об'единении еврейских социалистов огромную роль играл лозунг национально-персональной автономии, причем то стирались, то углублялись старые разногласия между „Бундом" с его культурной автономией и „серповцами", добивавшимися широкой автономии, охватывающей также и сферу экономических вопросов и вопрос национального представительства. Как только обе партии стали на точку зрения социалистической революции и приступили к работе в стране с господством пролетарской советской власти, требование национальной автономии потеряло всякий смысл. Раньше удовлетворение этого требования должно было служить гарантией против национального гнета и насильственной ассимиляции, типичных для буржуазного строя. Но при господстве пролетариата никакого национального гнета быть не может; ни одна часть пролетариата не станет требовать каких либо особых гарантий для защиты себя от произвола другой части пролетариата. Вопрос переносится в совершенно другую плоскость: необходимо приспособить аппарат советской власти к тому, чтобы он мог обслуживать нужды всех трудящихся, принадлежащих к разным национальностям. Оставаясь на прежней позиции, признающей, что понятие „нация" приложимо и к еврейскому народу, говорящему в подавляющем своем большинстве на одном и том же, еврейском, языке, еврейские коммунисты искали соответствующих организационных форм как в области государственной, так и в области партийной работы. Принцип централизма в политическом руководстве необходимо было сочетать с образованием отдельной национальной ячейки, ближей к еврейской рабочей массе. Такой формой являлись „еврейская секция" в отдельных комиссариатах и в общей партии.

Когда единомыслие между „Бундом" и „Об'единенной Партией" было достигнуто, созваны были одновременно конференции обеих партий, и 22-го мая 1919 года на об'единенном заседании было

положено основание единому „Еврейскому Коммунистическому Союзу", ставшему популярным под сокращенным еврейским названием „Фарбанда".

„Фарбанд" функционировал как особая еврейская коммунистическая организация в течение трех месяцев. За это время было выпущено 65 номеров еженедельной еврейской газеты „Коммунистише Фон" *) („Коммунистическое Знамя"), были распространены в большом количестве экземпляров на еврейском языке манифест Коммунистического Интернационала, программа Р. К. П., принятая на VIII с'езде, и другая коммунистическая литература. Все члены организации были об'явлены мобилизованными. В момент наступления Деникина большая группа ответственных работников была отправлена на фронт для политической работы в армии. „Фарбанд" поставил на очередь дня уничтожение остатков еврейских буржуазных организаций, общин, национального секретариата, в котором засели еврейские сионисты и клерикалы. Ставка сионистов на победу Антанты, с которой они поддерживали регулярные сношения, агитация их за Палестину и вместе с тем за Деникина и Колчака, имевшая целью помешать привлечению рабочих в Красную армию, и вообще то противодействие, которое оказывали сионисты государственной работе органов Советской власти, — все это повлекло за собою прекращение деятельности сионистов и клерикалов, благодаря вмешательству „Фарбанда". Для более успешной мобилизации еврейских рабочих, призываемых в Красную армию, при Военном Комиссариате в Киеве была организована особая еврейская секция (Еввоенсек), которая издавала еженедельную газету „Красная Армия", рассылала агитаторов и инструкторов. При Комиссариате Просвещения организована была также особая секция для школьной и внешкольной работы на еврейском языке. „Фарбанд" взял в свои руки и дело помощи пострадавшему от погромов еврейскому населению (Центральная Секция при Комиссариате Социального Обеспечения). Таким образом, „Фарбанд" выполнял ту же работу, которой был занят еврейский комиссариат в центральной России.

Победы Деникина остановили развитие этой большой творческой коммунистической работы. В самый канун оставления Киева, по предложению Ц. Б. Евкомсек и по решению Ц. К. Р. К. П., „Фарбанд" был включен в состав Коммунистической Партии на правах еврейской секции. Эвакуированные из Украйны работники разбрелись по городам Западной России и немало содействовали здесь росту коммунистического движения.

За последнее полугодие окрепло еврейское коммунистическое движение и в этих, западных частях России. Конференции, состоявшиеся в июне (Московская) и в ноябре (районная в Витебске) констатировали перелом в настроении еврейской рабочей массы, ее разрыв с соглашательскими партиями. Партийные недели в Гомеле, Витебске и др. городах привлекли в ряды Р. К. П. многие сотни еврейских рабочих. В Витебске издается ежедневная газета „Дер Штерн" („Звезда"), в Гомеле — еженедельная „Беднота", там же имеется большое книгоиздательство. Движением руководит Ц. Б. в Москве, выпускающее ежемесячный журнал „Коммунистический Мир" и оказывающее также содействие движению заграницей (в Польше, Америке, Галиции).

М. РАФЕС.

*) В Одессе в то время выходила еженедельная газета „Коммунистический Голос" на еврейском языке.

ОЧЕРКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ *).

(Продолжение).

Идейные разногласия в российском профессиональном движении до 1917 года мало чем отличались от тех основных разногласий между социалистической „правой" и „левой", которые красной нитью проходят через всю историю международного рабочего движения. Те же споры о нейтральности, порой даже в той же формулировке, которые велись в западно-европейских социалистических кругах, почти целиком переносились в Россию, с тою только разницей, что в период 1905 года, в период лихорадочного строительства союзов и героической борьбы за их существование, — не только широкие массы организованных рабочих, но даже союзные верхи уделяли мало времени теоретическим вопросам,—тем более, что сама идея нейтрализма была чужда духу нашего молодого, рожденного в грозе и буре революции профессионального движения.

Весь жизненный опыт масс, вся история нашего рабочего движения служили наглядным уроком неразрывности политической и экономической борьбы,—поэтому идеи нейтрализма никогда не были популярны в российском профессиональном движении. Враг в лице самодержавия был самым главным и несомненным врагом. Русский рабочий слишком долго искусственно удерживался в цепях темноты, в нем слишком сильно было стремление к организации, и необходимость концентрации сил в экономической борьбе была для пролетарских масс настолько очевидна, что наше движение почти не знало национальных и религиозных союзов.

Выгодно отличаясь в этом отношении от западно-европейского, наше профессиональное движение с первого же момента своего возникновения определенно выступило, как движение социалистическое, и почти целиком, за ничтожными исключениями, протекало под идейным влиянием социал-демократии.

Пропаганда беспартийности профессиональных союзов и их нейтральности по отношению к отдельным социалистическим партиям и фракциям, исходившая от эсеров и части меньшевиков, если и имела иногда некоторый успех на массовых профессиональных собраниях, то не вследствие равнодушия масс к вопросам политики, а в силу того простого факта, что неумелая, а порой и бестактная полемика представителей этих партий и фракций, не считавшаяся с насущными экономическими интересами масс, часто мелочная и почти всегда отвлеченная, мешала деловым союзным собраниям вести необходимую работу и поэтому внушала массам отрицательное отношение к этим политическим диспутам.

Неумение социалистов взять за основу своей пропаганды деятельность профессиональных союзов, стремление их превратить союзные собрания в политические дискуссионные клубы,—создавали мимолетные настроения враждебности к партиям, беспартийности.

С другой стороны, течение в пользу создания партийных союзов, по примеру Польши, имело еще меньше успеха в России, почти не знавшей клерикальных, национальных и желтых союзов американско-пинкертоновского типа.

Оставаясь формально непартийными, но определенно социалистическими, не занимая резко враждебной позиции по отношению к какой-либо из социалистических партий и фракций, наши союзы тем не менее в каждый данный момент имели определенную политическую физиономию; больше того, каждый отдельный союз носил ясно выраженный партийный характер, поддерживая с той или иной партией наиболее тесные организационные связи, проводя в своих печатных органах и резолюциях ее линию. Нечего и говорить, что, при таких условиях, вокруг каждого сколько-нибудь важного вопроса и особенно при выборах в правления союзов, поднималась горячая партийная и фракционная борьба.

Пропаганда за построение партийных профессиональных союзов не могла поэтому встретить сочувствия даже в партийных кругах, ибо задачей каждой из социалистических фракций и партий (а по тому времени таких партий, имеющих влияние в союзах, было лишь три: с.-д. большевики, с.-д. меньшевики и эсеры) было—обеспечить себе возможно большее влияние на широкие беспартийные массы и организационно связать их со своей партией. Идея нейтрализма в существовавших условиях выдвигалась, как противоположение идее партийности, главным образом партией, пользовавшейся наименьшим влиянием в профессиональном движении, эсерами, пытавшимися через проповедь нейтрализма (т. е. одинаковости отношения ко всем социалистическим партиям) обеспечить себе равное влияние в союзах с социал-демократами. Но на практике это сводилось только к журнальной полемике и к разговорам...

Борьба двух главных сил в российском профессиональном движении этого периода (большевиков и меньшевиков), носит характер журнальной полемики и разногласий в конкретных вопросах тактики движения. Отношение союзов к партии, характер деятельности союзов, перспективы профессионального движения, — таковы были спорные вопросы, но и они не обусловливали

*) См. „Коммунистический Интернационал" № 6.

резкой отчетливой грани между этими фракциями, ибо сами разногласия по этим вопросам не были достаточно оформлены и, сравнительно с другими спорными вопросами внутри партии, являлись второстепенными. Поэтому и отношение фракций к этим вопросам профессионального движения менялось в зависимости от особенностей текущего момента. Так, хотя идея социалистической нейтральности (т. е. равноценности всех социалистических партий для профессиональных союзов) выдвигалась, вообще говоря, меньшевиками, но в иные моменты она имела последователей и среди большевиков.

История профессионального движения этого периода, продолжавшегося вплоть до III конференции профессиональных союзов, главным образом, под идейным влиянием меньшевиков,—в смысле выработки идеологии была отмечена подражанием германскому движению. Наши союзы втечение этого периода обнаруживали ясно очерченный постепенный уклон от компромиссов с организациями взаимопомощи, являвшимися пережитками дореволюционной эпохи, к боевым классовым профессиональным союзам. Лучшим показателем этого процесса самоопределения российского профессионального движения является сравнение резолюций о созыве I-го с'езда Профессиональных Союзов, принятых I, II и III Конференциями Профессиональных Союзов *).

Первая Конференция в 1905 году так определила состав с'езда: „Во Всероссийском с'езде представителей профессиональных союзов могут принять участие также общества взаимопомощи и профессиональные союзы, которые состоят из лиц наемного труда всех профессий пролетарского характера и ставят своей целью прямую или косвенную (курсив наш, М. Т.) борьбу с капиталистами"...

Под эту расплывчатую формулу можно было, конечно, подвести что угодно. И если здесь ясно выражено желание придать с'езду пролетарский, классовый характер,—то с другой стороны, не менее ясно сквозит боязнь отчетливо выявить это и „отпугнуть широкие массы" (любимая фраза всех опортунистов), чем-либо формально нарушив „нейтральность". Далее, нейтральность подчеркивается I-й Конференцией в той же резолюции, ибо „общества" и союзы приглашаются участвовать в с'езде „независимо от того, преследуют ли они какие-либо политические задачи"...

II Конференция (1906 год) мало отошла от I-й Конференции в определении общего признака подлежащих об'единению союзов. В принятом ею уставе с'езда говорится: „в с'езде профессиональных союзов принимают участие: А) с правом решающего голоса: 1) представители местных союзов, обществ, стоящих на почве современного рабочего движения"...

*) Решение созвать I-й Всероссийский С'езд Союзов было принято на I-й конференции 1905 года, но политические условия того времени дали возможность созвать лишь II Конференцию с весьма неполным представительством. II Конференция подтвердила постановление о созыве с'езда в иной формулировке, но полоса реакции и разгром профессиональных союзов (как и всех рабочих организаций) отодвинула решение этого вопроса до 1917 года. Лишь после октябрьской революции (ирония истории по отношению к меньшевикам) в 1918 году оказалось возможным осуществление постановлений I, II и III Конференций.

Ясно одно, что II-я Конференция тоже боится кого-то „отпугнуть" словами классовая борьба и прячет это понятие в формулу „на почве современного рабочего движения".

Прошло 11 лет. Российский пролетариат сбросил самодержавие. Небывало широко развернулось профессиональное движение, и, лишь в июне 1917 года, III конференция профессиональных союзов решила пойти дальше неопределенных формул I и II конференций, заявив:

1) „На Первом Всероссийском С'езде Профессиональных Рабочих Союзов имеют право представительства лишь те рабочие профессиональные союзы, которые в своей деятельности руководствуются принципами классовой борьбы пролетариата". (Курсив наш, М. Т.).

Таким образом потребовалось целых 12 лет для того, чтобы, избавившись от боязни „отпугнуть" массы, отчетливо формулировать основную элементарную платформу движения.

— —

Февральская революция дала мощный толчек к возрождению задавленного репрессиями профессионального движения, но с первых же дней революции перед рабочим классом встали новые задачи, и создались новые формы экономических пролетарских организаций — фабрично-заводские комитеты.

Не будучи абсолютно новым явлением, впервые созданным революцией 1917 года *), фабрично-заводские комитеты тем не менее явились на этот раз совершенно новой организацией, как по своему масштабу, так и по тем функциям, которые им пришлось взять на себя, а также и по той роли, которую они сыграли в истории нашей революции.

В конце мая 1918 года состоялась первая конференция фабрично-заводских комитетов Петрограда, на которую явилось около 600 представителей фабрично-заводских комитетов. И впервые в истории рабочего движения, в этом пролетарском парламенте российский пролетариат заговорил о производстве не как о чем-то вне или над ним стоящем, но как о своем, кровном, родном деле. Совершенно новые ноты прозвучали на этом рабочем собрании, и речи представителей Питерских фабрик и заводов явились в общих чертах уже готовым фундаментом новой пролетарской идеологии. Уже через три месяца после февральской революции в речах ораторов-рабочих слышится и здоровый пролетарский анализ переживаемого момента и первый рокот грядущей социалистической революции.

Центральным пунктом порядка дня был вопрос о контроле над производством. Предоставим, однако, для сохранения полной об'ективности, слово самой конференции **).

„С начала революции администрация разбежалась, рабочие остались фактическими хозяевами.

*) Фабрично-заводские комитеты являются дальнейшим развитием „института старост", „уполномоченных", „выборных" и т. п. организаций дореволюционной эпохи и „беспартийных заводских комитетов" периода 1905—1907 гг.

**) Все цитаты из резолюций и речей ораторов взяты нами из брошюры „Первая рабочая конференция фабрично-заводских комитетов". Петроград 1917 г. Издание Центрального Совета фабрично-заводских комитетов.

Для того, чтобы поддержать производство, пришлось забрать заводы в руки Заводских Комитетов. Пришлось, следовательно, создать определенную организацию контроля" (из речи Воронкова, рабочего Нового Арсенала). „Что же представляют из себя эти комитеты и как они возникли? Это—дети нашей революции,—кровь от крови ее и плоть от плоти ее. В февральские и мартовские дни рабочие покинули фабрики и вышли на улицу с тем, чтобы раз навсегда покончить с многоголовым змеем царизма. Фабрики и заводы приостановились. Потом, неделю-другую спустя... рабочие массы вернулись на заводы. Пришли и увидели, что многие из предприятий брошены на произвол судьбы. Администраторы, генералы, инженеры, техники, мастера, имевшие основание бояться, что рабочий теперь соответственно расправится с ними за содеянные ими подлости—разбежались..."

„Пришлось на этих заводах приступить к работе без администрации. Но как? Ведь администрация—соль завода, двигатель его. И тут заводы немедленно избрали заводские комитеты, с помощью которых начала устанавливаться нормальная жизнь на фабриках и заводах. И там, где прежде стояли администраторы, инженеры, генералы (на казенных заводах)—теперь работали члены заводских комитетов" (Левин).

Так рисуют нам историю возникновения фабрично-заводских комитетов их представители на I-й Петроградской Конференции. Из их же речей выясняются и те функции, которые выполняли фабрично-заводские комитеты того периода.

„Заводским комитетам приходилось доставать для работы сырые материалы. ..... Заводским комитетам вообще приходилось брать на себя совершенно непредвиденные и никем не предусмотренные обязательства". (Воронков).

„Далее, революция вошла в русло и потекла более спокойно; беглецы увидели, что рабочие вовсе уж не так кровожадны, как они себе представляли ранее и какими они справедливо ожидали их увидеть, и... стали возвращаться на заводы. Часть из них, совершенно ничтожную и безнадежно реакционную, рабочие не допустили к работам. Остальные были допущены, но тут же к ним приставили в помощники — членов заводских комитетов. И, таким образом, был установлен фактический контроль над всем, что делалось на заводе"...

...„Не побоялись вмешаться в хозяйственную жизнь фабрично-заводские комитеты. Правда, они принуждены были это сделать, ибо иные заводы давно остановились бы, а масса рабочего люда давно оказалась бы на мостовой, пополняя и без того начинающую расти армию безработных". (Левин).

Так обрисовали ораторы конференции историю возникновения и функции фабрично-заводских комитетов. Для нас важно установить экономическое положение России того периода, и, конечно, в данном случае интересна характеристика, данная самой конференцией и, особенно, правительственной партией того периода (оказавшейся в меньшинстве на данной конференции)—именно меньшевиков.

„Хозяйственная жизнь России дошла до ужасающего развала. Страна вступила уже в период катастрофы, угрожающей нищетой и безработицей массам населения и делающей призрачной всякую борьбу рабочей массы за улучшение своего положения". (Курсив наш, М. Т.—Резолюция меньшевиков: Чреванина, Далина, Громова, Буковецкого). „Очень часто капиталисты сознательно сокращают производство и, не решаясь открыто об'явить локаут, они устраивают скрытые локауты". (Далин, меньш.).

„В Министерство Труда часто поступают заявления о том, что предприниматели отказываются вести предприятие, и рабочие берут фабрики и заводы в свои руки" (речь Министра Труда Скобелева).

И в обстановке этой величайшей разрухи при полускрытом локауте предпринимателей, наличность которого устанавливают не только целый ряд ораторов-рабочих, но и представители стоявшей у власти партии меньшевиков и даже сам заседавший в одном министерстве с предпринимателями Министр Труда Скобелев, пролетарскому парламенту надлежало решить вопрос о борьбе с этими явлениями. Ответ был подготовлен всей историей возникновения фабричкомов,*) всем опытом их повседневной деятельности. Этот ответ был — рабочий контроль.

Что контроль над производством был необходим при тех условиях, когда в обстановке грозного хозяйственного кризиса предприниматели отказывались вести производство и в большинстве случаев старались его сократить или приостановить совершенно,—об этом уже 30-го мая 1917 года никто не спорил, и спор между правой и левой велся только о том, кто будет контролировать. Предоставим и по данному вопросу слово самой конференции:

„Заводские Комитеты с одной стороны, и государственная власть с другой—вот что мы имеем перед собой, обсуждая вопрос о промышленном кризисе"...

„Необходимо напирать энергично на правительство, чтобы оно установило строгий контроль над всем производством"... (Далин, оратор от меньшевиков).

„Это вмешательство в экономическую жизнь и контроль над нею должны осуществляться государством"...

„В органах, регулирующих экономическую жизнь, большинство должно быть обеспечено представителями демократии (курсив наш, М. Т.; из резолюции, внесенной меньшевиками)".

„Путь к спасению от катастрофы лежит только в установлении действительного рабочего контроля" (резолюция, принятая конференцией; курсив наш, М. Т.).

На первый взгляд весь вопрос сводился лишь к количественному соотношению рабочих и не-рабочих в органах контроля, но на самом деле разногласия были более глубокими и далеко не исчерпывались спором о централизованном государственном контроле, который меньшевики противопоставляли идее, якобы стихийных, обособленных захватов рабочими отдельных предприятий.

Сущность идеи рабочего контроля заключалась в классовом контроле, как первой стадии к регулированию и обобществлению производства.

И петроградский рабочий Наумов правильно формулировал политическую сущность разногласия:

*) Сокращенное обозначение: вместо „фабрично-заводской комитет.

„да, контроль необходим, но какой контроль, как и кем организованный?.."

„Если хотят ввести государственный контроль, то пусть определенно договаривают: правительство какого класса будет осуществлять этот контроль?..."

И, конечно, петроградские рабочие не пошли за идеей „государственного контроля", не испугались и „ответственности", которой их стращали г.г. меньшевики.

В речах рабочих ораторов слышится прямое недоумение: о чем дескать эти милые господа спорят?!

Так рабочий Черняков говорит: „мы, рабочие, уже фактически осуществляем этот контроль на местах и заводах, а вы этого боитесь,—боитесь жизни, боитесь того, что уже осуществляется"...

Что рабочий контроль не являлся каким то случайным политическим лозунгом и представители фабрик и заводов Петрограда рассматривали его, как основной первый параграф новой, пролетарской экономической программы,—это красною нитью проходило через все речи рабочих ораторов. Но основой базисом этого, нового формирующегося пролетарского мировоззрения, было сознание, что рабочий класс не может равнодушно взирать на гибель производительных сил страны, что он кровно заинтересован в производстве не как его часть и придаток, а как наследник, к которому оно должно перейти.

Большинство ораторов, на опыте своего завода, пришло к необходимости рабочего контроля, и в их речах еще сильно звучит интерес „своей колокольни"... Сам рабочий контроль представляется некоторым как стихийная самодеятельность масс, но здоровый пролетарский инстинкт толкает их уже к об'единению своей деятельности, к централизации, намечает смелую программу экономических преобразований.

„Можем ли мы допустить, чтобы производство было так беспорядочно, как до сих пор?"... „Каждый сознательный рабочий, не задумываясь, ответит на этот вопрос: нет, не можем"... „Рабочие через посредство заводских комитетов должны фактически немедленно установить контроль... регулировать производство и, наконец, организовать его" (Левин).

Тут сжатая формула всей экономической программы пролетариата, в основных чертах фундамент новой идеологии экономического движения рабочего класса...

Итак, 30 мая 1917 года, через 3 месяца после февральского переворота, рабочая конференция Петрограда установила основные черты новой идеологии экономического движения пролетариата, признав заинтересованность его в сохранении производства, необходимость перехода через контроль и регулирование к его организации. Отвергнув попытку меньшевиков поставить государство коалиционного периода на высоту какого то надклассового органа, питерские рабочие ясно показали, что они не верят во внеклассовое государство, что единственной силой, могущей выполнить их экономическую программу, является сам рабочий класс, и что единственным орудием для выполнения этой программы может быть лишь Власть Советов.

Ровно через месяц собралась III-я конференция профессиональных союзов, и - что вполне понятно—одним из основных вопросов, стоявших в порядке дня ее, был вопрос о „Контроле над производством и распределением и об организации производства в России"; и при обсуждении этого вопроса на конференции снова произошло деление по линии „государственный" или „рабочий" контроль. Но то, что было ясно для питерских рабочих 30 мая, то месяцем позже оказалось неясным для большинства III-й конференции, состоявшего из провинциальных меньшевиков и эсеров, и по докладу большевика Милютина была принята резолюция меньшевика Чреванина.

Остановимся подробнее на этой резолюции, ибо с точки зрения профессионального движения, она, несмотря на все свои меньшевитские прелести, является крупнейшим фактором в истории развития нашей новой идеологии...

Охарактеризовав экономическое положение, как ужасающий развал и признав необходимость регулирования распределения и производства, а также необходимость обложения имущих классов, признав далее, что без осуществления „системы мер по регулированию экономической жизни страны не может быть речи об улучшении положения рабочего класса",—резолюция провозглашает:

„Во имя интересов страны, во имя интересов революции, во имя улучшения своего положения и развития своих классовых успехов в будущем, пролетариат должен направить свои усилия в сторону планомерного урегулирования экономической жизни. Только там, в пределах и в ходе этого регулирования, он может противодействовать ухудшению своего экономического положения и добиваться некоторого, хотя и возможного в очень узких пределах, улучшения его".

Таким образом, каковы бы ни были дальнейшие выводы меньшевиков *) . . . . . основным, решающим для всей тактики экономического движения пролетариата является то положение, признанное противниками рабочего контроля, что вне участия в контролировании и регулировании промышленности для рабочего класса и его организаций нет спасения. А если это так, то профессиональным союзам надлежало решить ряд вытекающих из этого положения уравнений и сделать надлежащие выводы. Некоторые из этих выводов напрашивались сами собой, а другие были сделаны самими сторонниками „буржуазной революции"...

В этой же резолюции **) мы видим, что, признав необходимость принудительного государственного синдицирования промышленности и регулирования ее, резолюция говорит:

„При этом центральный экономический комитет . . . . . в числе прочих задач . . . . . устанавливает продажные цены, размер предпринимательской прибыли и ту долю себестоимости продуктов, которая может быть предоставлена рабо-

*) Эти выводы таковы: „по процесс регулирования очень труден и сложен, чтобы пролетариат мог возложить только на себя одного или даже преимущественно на себя это регулирование . . . . . пролетариат поэтому кровно заинтересован в том, чтобы не брать на себя одного ответственности . . . . Интересы революции требуют, чтобы все возможное было сделано для привлечения всех производственных классов населения".

**) Все выдержки из резолюций III конференции цитированы по сборнику: „Резолюции Всероссийских конференций и с'ездов профессиональных союзов" под редакцией Цыперовича. Издание Петроградского Совета Профессиональных Союзов 1919 г.

чим в качестве заработной платы. Распределение заработной платы между отдельными категориями рабочих должно происходить на основе тарифов, выработанных профессиональными союзами".

Признав необходимость государственного регулирования производства, распределения и цен на товары, III-я конференция неизбежно должна была придти к требованию государственного нормирования заработной платы, ибо самая элементарная экономическая грамотность подсказывала, что при планомерном регулировании производства, в интересах наиболее целесообразного его использования, нельзя оставлять вопрос о заработной плате вне общей системы регулирования, и, более того,— ставить производство в зависимость от стихийной игры экономических интересов между трудом и капиталом, между забастовкой и локаутом. Что этот вывод неизбежно вытекал из основной посылки планомерного регулирования производства, указывает тот факт, что и петроградская рабочая конференция, о которой выше упоминалось, пришла почти к тому же выводу.

„Центральный Рабочий Комитет всех предприятий должен немедленно создать комиссию по выработке нормальной заработной платы, единообразной для работающих на всех заводах данного района, в одних и тех же отраслях производства, и в одной и той же категории". („Проэкт резолюции о задачах фабрично-заводских комитетов",—курсив наш, М. Т.).

В этой выдержке не только признается необходимость нормирования заработной платы, но дается абрис тарифной работы в области квалификации труда и тарифной разбивки по поясам. Но, признав необходимость регулирования производства и нормирования заработной платы, признав невозможным для рабочих масс и их союзов вне этого найти путь к улучшению экономического положения рабочего класса, конференция не сумела однако сделать другой вытекающий отсюда вывод, а именно—вывод об изменении характера деятельности профессиональных союзов и самого движения в целом. Камнем преткновения на этом пути явился вопрос, поставленный питерским рабочим Наумовым: „правительство какого класса будет осуществлять контроль?" Правительство какого класса могло бы осуществить государственное синдицирование промышленности, определение предпринимательской прибыли, нормирование заработной платы через союзы и т. д.?

При каком государственном строе осуществима вообще подобная экономическая программа?

Мы знаем, что Первая Рабочая Петроградская Конференция решительно заявила, „что это осуществимо лишь при переходе всей государственной власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов".

III-я Конференция Профессиональных Союзов, весьма незначительным большинством постановила „в интересах революции" *) передать это дело государству, с привлечением к этому всех производительных классов населения.

Февральская революция создала фабрично-заводские комитеты, сплотила рабочих и двинула их на борьбу за улучшение своего экономического положения. Рабочие комитеты не могли равнодушно смотреть на спекулянтские комбинации хозяев и превратились в зоркий пролетарский глаз, присматривающий за ловкими руками хозяев-дельцов. Уже одно это создало такую атмосферу, что представители „демократии", „революционные" буржуа, стали прибегать к локауту, саботажу и т. п. мерам, дабы сломить рабочих, избавиться от „незаконного" контроля и вернуться к старым условиям. Против этого срыва производства было выдвинуто требование планомерного контроля, регулирования производства, нормирования заработной платы и прибылей,—и рыцари „святой невинности", г.г. меньшевики, полагали, что это может быть осуществлено при том же самом государственном строе, тем же самым правительством, которое за 8 месяцев не могло узаконить 8-мичасовой рабочий день, которое открыто являлось орудием в руках класса капиталистов.

Но то, чего не решались договорить меньшевики, боясь „ответственности",— то сама жизнь подсказала рабочим массам и профессиональным союзам, и как ни пугали рабочих меньшевики, как ни предостерегала их III-я конференция, что профессиональные союзы „не могут брать на себя административно-хозяйственных функций в производстве",—профессиональные союзы в процессе экономической борьбы самой историей были приведены к тому, что им пришлось не только „принять деятельное участие как в центральных, так и в местных органах, учрежденных с этой целью" (резолюция III-й конференции: „Взаимоотношения профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов"), но и взять в этой области под свое руководство фабрично-заводские комитеты, взять на себя строительство самих этих органов, без участия „представителей демократии".

Чем более обострялась классовая борьба, тем настойчивее раздавались голоса рабочих масс о необходимости вмешательства авторитетных рабочих организаций в хозяйственную жизнь страны. Видя неспособность коалиционного правительства осуществить хоть какой-либо контроль и властно вмешаться в хозяйственную жизнь страны, рабочие стали захватным правом осуществлять свой контроль над производством, запрещая вывоз с фабрик сырья, топлива и орудий производства. Этот стихийный, кустарный контроль, производимый с точки зрения интересов данной фабрики, никем не об'единенный *), конечно, не являлся выходом из создавшегося положения, но он всетаки связывал руки предпринимателям в их разрушительной работе по срыву производства; главная же и основная заслуга рабочего контроля заключается в том, что он заставил рабочие массы заинтересоваться производством в целом, вплотную подведя рабочих выборных к аппарату управления производством.

Представители профессиональных союзов, принимая участие в органах регулирования, соз-

*) Какие только преступления „во имя демократии" и „в интересах революции" не совершались по отношению к рабочему классу!

*) Центральный Совет Фабрично-Заводских Комитетов не мог справиться со своей задачей, и дальше Петрограда его влияние почти не распространялось.

данных войной и революцией, как то: в Особом Совещании по Топливу, Особом Совещании по Металлу и т. д.,—в процессе своего знакомства с работой этих учреждений приходили все больше и больше к убеждению, что эти органы регулируют промышленность далеко не в интересах рабочего класса. И все крепче складывалось у них убеждение в необходимости полной передачи этих органов в руки рабочих организаций.

Перспективы экономической борьбы в обстановке „ужасающего развала" промышленности, при сплоченной организации предпринимателей в лице О-ва Заводчиков и Фабрикантов, явно доказывали, что обычные методы экономической борьбы,—такие как стачка, — являются в данной обстановке заведомо негодным оружием.

Попытки закрепить достигнутые завоевания путем коллективных договоров встречали все бо́льшее сопротивление со стороны капиталистов по мере обострения классовой борьбы. Если в первые месяцы после революции экономические конфликты в значительной части своей могли разрешаться в примирительных камерах и третейских судах, которые часто решали и спорные вопросы тарифов, то к осени 1917 года поведение предпринимателей ясно говорило уже о том, что никаких соглашений они не желают. Все реже оказывалось возможным достигнуть соглашения между рабочими и предпринимателями относительно суперарбитра. Все реже обе стороны могли договориться в примирительной камере до какого-нибудь положительного результата, особенно по вопросам правового характера. Если в вопросах о заработной плате, о голых ставках, предприниматели и соглашались пойти на кое-какие уступки,—особенно когда речь шла о квалифицированных рабочих,—то предложения фабрично-заводских комитетов о закреплении завоеванных прав неизменно встречали резкий отпор и наталкивались на полную непримиримость со стороны организованных предпринимателей.

Уже после июльских дней, все рабочие журналы констатируют резкий поворот в тактике капиталистов. Журнал металлистов (№ 1—2) 17 августа пишет: „рабочие в интересах государства и революции идут на уступки и обещают, что они поднимут производительность труда... Но рабочие требуют, чтобы и другая сторона шла на жертвы для спасения страны"...

„Революция от наступления перешла к обороне. Капиталисты от обороны перешли к наступлению..."

Это наступление привело к схватке в кожевенной промышленности. В виде уступки требованиям капиталистов, министром Труда Скобелевым был издан циркуляр о фабрично-заводских комитетах в основе своей отменявший обязательность найма и увольнения через заводские комитеты. Попытка провести этот циркуляр в кожевенной промышленности встретила резкий отпор со стороны союза кожевенников, ответившего на это забастовкой, охватившей весь московский район. В этой забастовке, послужившей прелюдией к октябрьским дням, два класса вполне отчетливо стали друг против друга: на одной стороне — об'единенные предприниматели кожевенники, за спиной которых стояли крупные об'единения капиталистов; на другой — союз кожевенников, на поддержку которого встали все рабочие союзы, ассигновавшие в пользу стачечников средства из союзных фондов, собиравшие пожертвования и отчислявшие полудневной и однодневный заработок для этой же цели.

Этот процесс обострения экономических противоречий, при экономической конъюнктуре, превращавшей—по отношению к основным отраслям нашей промышленности — стачку в бессмыслицу; при глубоко укоренившемся теперь в массах убеждении в том, что стачки в такой момент могут служить лишь интересам предпринимателей, будучи гибельны для производства, хранителем которого почувствовал и об'явил себя рабочий класс с его союзами, — достигает высшей точки к середине октября и значительно форсирует свержение потерявшей всякое доверие рабочих масс коалиции.

15 октября делегатское собрание Московского Союза Металлистов единогласно принимает резолюцию, которая, констатируя экономический развал, говорит: „Перед пролетариатом, как классом, война и революция выдвинули великую задачу: охранить и организовать производительные силы страны от той катастрофы, к которой сознательно ведут страну капиталисты".

Далее, та же резолюция так определяет характер экономической борьбы в данный период: „Промышленный капитал, организованный в мощный синдикат, ставя себе целью — путем дезорганизации производства и вызываемой этим безработицы—смирить рабочий класс и вместе с тем подавить революцию, провоцирует рабочих на частичные забастовки, подрывающие и без того расстроенное производство".

И как вывод из этого: „Делегатское собрание Московского Союза Металлистов требует от Московского Совета Рабочих Депутатов немедленно стать на путь революционной организации всей промышленной жизни, и действуя в соглашении с Петроградским Советом Рабочих Депутатов, революционной властью немедленно прекратить забастовки, заставить предпринимателей удовлетворить все экономические требования рабочих и, в частности, издать декрет о контроле заводских комитетов над наймом и увольнением".

Мы приводим эту резолюцию, как наиболее характерную, ибо в то же время в Москве аналогичную резолюцию вынес Союз текстильщиков, а также целый ряд союзных собраний, как в столицах, так и в провинции. Собрание всех правлений Москвы, совместно с Московским Бюро Профессиональных Союзов и следующее делегатское собрание металлистов 22-го октября лишь конкретизируют и подтверждают данное решение и, наконец, Моск. Сов. Раб. Депутатов постановляет путем декретов дать решение самых насущных требований, выдвигаемых профессиональными организациями.

М. ТОМСКИЙ.

(Окончание следует).

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.

I. Общие условия деятельности Народного Комиссариата Здравоохранения.

Наркомздрав в июле 1919 г. подводил итоги своей годичной деятельности. Он был учрежден Декретом Совета Народных Комиссаров 21-го июля 1918 года.

Неблагоприятные внешние условия, в которых протекала работа Народных Комиссариатов, особенно резко отражались на самом чувствительном аппарате, призванном охранять самое дорогое, что есть у человека—его жизнь и здоровье. Если тяжелое наследство, которое мы получили от капиталистического строя и империалистической войны, затрудняло советское строительство вообще, то тем тяжелее отражалось оно на лечебно-санитарном деле. Продовольственные затруднения, экономическая разруха, блокада Советской Республики империалистами, гражданская война — все это в величайшей степени затрудняло мероприятия и по предупреждению заболеваний, и по лечению их. Трудно осуществлять предупредительные санитарные мероприятия, когда недоедание ослабляет человеческий организм и предрасполагает его к заболеваниям, когда население терпит недостаток в самых необходимых предметах для соблюдения самых элементарных требований гигиены; трудно поставить правильное лечение, когда по милости блокирующих нас „союзников", мы лишены необходимейших медикаментов, когда продовольственные затруднения не дают нам возможности поставить диэтетическое лечение.

И тем не менее санитарное состояние Советской России в настоящее время не хуже, а гораздо лучше санитарного состояния окраин, находящихся под игом белогвардейских „верховных правителей", несмотря на то, что они снабжаются в изобилии всем необходимым: и продовольствием, и медикаментами, и врачебным персоналом. Советская Россия этим летом почти не имела эпидемий холеры; в Деникинской сатрапии холера пронеслась широким потоком, вырвав значительные жертвы. Советская Россия летом почти совсем ликвидировала эпидемию сыпного тифа. Сибирские и Уральские местности, освобождаемые нами от Колчака, чуть не поголовно заражены сыпным тифом; взятые у Колчака пленные, возвращающиеся из Сибири беженцы почти сплошь заражены эпидемическими болезнями. Эпидемию испанки мы пережили легко—значительно легче, чем даже Западная Европа; эпидемия холеры в прошлом году также прошла сравнительно благополучно; и лишь эпидемия сыпного тифа в минувшую зиму получила значительное распространение.

Причина, благодаря которой мы, несмотря на все тяжелые обстоятельства, сравнительно успешно боремся с эпидемиями и болезнями, этими неизбежными спутниками империалистической войны, заключается в новых социальных условиях, создаваемых Советской властью.

Эпидемии всегда и везде прежде всего и больше всего уносят жертв среди бедноты, в рядах трудящихся. Советская власть есть власть трудящихся. Защищая интересы бедноты, они тем самым охраняют народное здоровье. Уничтожение капиталистической эксплуатации дает возможность правильно поставить санитарную охрану труда, принять решительные меры по охране материнства и младенчества; уничтожение частной собственности на дома и земли дало возможность правильно поставить решение жилищного вопроса; хлебная монополия позволила озаботиться предоставлением имеющегося запаса продовольствия прежде всего трудящимся, бедноте; национализация аптекарского дела позволила распределить скудный запас медикаментов равномерно и экономно, вырвав их из лап спекулянтов, и т. д., и т. д. Можно сказать, что никакая другая власть не справилась бы с теми неизмеримыми и, казалось бы, непреодолимыми препятствиями в области охранения здоровья населения в переживаемых тяжелых условиях.

Но было еще одно обстоятельство, облегчавшее тяжелые условия деятельности, это—об'единение всего медицинского дела в одном правомочном органе—Народном Комиссариате Здравоохранения. На место ведомственной разрозненности, распыленности сил и средств, несогласованности действий различных органов, ведавших народным здравием, был создан единый орган, ведший борьбу по единому плану при наибольшей экономии сил и средств.

На необходимость такого об'единения всего медицинского дела в одном правомочном органе давно указывала медицинская наука и медицинская практика. Особенно оживленно эта тема дебатировалась перед войной в специальной литературе, как русской, так и международной. Так, французский врач Мирман еще в 1913 году писал в „Hygiène": „Префект часто интересуется общественным здоровьем и хотел бы быть полезным. Ища поддержки у правительства, он должен обойти в Париже все министерства и переговорить с десятком директоров управлений. Нужна большая настойчивость, чтобы не сбиться с пути и не махнуть рукой, придя в отчаяние от всех этих мытарств". „Особенно", продолжает Мирман, „это относится к борьбе с социальными болезнями, например туберкулезом и алкоголизмом. Где, в каком Министерском Департаменте может быть подготовлена, начата и проведена борьба с туберкулезом? Она теперь зависит от Министерства Труда (дешевые жилища, взаимное страхование, гигиена мастерских и магазинов), от Министерства Земледелия (гигиена питания и надзор за молоком), Внутренних Дел (санитарные предписания для общин и дезинфекция), Министерства Просвещения (медицинская инспекция школ). Когда будет сделан запрос правительству о мерах, которые оно намерено предпринять для защиты расы от ее злейшего врага, четыре министра должны будут

участвовать в прениях (не считая армии, флота и колоний); словом, при раздроблении отделов гигиены по разным министерствам и управлениям нет никого в составе правительства, на ком лежала бы ответственность за гигиену, за народное здравие. Организация указанного Министерства Народного Здравия внесет порядок в этот хаос и создаст систему вместо произвола".

Это об'единение всего медицинского дела и проведено в России декретом Советского Правительства от 21-го июля 1918 года. Этим декретом был создан Народный Комиссариат Здравоохранения на правах полномочного Министерства со следующими основными отделами: Санитарно-Эпидемиологическим, Лечебным, Фармацевтическим, Отделом Медицинского и Общего Снабжения, Отделом Борьбы с социальными болезнями (с венерическими болезнями и проституцией, с туберкулезом), Отделом Охраны Детей (школьно-санитарный надзор, борьба с детской дефективностью, постановка физической культуры и т. д.), Отделом Военной Медицины, Отделом Медицины Путей Сообщения и т. д.

И практическое управление всем медико-санитарным делом находится в руках рабочих органов — Советов Рабочих и Красноармейских Депутатов, все основные санитарные мероприятия проводятся при самом деятельном участии рабочих организаций (вспомним для примера известные Рабочие Комиссии, оказавшие неоценимые услуги по прекращению холеры и сыпного тифа).

Таковы основные причины, создавшие новую обстановку для санитарной и лечебной деятельности, облегчившую работу, несмотря на крайне тяжелые внешние условия.

В следующей главе мы дадим конспективный очерк деятельности Комиссариата. Здесь же мы приведем лишь одну иллюстрацию: сравним для конкретного примера лечебно-санитарную организацию города Москвы, какою она была до октябрьской революции и какою она представляется в настоящее время, после двух лет существования Советской власти.

	До октябрьской революции.	В настоящее время.
Число общих больничных коек (только для гражд. населения)	около 8 тысяч.	Около 22 тысяч.
Санитарных коек	„ 100 „	1500 „
Амбулаторий	„ 15 „	46 „
Санитарных врачей . . .	„ 20 „	34 „
Пом. санитарн. врачей . .	(Совсем не было)	„ 50 „
Пищевых врачей	Около 10 тысяч.	„ 29 „
Школьно-санит. врачей .	„ 31 „	„ 137 „
и т. д.		

Сюда необходимо добавить и те новые медико-санитарные организации, которые создала Советская власть для беднейшего населения: бесплатную помощь на дому (вопрос о ней стоял в порядке дня целые 10 лет, и до октября 1917 г. все еще не вышел из состояния разговоров и дискуссий), по которой в настоящее время занято около 80 врачей и около 160 фельдшериц, обслуживающих город по участкам; скорую помощь в экстренных случаях, для чего учреждены постоянные дежурства врачей и санитарных автомобилей. Упомянем еще вновь поставленную борьбу с туберкулезом и сифилисом, как с социальными болезнями; широкую санитарно-просветительную деятельность; широко развитую бесплатную зубоврачебную помощь (10 амбулаторий на 25 кресел каждая); приближение психиатрической помощи к населению (районизация), управление национализированными аптеками и правильное их распределение и т. д. И этот примерный перечень не исчерпывает еще всего нового, что создала Советская власть в Москве в области здравоохранения за два года своего существования.

Это — с количественной стороны. С качественной же стороны навсегда уничтожено разделение медицины на „перворазрядную, для богатых" и „медицину третьеразрядную—для бедных".

Во всех городских больницах принимают теперь лучшие специалисты Москвы, и можно утверждать, что нет ни одного крупного специалиста — врача или профессора—к которому не мог бы обратиться бесплатно за советом или для операции любой житель Советской столицы.

Точно так же, разумеется только в другом масштабе, обстоит дело и во всех других городах.

Так, несмотря на все тяжелые условия, сумела поставить лечебно-санитарное дело Советская власть за истекшие два года.

II. Год работы.

Развертывание работы Народного Комиссариата Здравоохранения и строительство его происходило одновременно с практической борьбой со сменявшими друг друга эпидемиями. Прошлым летом пронесся по всей России ураган „испанки". Были разосланы в разные места экспедиции и эпидемические отряды, как для изучения этой еще мало-известной болезни, так и для практической борьбы с эпидемией; был устроен ряд научных собраний, была произведена анкета на местах, и в результате этих изучений было констатировано родство неизвестной испанки с инфлюэнцией (гриппом); была издана соответствующая литература, научная и популярная.

Эпидемия испанки пронеслась быстро и окончилась сравнительно благополучно. Значительно продолжительнее и труднее была борьба с эпидемией сыпного тифа, особенно развернувшейся зимою 1918—1919 года. Достаточно сказать, что до лета 1919 года этой болезнью переболело около $1^1/_2$ миллиона человек. Наркомздрав не был застигнут врасплох этой эпидемией, которая предвиделась заранее. Еще осенью 1918 года был устроен ряд совещаний с представителями местных Отделов и со специалистами-бактериологами; намечен был план борьбы, разосланы соответствующие циркуляры на места; был внесен на утверждение Совнаркома декрет о мерах борьбы с сыпным тифом; был организован ряд научных собраний и поставлены опыты с применением сыворотки для предупреждения и лечения сыпного тифа; был издан ряд научных брошюр и популярных книжек и листовок по сыпному тифу.

Эпидемия холеры, достигшая некоторого развития летом и осенью 1918 г. и ожидавшаяся в 1919 году, не получила в этом году значительного распространения, несмотря на то, что была прямая опасность переноса заразы из Деникинских войск, где холера свирепствовала довольно сильно. В качестве предупредительных мероприятий было широко применено очищение питьевой воды (так на-

зываемое хлорирование), были широко проведены противохолерные прививки.

Наконец, в целях предупреждения грозившей развиться в 1918—1919 году оспенной эпидемии был разработан декрет об обязательном оспопрививании, утвержденный Совнаркомом 10-го апреля 1919 года и пополнивший кардинальный пробел в нашем санитарном законодательстве; в дополнение к декрету были разработаны инструкции для местных учреждений, правила об оспенных телятниках. Для проведения декрета в жизнь было ассигновано около 5½ миллионов рублей, и было разослано около пяти миллионов дозоспенного детрита.

Получение лечебных вакцин и сывороток в Республике, отрезанной от Европы, было совершенно невозможно. Наркомздрав спешно национализировал все крупнейшие бактериологические институты и оспенные телятники, открыл новые (Областной в Саратове), снабдил их всем необходимым, расширил их работу, централизовал и организовал дело снабжения так, что во все время эпидемий страна не испытывала недостатка в лечебных сыворотках и вакцинах.

Надо особенно отметить, что вся практическая борьба с эпидемиями велась на новых началах—на началах непосредственного участия в ней всего населения и, прежде всего, рабочих и крестьянских масс. Даже корреспонденты буржуазных газет, бывшие в России, должны были признать, что Советская власть борется с эпидемиями по новому, мобилизуя для этого все население. Незаменимую и неоценимую услугу оказали в противоэпидемической борьбе так называемые Рабочие Комиссии, составленные из представителей Профессиональных Союзов, Фабрично-Заводских Комитетов и других пролетарских и крестьянских организаций. Рабочие Комиссии, работавшие при Здравотделах, вели энергичное наблюдение за чистотой, принимали решительные меры по организации бань и прачешных для населения, по облегчению получения кипятка во время холерной эпидемии, по санитарно-просветительной деятельности и т. д.

Для финансовой поддержки местных работников Наркомздравом было отпущено местным Исполкомам на борьбу с эпидемиями за 1/X 1918—1/X 1919 г.г. около 292.000.000 рублей.

Что касается мер, направленных к предупреждению развития болезней и эпидемий, то Наркомздрав заботился об охране воды, воздуха и почвы, разрабатывал и осуществлял соответствующие мероприятия, занимался вопросами пищевой гигиены и т. д. Особенное значение имеют здесь заботы о жилищах для трудового населения. Наркомздравом был разработан и проведен через Совнарком декрет о жилищно-санитарной инспекции, разработаны жилищно-санитарные правила и инструкции и проведены (закончены) курсы для подготовки жилищных инспекторов.

Вся противоэпидемическая и санитарная работа протекала одновременно с интенсивным санитарным просвещением широких масс: был издан ряд брошюр, листовок, открыты в Москве и в провинции Музеи Социальной Гигиены и выставки по охране здоровья. Подготовлен к открытию и в скором времени будет открыт научный Институт Народного Здравоохранения, в котором будут разрабатываться научные вопросы санитарии, гигиены и борьбы с заразными болезнями.

В области лечебной Наркомздрав за истекший год занят был об'единением всех лечебных заведений, принадлежащих ранее различным ведомствам и учреждениям. Несмотря на все тяжелые условия для развития лечебной деятельности, лечебная организация, приведенная в общую систему, во многих местах не только не пострадала, а наоборот улучшилась и расширилась; в частности, не мало сделано для достижения бесплатности и общедоступности лечения.

Борьба с социальными болезнями—венерическими и туберкулезом—обратила на себя особенное внимание Наркомздрава; были созданы соответствующие органы на местах, открыты амбулатории и лечебницы для венериков, расширено производство специальных препаратов для лечения сифилиса (одного только препарата „606" роздано свыше 60 килограммов); для борьбы с туберкулезом удесятерена сеть санаторий как в центре, так и на местах, организованы во многих местах амбулатории (диспансеры), обращено особенное внимание на детский туберкулез. А главное, что особенно важно в борьбе с социальными болезнями—поставлена широкоразвитая санитарно-просветительная деятельность и установлена живая связь с рабочими организациями.

Деникин отрезал от нас крупнейшие курорты Юга; все остальные курорты — Липецк, Старая Русса, Эльтон, Сергиевск и т. д. были широко использованы для трудящихся; и на этих курортах, где раньше прожигали жизнь лечившиеся от ожирения и разврата буржуа, теперь находили облегчение и приют рабочие и крестьяне Советской России.

Известно, что Россия снабжалась раньше медикаментами, привозимыми из-за границы (главным образом, из Германии), собственного производства медикаментов у нас почти не было. Понятно, поэтому, в какое катастрофическое положение поставила Советскую Республику блокада империалистов. Наркомздрав спешно провел национализацию аптекарского дела и тем спас имевшиеся запасы лекарственных веществ от расхищения и спекуляции. Совместно с В. С. Н. Х. были спешно поставлены новые заводы, расширено производство медикаментов на них, десятками и сотнями тысяч килограммов медикаменты были реквизированы у спекулянтов. Центральным Складом Наркомздрава всего за 10 месяцев (Сентябрь 1918 г.—Июнь 1919 г.) отпущено в провинцию (только для гражданского населения) медикаментов на 24½ миллиона рублей, перевязочных средств на 9 миллионов рублей, хирургических инструментов на 1½ миллиона рублей, предметов ухода за больными почти на 1 миллион, вакцин и сывороток на 1½ миллиона рублей, рентгеновских приборов на 300 тысяч рублей и т. д., и с каждым месяцем отпуск быстро возрастает.

Военно-санитарное дело в текущую войну, в отличие от всех прошлых, организовано на новых основаниях. Государственная власть, положив в основу создание единой медицины, логически должна была включить и военно-санитарное дело в общую организацию Народного Комиссариата Здравоохранения, изъяв Военно-Санитарное Ведом-

ство из непосредственного и исключительного подчинения органам Военного Управления, как это было ранее. При таком порядке обеспечивается за Наркомздравом единство руководства всем медико-санитарным делом Республики. Создается единый санитарный фронт в стране, что особенно необходимо для систематического проведения противоэпидемических мероприятий. Такая структура дала возможность защитить армию от широкого развития ряда эпидемических заболеваний в стране (сыпной, брюшной, возвратный тифы, оспа, дезинтерия, холера и друг.), несмотря на крайне тяжелые общие условия переживаемого переходного времени. В 1918—1919 г заболеваемость холерой в Красной Армии исчисляется всего 2—3-мя десятками случаев, сыпной тиф (до осени) поразил не более 4—5% численного состава Армии, дезинтерия 0,01, возвратный тиф около 1/2%.

Военно-Санитарное Ведомство оказалось в состоянии развернуть большое число материально вполне обеспеченных госпитальных коек, состоящее в отношении к численному составу Армии, как 1 к 7. Все эвакуационные пункты с числом коек свыше 2.000 располагают госпиталями или отделениями для специальных видов помощи.

Столь трудно проводимый в военной обстановке принцип использования врачей по специальности с каждым днем приближается к полному своему проведению в жизнь. Все эвакопункты обеспечены химико-бактериологическими лабораториями. Почти каждый из них располагает рентгеновским кабинетом. Общие санитарно-гигиенические мероприятия проводятся регулярно.

Прививочная кампания по предупредительной иммунизации против холеры и тифа достигла в % отношении результатов кампании 1914—1917 гг.

Для лечения больных венерическими болезнями красноармейцев имеется 11 специальных госпиталей с общим числом мест 4630; кроме того, при 49 госпиталях организованы отделения для венериков; далее, организовано амбулаторное лечение венериков и открыта Показательная Первая Кожно-Венерическая Амбулатория Военного Ведомства. В целях борьбы с распространением венерических болезней, ведется популяризация сведений о заразности и вреде венерических болезней с демонстрацией световых картин.

Зубоврачебная помощь впервые широко поставлена в армии. В настоящее время в округах открыто 68 зубамбулаторий, на фронтах 62. Кроме того, создаются специальные челюстные госпитали.

Об'единение всего медико-санитарного дела в отдельном самостоятельном комиссариате дало возможность правильной постановки лечебного и санитарново дела в армии без значительного нарушения интересов гражданского населения. Этот принцип проведен настолько широко, что даже при мобилизации медицинского персонала интересы гражданского населения внимательно учитывались, и необходимые медицинские работники освобождались от призыва. Из числа призванных врачей откомандирования по незаменимости получили до 25%. В то же время количество призванных и направленных на фронт врачей составляет: 1 врач на 300—400 красноармейцев.

Санитарно-просветительной работе уделено также большое внимание. Во все административно-военные санитарные органы введены особые отделения или лица, ведающие санитарным просвещением в подчиненных войсковых частях. Распространяется громадное количество литературы по санитарному просвещению, организуются курсы популярных лекций, подвижные и постоянные санитарно-гигиенические выставки; в широком масштабе ведется подготовка младшего и среднего медицинского персонала, в особенности—красных сестер и красных санитарок.

Охрана здоровья детей нигде в Европе не занимает такого выдающегося места, как в Советской России. К этому делу привлечены не только врачи, но и широкие массы населения. Еще в декабре 1917 года образован Совет Охраны Здоровья Детей, составившийся из врачей Народного Комиссариата Здравоохранения, педагогов Народного Комиссариата Просвещения и представителей пролетарских организаций (профсоюзов, фабрично-заводских комитетов), Союза Коммунистической Молодежи и широких масс трудового населения.

Интерес среди врачей и педагогов к охране здоровья детей возрос, благодаря двум Всероссийским С'ездам по школьной санитарии (в марте и августе), и везде — не только в центре, но и в провинциальных городах — возникли под'отделы охраны здоровья детей при губернских, а частью и при уездных отделах здравоохранения.

Работа по охране здоровья детей распадается на три ряда основных заданий: 1) санитарный надзор во всех учреждениях для детей: в школах, детских домах, садах и яслях и т. п.; 2) физическая культура; 3) выделение детей по состоянию здоровья и направления их в медико-педагогические учреждения (лесные и вспомогательные школы, колонии для морально-дефективных детей и пр.).

Для того, чтобы все задачи, выдвинутые Советской Республикой по охране здоровья детей, проводились в жизнь по определенному плану, в центре, при Отделе по охране здоровья детей, учреждено двенадцать показательных медико-педагогических учреждений, служащих для ознакомления провинции с научно-практической разработкой вопросов и мероприятий по охране здоровья детей.

Для физически и умственно здоровых детей открыт в октябре 1918 г. институт физической культуры с опытными школами (городской и загородный). Институт является лабораторией детского труда и физических упражнений (спорт и гимнастика) и инструкторской школы социалистического трудового воспитания подрастающих поколений. Все опыты над детьми школы ставятся при Институте, где и разрабатываются практически способы проведения трудовых процессов в единую трудовую школу Советской России. Здесь же ведутся систематические курсы для инструкторов физического образования.

Органами обследования и лечения детей являются детские (школьные) амбулатории. Они выделяют детей, требующих лечения и облегченной программы обучения: а) больные дети помещаются в больницы и школы-санатории; б) дети слабые и туберкулезные направляются в школы на открытом воздухе (лесные, степные); в) часть детей направляется в вспомогательные школы и лечебно-воспитательные колонии. Там, где имеется достаточно сил, зубоврачебная помощь оказывается в

особых детских зубоврачебных амбулаториях. Дети туберкулезные подвергаются исследованию группою врачей в особой амбулатории (группа борьбы с туберкулезом или диспансер). Здесь же производится обследование домашней жизни пролетарского ребенка и оказывается посильная помощь питанием в столовой-клубе и снабжением одеждою, обувью, рыбьим жиром, лекарствами и проч.

Отдел Охраны Здоровья Детей ставит незыблемым принципом своей деятельности следующее положение: ни один заболевший ребенок не должен оставаться без педагогического руководства в соответствующем медико-педагогическом учреждении.

Все учреждения для борьбы с дефективностью телесной (глухота, слепота), умственной и моральной об'единены одним общим центром—институтом дефективного ребенка с приемником (испытательно-наблюдательный пункт) и 5-ю другими учреждениями: вспомогательной школою для легких степеней умственной отсталости, школою-лечебницей для глубоких степеней умственной отсталости, школою – нервным санаторием для психически и нервно-больных детей, лечебно-воспитальной колонией и институтом глухонемых. В этих учреждениях врачи и педагоги-специалисты практически знакомят будущих педагогов с делом воспитания дефективных детей.

Только в Советской России, впервые во всем мире, еще в начале 1918 года было декретировано, что дети до 18-ти лет, которые хотя нарушили закон и являются общественно-опасными, а иногда и вредными членами общества,—не могут однако быть названы преступниками. Они лишь—печальная жертва существовавших ненормальных условий буржуазного общества и нуждаются только в перевоспитании. Проступки этих малолетних правонарушителей не могут рассматриваться в обычном суде, а подлежат исключительно ведению Комиссии по делам о несовершеннолетних-правонарушителях, с обязательным участием врача-психиатра и педагога наравне с представителем юстиции. Такие Комиссии с целым штатом воспитателей-обследователей на дому в настоящее время повсеместно организованы в губернских, а отчасти и в уездных городах, и при них устроены наблюдательно распределительные пункты, откуда дети-правонарушители или возвращаются родителям или помещаются в лечебно-воспитательные колонии.

Вообще, все учреждения для дефективных детей, как и все прочие медико-педагогические учреждения, открываются в губернских городах и отчасти в уездных. Во многих губернских городах в настоящее время открыты: детские (школьные) амбулатории, вспомогательные школы и колонии для морально-дефективных детей; реже встречаются лесные школы и школы-санатории. Наиболее распространенный тип медико-педагогического учреждения в уездном городе, это — детская (школьная) амбулатория.

Как добиться охраны здоровья детей в переживаемых сейчас Россией условиях продовольственного кризиса? На разрешение этого вопроса с самого начала своего возникновения Отдел Охраны Здоровья Детей при Наркомздраве обращал самое серьезное внимание. Первая отправка детей в колонии, в начале 1918 г. из Петрограда, была организована Отделом. Отдел и ходил и в городских условиях из того положения, что сначала нужно накормить ребенка, а затем поставить его жизнь в городе в гигиенические условия. К выполнению этой большой задачи призваны в настоящее время Советской властью три Комиссариата: Наркомпрос, Наркомпрод и Наркомздрав (организация диэтических столовых для больных и поправившихся от тяжелых болезней детей).

Декретом 17-го мая 1919 г. Совет Народных Комиссаров установил бесплатность детского питания. На счет государства отнесено питание детей до 16-ти лет в обеих столицах и в промышленных районах потребляющих губерний. Этим декретом положено начало социалистическому распределению продуктов между детьми, но и до декрета о бесплатном детском питании Отдел Охраны Здоровья Детей еще в 1919 г. получил 50.000.000 рублей на бесплатное детское питание и добился в ноябре 1918 года введения особого налога на население с этой целью.

Если окинуть общим взглядом то, что было сделано в области охраны здоровья детей до социальной революции в России, то можно сказать: не было сделано ничего или почти ничего. Даже особой, предназначенной для этого статьи бюджета, совсем не было. После революции за строительство этого нового дела с жаром принялась молодая социалистическая страна, и, несмотря на тяжелые условия экономической разрухи, за два года и в центре и на местах удалось достигнуть признания необходимости самой заботливой охраны здоровья детей. Здоровье детей — дело рук самих рабочих, вот один из самых близких рабочим и крестьянам лозунгов Советской России. Рабоче-Крестьянское государство высоко ставит охрану здоровья детей, отлично сознавая, что юные коммунисты — залог будущего социалистической России, так как только здоровое душой и телом поколение может закрепить завоевания Великой Российской Социальной Революции и довести страну до конечной цели развития — до полного установления коммунистического строя.

Н. СЕМАШКО.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.

Возникновение института социального обеспечения относится к началу капиталистической эры.

В капиталистическом обществе рабочий обладает единственной собственностью—своей рабочей силой. Стоит ему ее потерять вследствие болезни, увечья, старости, инвалидности, или остаться без работы, — и он лишается всяких средств к существованию и впадает в нищету.

Это обстоятельство уже на заре капитализма заставило рабочие организации прибегать к обеспечению своих товарищей, выбитых из трудовой колеи, тем или другим путем. Так, уже в конце XVIII столетия в Англии образовались „Дружеские общества", во Франции—„Общества взаимопомощи", которые оказывали помощь своим членам во время болезни, безработицы, старости, выдавали пособия оставшимся без кормильца семьям и т. д.

Когда возникли рабочие профессиональные союзы, то задачи обеспечения рабочих перешли к этим союзам. Однако, как указанные общества взаимопомощи, так и профессиональные союзы не могли разрешить задачу обеспечения для всего рабочего класса, для всех трудящихся и для всех случаев потери трудоспособности и заработка.

Профессиональные союзы и общества взаимопомощи охватывали только лучше всего оплачиваемую часть рабочего класса, оставляя широкие рабочие массы в стороне.

Кроме того, средства профессиональных союзов, составлявшиеся исключительно из взносов рабочих, были слишком незначительны для того, чтобы обеспечить потерявших трудоспособность рабочих и семьи, оставшиеся без кормильца, надлежащей помощью.

Капиталистическое производство с его безудержной эксплуатацией труда порождает колоссальную заболеваемость, увечность и смертность среди рабочих.

Государство, находящееся в капиталистическом обществе на службе у богатых классов, под давлением рабочих вынуждено было ввести государственное страхование, но последнее было только паллиативом, не дававшим существенных результатов.

Особенно плохо было поставлено дело страхования рабочих в России. Как по царскому закону 1912 года, так и по закону соглашательского правительства 1917 года, страхование распространялось только на незначительную часть рабочих, — главным образом, на рабочих крупных фабрично-заводских предприятий. Три пятых взносов по закону 1912 года и половина по закону 1917 года падали на промышленных рабочих. Приказчики, прислуга, рабочие транспортной промышленности, сельскохозяйственные рабочие—были лишены выгод страхования. Пособие выдавалось только в несчастных случаях и во время болезни. Инвалидность, старость, безработица оставляли рабочих без обеспечения.

Не лучше обстояло дело в дооктябрьский период и с так называемым призрением бедных. В царский период организация помощи беднейшей части населения находилась в ведении благотворительных учреждений ведомства Марии Феодоровны, Человеколюбивого Общества и других, и в сотой доле не утолявших нужду многомиллионных обездоленных масс.

После октябрьской революции перед рабоче-крестьянским правительством встала грандиозная задача в области социального обеспечения. Необходимо было ввести полное социальное обеспечение трудящихся. Необходимо было сломать всю систему старого „призрения" и на ее место поставить обеспечение нетрудоспособных и неимущих на социалистических началах.

Социальное обеспечение было об'явлено не благотворительностью, не милостыней, а правом каждого трудящегося, потерявшего трудоспособность и впавшего в нужду. Начата была самая решительная борьба с тунеядством и паразитизмом, свившими себе гнездо при старом буржуазно-помещичьем строе. Право на обеспечение было признано только за нетрудоспособными, не имеющими других источников существования. Всякий здоровый человек должен трудиться. Всякий обеспеченный по своему положению не имеет права на обеспечение. На место прежних нищенских подачек, благотворительности, филантропии — была поставлена рациональная социальная помощь: получившие увечье должны быть вылечены, снабжены протезами и обучены какому-нибудь ремеслу, чтобы они опять могли трудиться и не быть обузой государству; необеспеченным больным должна быть предоставляема рациональная помощь в больницах, санаториях и т. д. Беспомощные инвалиды должны получить приют в инвалидных домах, бесприютные дети должны быть помещены в ясли, детские дома, дома охраны материнства и младенчества, где они могут найти уход, воспитание и обучение; потерявшим трудоспособность и вместе с тем лишенным других источников существования должна быть назначена пенсия в размере прожиточного минимума и т. д...

На основе вышеуказанных принципов Рабоче-Крестьянское Правительство развило широкую деятельность в области социального обеспечения.

Социальное обеспечение трудящихся и их семей.

Рабоче-Крестьянской властью издан был декрет о социальном обеспечении трудящихся. Декрет этот распространил социальное обеспечение на всех без исключение трудящихся, источником существования которых является собственный труд, без эксплуатации чужого труда. Трудящиеся подлежат обеспечению независимо от того, работают ли они в государственных, национализированных, частных, общественных предприятиях, учреждениях или хозяйствах, у отдельных лиц или самостоятельно. Обеспечению подлежат и трудоспособные члены семьи трудящегося, ведущие домашнее хозяйство. Они приравниваются, таким образом, к домашним работникам.

Право на обеспечение дают по новому декрету все случаи утраты средств к существованию, как вследствие временной нетрудоспособности, вызванной общим заболеванием, увечьем, беременностью и родами, так и вследствие постоянной нетрудоспособности (инвалидности), вызванной увечьем, болезнью, старостью и т. п. Кроме того, право на обеспечение дает также утрата средств к существованию вследствие безработицы, происшедшей не по вине безработного.

Таким образом, новый декрет предусматривает обеспечение по всем видам потери трудоспособности — от болезни, увечья, инвалидности, старости, материнства, а также безработицы.

Кроме того, новый закон о социальном обеспечении трудящихся возлагает на органы социального обеспечения также принятие предупредительных мер против заболеваний, увечий, инвалидности и проч., т. е. охрану труда.

Каждый трудящийся в случае заболевания имеет по закону право на получение всех видов врачебной помощи: первоначальной, при внезапных заболеваниях, амбулаторного лечения по всем специальностям, родовспоможения, больничного лечения, врачебной помощи на дому, курортно-санитарного лечения, и проч., а также получение лекарственных и лечебных средств, дополнительного питания, медицинских принадлежностей и вспомогательных средств, необходимых для успеха лечения и облегчения последствий болезни и увечья, (очки, костыли, протезы и т. п.).

Врачебная помощь оказывается втечение всего периода нужды в ней.

Кроме бесплатного лечения, всякий трудящийся, потерявший заработок или часть его вследствие утраты трудоспособности или безработицы, имеет право на получение пособия или пенсии. При этом, если утративший трудоспособность или безработный сохраняет часть своего заработка или имеет другие какие либо доходы, то эта сумма высчитывается из пенсии или пособия. Таким образом, обеспечению подлежат лишь нетрудоспособные и неимущие.

Пособие в случае временной утраты трудоспособности или увечья выдается по день восстановления здоровья в размере заработка лица, потерявшего трудоспособность.

Беременным и роженицам пособие выдается в этом размере втечение 8 недель до и 8 недель после родов — для лиц, занимающихся физическим трудом, и втечение 6 недель — для прочих лиц.

Кормящие своей грудью матери со дня прекращения выдачи им пособия, как роженицам, получают до конца 9-го месяца пособие в размере $^1/_4$ полного пособия роженице.

При безработице пособие выдается по день поступления на работу в размере наименьшей тарифной ставки для данной местности.

При постоянной утрате трудоспособности от болезни, увечья, старости и проч. выдается пенсия. Если утрата трудоспособности превышает 60%, то пенсия назначается полная, в размере 25-кратного среднего дневного заработка той местности, где проживает получающий пенсию. При утрате от 45 до 60% трудоспособности выдается пенсия в размере $^3/_4$ полной пенсии, при утрате 30 — 45% — половины полной пенсии и при утрате 15 — 30% — $^1/_4$ полной пенсии. При потере трудоспособности ниже 15% — пенсия не выдается.

Пенсия выдается на все время утраты трудоспособности. Если в отношении степени инвалидности произошла перемена, то пенсия соответственно уменьшается или увеличивается, для чего периодически производится переосвидетельствование инвалидов.

Пенсия может быть также уменьшена, если произошло изменение материального положения пенсионера, если заработок его увеличился, или он стал получать другие доходы.

Вместо получения пенсии, инвалиды могут быть помещаемы в инвалидные дома, целью которых является не только дать пристанище, но и обучить инвалидов и поднять их трудоспособность.

Особым декретом рабоче-крестьянское правительство обеспечило и семью трудящихся после смерти кормильца семьи.

Для получения пенсии требуется наличность следующих условий: неимение других средств к существованию, кроме поддержки со стороны умершего, неэксплуатирование последним чужого труда, нетрудоспособность членов семьи умершего. Размеры пенсий определяются следующим образом: для одного лица пенсия назначается в размере 60 процентов минимальной тарифной ставки (прожиточного минимума) в той местности, где проживает пенсионер, для двух — 75 процентов, для трех и более — 100 процентов. Из суммы пенсии вычитаются доходы, пособия, заработок, а также стоимость натуральной помощи.

Обеспечение солдат старой и красной армии и их семейств.

Царское правительство и соглашательское правительство Керенского, награждая генералов и офицеров высокими пенсиями, бросало нищенские подачки солдатам-инвалидам и их семьям. Пенсия полному инвалиду-солдату в царский и соглашательский период составляла всего 216 рублей в год, а семья убитого солдата получала всего 48 р. в год. Рабоче-крестьянское правительство тотчас же после октябрьской революции повысило полную пенсию солдат инвалидов до 1125 рублей в год; в январе 1919 года оно подняло ее до 3000 рублей в год, а в октябре уравняло с пенсией красноармейцев (см. ниже).

Точно так же повышена была пенсия семьэ убитого солдата старой армии. К январю 1919 г. она была повышена до 1500 рублей в год для одинокой вдовы, до 2.000 рублей для вдовы с 1–2 детьми и до 2250 рублей для вдовы с тремя и более детьми, а в октябре 1919 г.—уравнена с пенсией для семей красноармейцев.

Декрет о пенсиях солдатам красной армии и их семействам издан 7 августа 1918 года. Пенсия инвалиду красноармейцу установлена была в размере 3.000 рублей в год при полной утрате трудоспособности, 2100 рублей—при понижении трудоспособности от 70 до 100%, в размере 1200 рублей при понижении от 40 до 70% и 450 рублей—при понижении от 15 до 40%. 28 апреля с. г. пенсия эта уравнена с пенсией для инвалидов труда, т. е. при утрате трудоспособности свыше 60% назначается полная пенсия в размере среднего заработка той местности, где проживает пенсионер, при утрате трудоспособности от 45 до 60%—в размере $^3/_4$ полной пенсии, при утрате 30—45% в размере $^1/_2$ полной пенсии, при утрате 15—30%—в размере $^1/_6$ полной пенсии.

Семьи убитых, умерших или пропавших без вести красноармейцев получают пенсию при одном нетрудоспособном члене семьи в размере 60% среднего заработка местности, где проживает семья,—для двух—в размере 75%, для трех и более—в размере 100%.

Рабоче-крестьянское правительство обратило особое внимание на обеспечение семейств красноармейцев, призванных на службу. 28 декабря 1918 года издан был декрет, по которому нетрудоспособные члены семьи красноармейцев, находившиеся на иждивении последних и с призывом их на войну оставшиеся без средств к существованию, стали получать на одного члена семьи 100 рублей в месяц, и на каждого следующего по 60 рублей, но не свыше 300 рублей в месяц на семью. 27-го мая 1919 года это пособие было увеличено вдвое, а 11 сентября 1919 г. последовало новое увеличение в зависимости от тарифных поясов от 8% (Уфимская, Самарская губ.), и до 50% (Петроград).

Приводим таблицу пособий по тарифным поясам (в рублях):

Пояса.	Число членов семей.				
	1	2	3	4	5 и более.
1	450	600	900	1200	1500
2	360	480	720	900	1200
3	300	400	600	800	1000
4	270	360	540	720	900
5	240	320	480	640	800
6	230	280	420	560	700
7	220	260	390	520	650

На 1 декабря с. г. число членов семей красноармейцев, получавших денежное пособие, составляло 5.383.810.

Израсходовано на пособие в первое полугодие 1919 г. — 1 миллиард 300 миллионов рублей, во второе—около $3^1/_2$ миллиардов. Кроме денежного пособия (красного пайка), семьи красноармейцев освобождаются от квартирной платы, имеют право на дополнительную продовольственную карточку „Красной Звезды", освобождаются от уплаты прямых государственных налогов (за исключением налога натурального), освобождаются от выселения из квартир и принудительных работ, сохраняют право на земельные участки, находящиеся в их пользовании, получают ссуды на поддержание хозяйства семенами, живым и мертвым инвентарем, рабочей силой.

Обеспечение жертв контр-революции.

Белогвардейские восстания и гражданская война заставили рабоче-крестьянское правительство принять ряд мер по обеспечению жертв контр-революции. 3 сентября 1918 года издано было положение о помощи жертвам контр-революции. Согласно этому положению на Комиссариат Социального Обеспечения возложено было предоставление помощи кровом, пищей, одеждой, медицинской помощью, работой и т. д. пострадавшим от контр-революции трудовым элементам города и деревни и их семьям; обеспечение впавших в постоянную нужду нетрудоспособных и оставшихся без средств к существованию (больных, раненых, инвалидов, потерявших кормильца семей и пр.); восстановление уничтоженного имущества и расстроенного хозяйства трудовых элементов города и деревни. Комиссариат Социального Обеспечения развил широкую деятельность в этом направлении. При местных Отделах Социального Обеспечения созданы были комиссии, задачею коих было обследование степени нуждаемости пострадавших и оказание им той или иной помощи. Комиссариат Социального Обеспечения ассигновал и распределил по губерниям большие средства для пострадавших. Так, Архангельской губернии было переведено 1.250.000 руб., Северо-Двинской—1.350.000 р., Витебской—1.000.000 р., Воронежской—1.500.000 р., Вятской—7.350.000 руб., Гомельской—4.200.000 р., Курской—3.325.000 руб., Казанской—2.800.000 руб., Московской—4.850.000 р., Минской—10.200.000 р., Орловской—1.900.000 р., Оренбургской—2.700 000 р., Петроградской — 3.650.000 рублей, Самарской — 10.270.000 р., Самарской — 5.000.000 р., Тамбовской—3.157.000 руб., Украйне—10.000.000 рублей, Уфимской—2.200.000 руб., Уральской области — 5.500.000 р. и др. Всего за второе полугодие 1918 года было переведено более 50.000.000 руб. Кроме того, отправлено было мануфактуры для 6.000 человек. Число пострадавших, просьбы которых подлежали удовлетворению, доходило до 600.000. В первое полугодие 1919 года, с уменьшением белогвардейских восстаний и с нашим продвижением на восток и на юг, число жертв контр-революции упало, и сумма денежной помощи сократилась до 35.000.000 р. Однако, с весны помощь жертвам контр-революции опять возрастает; с одной стороны—в зависимости от новой волны беженцев, вследствие наступления Колчака и Деникина, а с другой — вследствие разрушений, произведенных колчаковскими и деникинскими бандами при их отступлении из освобожденных местностей. К концу 1919 года, за второе полугодие, расход на помощь жертвам контр-революции снова возрос до 500.000.000 руб.

* * *

Из других видов социального обеспечения отметим еще охрану материнства и младенчества, охрану детства и помощь инвалидам в виде снабжения протезами, профессионального обучения и проч...

Охрана материнства и младенчества.

Для охраны материнства и младенчества организована целая сеть учреждений. К учреждениям этим относятся „Дома матери и ребенка", куда мать поступает за месяц до родов. Из „Дома" к моменту родов мать направляется в родильный приют или родовспомогательное заведение, откуда возвращается через 9 дней в „Дом матери и ребенка", где остается втечение 3-х месяцев после родов. Цели этого „Дома": 1) дать женщине возможность отдыха до и после родов, 2) пропагандировать идею охраны материнства и младенчества, 3) дать матери возможность пройти примерную школу по уходу за грудным ребенком и 4) дать сиротам возможность правильного развития на грудном вскармливании.

По достижении ребенком 3-х-месячного возраста, он вместе с матерью выписывается из этого учреждения и может быть принят в следующее. Таким учреждением является 2-ой дом Матери и Ребенка, куда принимаются матери с грудными детьми, от 3-х месяцев и до 1 года. Мать, живя в „доме", ходит на службу или на работу, ребенок пользуется рациональным уходом под наблюдением врача. Имеются также ясли для младенцев до одного года и для детей от года до 3-х лет; в эти цели мать может приносить ребенка, и он пользуется там втечение дня уходом со стороны специального медицинского персонала и получает кормление, отвечающее требованиям его организма. В настоящее время в Москве есть 3 дома Матери и Ребенка и 30 яслей. В провинции устроено 13 домов Матери и Ребенка и сотни яслей.

По достижении трехлетнего возраста, дети передаются на попечение учреждений Отдела Детских Домов.

Кроме указанных „домов" и яслей, одним из самых рациональных учреждений для охраны детства и для борьбы с детской смертностью являются Консультации.

Это учреждение имеет целью наблюдение за развитием ребенка, предупреждение заболеваний, происходящих от неправильного ухода за ним, а также от вскармливания его, и амбулаторное лечение уже развившихся заболеваний.

Матери с детьми являются в Консультацию регулярно один раз в неделю втечение первых 3-х-4-х месяцев, а затем один раз в две недели до 8-9-ти месяцев и, наконец, один раз в месяц до 3-летнего возраста. Таким образом, каждый ребенок делает около 40 посещений за тот период времени, когда заболеваемость и смертность больше всего грозит ему. Врач дает советы матери, указывает ей на правильные и ошибочные приемы ухода и кормления, назначает лечение и т. п. Обучение матерей в Консультациях имеет колоссальное значение, и мать, посещавшая Консультацию с одним ребенком, в большинстве случаев после этого уже совершенно иначе заботится о следующих детях с самого рождения.

Консультация является, таким образом, лучшей школой для матерей.

Вспомогательным учреждением для Консультации является Молочная Кухня. В большинстве случаев мало давать совет матери ребенка и указывать, как готовить ту или иную пищу, нужно быть уверенным в том, что пища будет приготовлена именно так, как указано, и что она хорошего качества, другими словами, надо дать эту пищу в готовом виде. Для этой цели и необходима организация Молочной Кухни. Второй неотъемлемой частью Консультации является „Выставка по вскармливанию ребенка раннего возраста и уходу за ним".

В настоящее время в Москве имеется 20 консультаций и 9 Молочных Кухонь. В провинции к 1 июля 1919 года насчитывалось в 20 губерниях 23 консультации и 16 Молочных Кухонь.

На охрану материнства и младенчества Комиссариатом Социального Обеспечения израсходовано было в первое полугодие 1919 года 85 мил. рублей, а во второе полугодие уже около 300 миллионов рублей.

Охрана детства.

Охрана детства до сих пор находилась в ведении Комиссариата Социального Обеспечения, а с 1 января 1920 года она переходит к Наркомпросу. За два года в этой области сделана огромная работа.

Первой задачей явилось об'единение в одном ведомстве всех приютов, как бывших раньше казенными, так и частных, открытых разными благотворительными обществами, а затем и всех домов для детей беженцев. Все эти приюты были коренным образом реорганизованы.

Взамен приютов казарменного типа, в которых дети содержались из милости, были забиты и придавлены, — Отдел Защиты Детей поставил себе задачей создание повсюду детских домов-семей, которые могли бы по возможности заменить обездоленным детям родную семью.

Так как со старым словом „приют" соединялось представление о благотворительном учреждении для детей, и звание „приютский" накладывало клеймо на его питомцев на всю жизнь, то наименование „приют" было заменено словом „Детский дом".

В основу реорганизации Детских Домов и социального воспитания детей были положены трудовое начало и принцип открытых дверей. Детский Дом предназначается для детей нуждающихся в обеспечении, он должен заменить им родную семью, где они получают все необходимое: теплый, уютный кров, одежду, обувь, пищу, медицинскую помощь, воспитание.

Школы посещаются ими на общих основаниях со всеми другими детьми; особенные „приютские" школы, отделявшие прежде этих детей, как париев, от других не нужны при нашем строе. Поэтому школы при детских домах остались лишь там, где Отделами Просвещения не предоставлена возможность питомцам Детских Домов посещать общие школы по недостатку вакансий, по отдаленности школы, отсутствию таковой и т. п.

В результате всех произведенных Комиссариатом Социального Обеспечения работ на 1-ое января

1919 года имелись почти при каждом губернском и уездном Отделе Социального Обеспечения подотделы охраны детства, работающие по указанию Центра, а также целая сеть детских учреждений, большой процент которых размещен в бывших помещичьих усадьбах.

По произведенным статистическим подсчетам на 1-ое января 1919 года числилось по 36 губерниям 1279 учреждений охраны детства с 75574 детьми, а по последним данным (неполным) число детских учреждений Социального Обеспечения составляет 1724, с 124627 детьми.

В виду острого недостатка на местах в воспитательском персонале, Отдел Охраны Детства Н. К. С. О. направлял в провинцию достаточно подготовленных воспитателей-педагогов. В то же время Отделом организовывались новые детские трудовые коммуны, новые детские дома, детские сады, клубы, площадки, устраивались выставки, собирались библиотеки, составлялись детские литературные кружки, оркестры, хоры, при детских домах и коммунах учреждались советы и хозяйственные комитеты детей. Всюду в детские дома и коммуны вводился принцип самодеятельности и самообслуживания.

Во многих местах были устроены питательные пункты, столовые, детские санатории и больницы. Организовано несколько школ (в местах, где их недоставало или не имелось по близости), и оборудована целая сеть мастерских; в этих мастерских обучаются, кроме питомцев, и другие дети. Приняты в ведение Отдела Охраны Детства и организованы вновь 83 учреждения для дефективных.

В целях подготовки бо́льшего числа воспитателей, местными подотделами устроены краткосрочные курсы по специально выработанным программам.

В области попечения о дефективных детях Отделом Охраны Детства приступлено было к повсеместному созданию при Отделах Социального Обеспечения комиссий по делам несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных деяниях. Комиссии эти рассматривают проступки несовершеннолетних, как напр. кражи и т. п. Далее, Отделом был создан „Дом изучения ребенка". Дом этот начал функционировать с июля этого года. Он преследует две цели: изучение и воспитание детей с разными моральными дефектами,—питомцев детских домов,—и подготовку путем практической работы специалистов-воспитателей для дефективных,—в чем ощущается большая нужда и в столицах и—в особенности—в провинции.

Расходы на детские учреждения Соц. Обеспечения в 1-ое полугодие 1919 года выразились в сумме 204.853.856 руб. 49 коп.; на 2-ое полугодие ассигновано около 655.000.000 рублей.

Помощь инвалидам.

Империалистические войны, которые вело царское правительство в последние десятилетия, и современная гражданская война дали и дают неслыханные цифры раненых и искалеченных рабочих и крестьян. Больные, раненые и контуженные воины, утратившие трудоспособность, нуждаются в самой широкой помощи. С другой стороны, капитализм оставил Советской России в наследие миллионы инвалидов труда.

Задачами оказания помощи инвалидам войны и труда является обеспечение инвалидов и восстановление потерянной ими трудоспособности.

Помощь эта выражается в долечивании, протезировании, профессиональном обучении и переобучении, в трудовой помощи и обеспечении беспомощных инвалидов.

Долечивание имеет целью возможно большее восстановление здоровья и трудоспособности увечного, не закончившего в свое время лечения, или пользовавшегося неудовлетворительным лечением в военных госпиталях, благодаря обстоятельствам военного времени. Долечивание осуществляется теперь путем устройства широкой сети специальных лечебных заведений и санаторий. Следующим видом помощи является протезирование, т. е. снабжение калек механическими приспособлениями, заменяющими утерянную часть тела, напр. ампутированную ногу или руку и т. д. Из всех других видов помощи протезирование является одним из существеннейших, требующим громадных денежных затрат, знаний, опыта и энергии.

Профессиональное переобучение выражается:

1) в приспособлении инвалидов к пользованию другими частями тела, взамен удаленных или бездействующих (левой рукой,—вместо правой и т. д.), а также и протезами,

2) в сообщении инвалидам новых сведений и навыков, в углублении знаний по знакомым уже профессиям, и

3) в обучении инвалидов новым видам труда, которые совместимы с состоянием их здоровья.

Те увечные, которые не могут использовать свою оставшуюся трудоспособность, несмотря на долечивание и протезирование, и которые ранее поступали на иждивение государства или нищенствовали, теперь направляются на курсы, в школы, в учебные мастерские всяких видов, учрежденные местными отсобесами (Отделами Социального Обеспечения).

Эти виды помощи инвалидам оказались бы, однако, неполными, если всякому вылечившемуся, снабженному протезами, обученному инвалиду не давалось бы фактической возможности приложения восстановленных сил и приобретенных знаний. Для осуществления этой задачи на местах жительства инвалидов организованы государственные мастерские, трудовые артели и коммуны.

Что касается полных инвалидов, требующих постоянного, не только простого, но и медицинского ухода, то они определяются в инвалидные дома.

Эти дома не то, что старые богадельни. Здесь даже увечные, прикованные к кроватям, получают возможность заняться доступным им трудом. Примерами этого могут служить опыты устройства общежитий с художественными мастерскими по вышиванию, рисованию, выжиганию, шитью, вязанью и т. п.

По неполным сведениям Комиссариата, в Республике имеется инвалидных домов 160 с 11.739 увечными: *) 235 учебных и производительных

*) Для гражданских инвалидов имеется 1286 домов с 79.664 инвалидами.

мастерских (сапожных, портняжных, шапочных, столярных, трикотажных и др.) с 5415 обучающимися; 37 курсов (счетоводных, кооперативных и др.) с 1920 обучающимися.

Что касается протезных мастерских, то в настоящее время действуют 20 сборочных и 6 починочных мастерских, производительность их — 400 новых протезов и 200 пар ортопедической обуви, кроме того 500 — 550 починок протезов.

Расход на помощь увечным воинам в первое полугодие 1919 года выразился в сумме 120.236,000 р., на второе полугодие ассигновано: на инвалидные дома 74.071,000 р., на учебно-профессиональную помощь — 57.392.000 р., на протезы и ортопедическую обувь — 36.444,000 р., а всего более — 167 миллионов рублей.

* * *

Рабоче-крестьянское правительство затрачивает колоссальные суммы на социальное обеспечение. Так например, по смете Наркомсобеса (Народного Комиссариата Социального Обеспечения) на II полугодие 1919 года отпущено кредитов на 7½ миллиардов, и по смете Наркомтруда на социальное обеспечение трудящихся—пять миллиардов.

Ни одна страна в мире не осуществляет в таких размерах социальное обеспечение и не тратит таких средств на это дело, как Советская Россия. Только рабоче-крестьянская власть, низвергнувшая капиталистов и помещиков, могла предоставить потерявшему трудоспособность и лишившемуся средств существования рабочему и крестьянину вышеописанное социальное обеспечение, уничтожить проклятую заботу о „черном дне" и дать трудящемуся твердую уверенность в поддержании его государством в случае утраты трудоспособности и материальной нужды.

А. ВИНОКУРОВ.

У них (у коммунистов) нет интересов, обособленных от интересов всего пролетариата.

Они не выставляют особых принципов, по которым они хотели бы формировать пролетарское движение.

Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных национальностей они выдвигают и отстаивают общие, независящие от национальностей интересы всего пролетариата,— с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития борьбы пролетариата с буржуазией, они всегда представляют интересы движения в целом.

Коммунисты, следовательно, являются на практике самой решительной, стремящейся все дальше частью рабочих партий всех стран; теоретически, они имеют перед остальной массой пролетариата то преимущество, что понимают условия, ход и общие результаты пролетарского движения.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический Манифест

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОТНИЦЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.

Советская власть впервые создает условия, при которых женщина может, наконец, завершить дело своего полного освобождения.

В течение столетий она была рабыней: сначала, при мелком производстве,—рабыней в семье, затем, при развитии капитализма, она становится рабыней втройне: в государстве, на фабрике, в семье.

И так было не только при отсталом и варварском царском режиме,—так оно есть и сейчас даже в самых „цивилизованных" западно-европейских и американских „демократиях".

При буржуазном строе работница лишена даже тех скудных политических прав, которые имеют рабочие. На фабрике, на заводе она еще более угнетена, еще более эксплуатируема, чем рабочий, ибо хозяин пользуется своей властью не только для угнетения ее в качестве пролетарки, но также и для всяческого издевательства и насилия над нею, как женщиной. И нигде и никогда проституция, это худшее, это самое гнусное проявление наемного рабства пролетариата, не процветала таким пышным цветом, как при капитализме.

Работницы, крестьянки—рабыни и в семье, и не только потому, что над ними довлеет власть мужа, но также и потому, что фабрика, отрывая работниц от домашнего очага, вместе с тем не снимает с нее забот материнства и домашнего хозяйства, превращая, таким образом, материнство в тяжелый, непосильный крест.

Пока существовала буржуазная власть, работница, крестьянка не могли освободиться от этой тройной кабалы, являющейся основой, на которой покоился буржуазный строй, без которой он не мог существовать.

Советская власть—власть пролетариата—широко распахивает двери перед женщиной, дает ей полную возможность освобождения.

Уже сейчас Советская конституция даровала женщинам полное политическое и гражданское равноправие. Работницы и крестьянки пользуются теми же избирательными правами, что рабочий и крестьянин. Они наравне с мужчинами могут избирать и быть избираемы, могут занимать какие угодно должности: в заводских комитетах, советах, советских учреждениях—вплоть до народных комиссаров включительно.

А обобществление производства, экспроприация капиталистов и помещиков ведет к полному уничтожению всякой эксплуатации, всякого экономического неравенства.

В Советской России работница на фабрике, на заводе уже не является больше наемной рабыней, а полноправной хозяйкой, которая вместе и наравне с рабочим, через посредство Советских учреждений и профессиональных союзов, организует, управляет, руководит всем производством и распределением.

Точно так же дело обстоит и в отношении семьи и брака. Советская власть уже сейчас сделала вполне равноправными мужа и жену. Власть мужа и отца больше не существует. Формальности брака и развода доведены до минимума, сведены к простым заявлениям заинтересованных лиц в соответствующих комиссариатах.

Советская власть уничтожила также всякое различие в правах между законным и „незаконным" ребенком. Уничтожено одно из худших проявлений буржуазной несправедливости. В Советской республике больше нет „незаконнорожденных". Для нее все дети являются в одинаковой мере ее будущими гражданами, которые имеют одинаковое право на ее внимание и заботу. Советская власть стремится взять на себя все воспитание, все обучение с первых дней их рождения до 16-ти, 17-ти лет. Она стремится взять на себя все содержание детей.

При капитализме дети пролетариев были с самых малых лет лишены фабрикой и заводами материнской заботы, а буржуазное государство нисколько не заботилось о них, и пролетарские дети калечились физически и нравственно, хирели, вымирали.

Советская власть сейчас уже, несмотря на разруху, на блокаду, на беспрерывные нападения белогвардейцев, на неслыханные трудности, частично проводит общественное содержание детей (часть продуктов выдается даром по детским карточкам, создаются даровые детские столовые, школьные столовые). Обучение всюду бесплатно, начиная со школы первой ступени и кончая университетом и высшими школами. Создаются ясли, детские сады. При школах дети снабжаются обувью и одеждой. Беспрерывно расширяется область социального обеспечения, охраны материнства, детства, создания домов материнства, детских домов и очагов, яслей, детских садов.

Детский труд до 16-ти лет воспрещен. От 16-ти до 18-ти лет дети работают только до 6-ти часов. Роженица освобождается от работы за 8 недель до родов и на 8 недель после родов, и за все это время ей выдается пособие, равняющееся ее дневному заработку. Кроме того, издан целый ряд постановлений, охраняющих труд беременной женщины и вообще женский труд.

Сейчас уже, повторяю, несмотря на невиданные трудности, можно с уверенностью сказать, что в Советской России забота о матери и о ребенке поставлена лучше, чем где бы то ни было. А ведь это только первые шаги.

Вместе с тем, благодаря созданию общественных столовых и кухонь постепенно исчезает домашнее хозяйство — печной горшок, который всячески изукрашивается буржуями, но который с хозяйственной точки зрения совершенно не целесообразен, а для крестьянок и в особенности для работниц является источником добавочного непосильного труда, отнимающего у них последний досуг,

лишающего их возможности пойти на собрание, прочитать книжку, принять участие в классовой борьбе! Печной горшок, способствуя при буржуазном строе темноте и отсталости работниц, является, таким образом, одной из лучших опор буржуа в его борьбе с рабочим.

Советский строй есть строй переходный к коммунизму, ведущий к нему, а коммунизм нельзя осуществить без полного освобождения всех эксплуатируемых, в том числе и женщин. Вот почему при советском строе рвутся и распадаются все цепи, которые веками сковывали работниц и крестьянок.

И на другой же день после октябрьской революции, работницы прекрасно поняли, что для них открывается новая эра полного освобождения.

На первых же своих конференциях (Московская конференция в мае 1918 г., Московская губернская конференция в июне 1918 г. и Всероссийская конференция в ноябре 1918 года, на которой присутствовало более тысячи делегаток, представивших более чем миллион пролетарок) работницы отметили этот факт. В своей резолюции по семейному вопросу Московская губернская конференция указывает на то, что с переходом власти в руки Советов стало возможным не только полное политическое и гражданское освобождение работницы, но также и полное устранение ее полового и семейного рабства, и что теперь предстоит выяснить и конкретно разработать условия этого освобождения.

В резолюции Всероссийского с'езда по вопросу о задачах работницы, между прочим, говорится: „Советская власть, дав полное политическое освобождение всему рабочему классу, уравняв в правах женщину с мужчиной, сделала работниц, наравне с рабочими, полными хозяевами жизни, дав им полную возможность строить жизнь так, как это нужно рабочему классу и бедноте города и деревни... в результате октябрьской революции, в результате перехода власти в руки Советов,—полное социальное освобождение работниц, путем уничтожения старых форм семьи и домашнего хозяйства, становится не только возможным, но и является одним из необходимых условий строительства социализма".

В этой же резолюции формулированы задачи, которые становятся перед работницами в Советской России. Задачи эти определяются следующим образом: „I-е Всероссийское Совещание работниц констатирует еще раз, что у работниц нет специфически женских задач, отличных от общих задач пролетариата, ибо условия ее освобождения одни и те же, что условия освобождения всего пролетариата в целом, т. е.—пролетарская революция и торжество коммунизма... В момент развертывающейся мировой социалистической революции, требующей величайшего напряжения всех пролетарских сил как в деле развития и защиты революции, так и в деле социалистического строительства, каждый рабочий, каждая работница должны стать солдатами революции, готовыми отдать все свои силы торжеству пролетариата и коммунизма; следовательно, основной задачей работницы является самое деятельное участие во всех формах и видах революционной борьбы как на фронте, так и в тылу, как путем пропаганды и агитации, так и путем непосредственной вооруженной борьбы... Вместе с тем..., констатируя, что старые формы семьи и хозяйства тяжелым бременем ложатся на работницу и мешают ей стать борцом за революцию и за коммунизм, и что эти формы могут быть уничтожены только путем строительства новых форм хозяйства,—совещание считает, что работница, принимая самое деятельное участие во всех проявлениях нового строительства, должна обратить особое внимание на создание новых форм питания общественного распределения и общественного воспитания, благодаря которым и будет уничтожена старая семейная кабала".

В резолюции о коммунистической партии работницы призываются стать не только на словах, но и на деле членами коммунистической партии и вступать в ряды организации сочувствующих, где работница и крестьянка смогут разобраться в программе партии коммунистов и войти в эту партию сознательными членами.

В резолюции по вопросу о международной революции, конференция, указывая на то, что в пожаре мирового восстания работниц и рабочих сгорает старый капиталистический мир и с ним вместе и бесправное рабство женщины, призывает работниц и крестьянок всех стран встать под знамена коммунистической партии и отстоять победу мировой революции.

В резолюции той же Всероссийской Конференции по вопросу о семье говорится: „I-ая Всероссийская Конференция работниц приветствует разрушение прежней кабальной для женщины формы буржуазно-капиталистической семьи... Коллективное хозяйство должно заменить домашнее хозяйство и раскрепостить работницу, как хозяйку. Воспитание и содержание детей на счет рабочего правительства (в яслях, детских садах, колониях и т. д.) должно снять материальную заботу с отца и матери... Свободный, но крепкий духовными товарищескими узами союз двух равноправных граждан трудового государства — таков новый пролетарский брак".

По вопросу о проституции резолюция говорит следующее: „Исходя из того, что корни проституции зарыты глубоко в капиталистическом обществе, I-ая Всероссийская Конференция работниц и крестьянской бедноты призывает бороться с проституцией не только закрытием домов терпимости, не только наказанием сводничества..., а революционным искоренением всех остатков капиталистического строя, при помощи перехода к коммунистическому хозяйству, введения обеспечения материнства, осуществления государственного воспитания детей и замены буржуазной семьи свободным браком..." В резолюции Московской Губернской Конференции есть еще предложение о „проведении все большего уравнения в заработной плате рабочих и работниц всех категорий".

Таким образом, работницы отлично понимали, что их новые права, новые свободы только тогда действительно помогут делу развития и победы революции, когда не только небольшой авангард, но и массы работниц будут привлечены к активному участию в жизни партии и Советов, что, следовательно, перед передовыми работницами именно и стояла задача вовлечения в революционную борьбу за коммунизм этих масс.

Задача эта была не из легких. Предстояло привлечь к революционной борьбе, к делу строительства, к делу управления, к коммунизму, наиболее отсталые, наиболее темные элементы рабочих масс, завоевать самые его низы, которые до сих пор во всех странах лишь туго поддавались агитации и пропаганде, которых не удавалось еще с'организовать ни одной партии.

При капитализме работницы и крестьянки совершенно отстранены от общественной и политической жизни,—как условиями буржуазного семейного быта, так и своим политическим бесправием. Благодаря этому, при переходе власти в руки советов, когда перед рабочим классом встало сложное и трудное дело управления и нового строительства, работница в своей массе оказалась еще неопытнее, чем рабочий. Для успешного привлечения работниц к общему делу, необходимо было в первую голову помочь им научиться работать, выяснить, где и как они лучше всего могут приложить свои силы.

Необходимо было выработать новые методы пропаганды, новые подходы, приспособленные и к психологическим особенностям работниц и крестьянок и к новым задачам, им предстоящим. И тут особенное значение приобретает пропаганда делом, т. е. пропаганда путем непосредственного привлечения работниц и крестьянок к той или иной форме советской или иной работы.

Созданы были делегатские собрания работниц, которые в этом смысле оказали большие услуги. Эти делегатские собрания образуются из представительниц от всех фабрик и заводов данного района или города, избранных на общих собраниях предприятий. Делегатские собрания работниц являются теми учреждениями, благодаря которым работницы на деле учатся тому, как вести советскую работу, как приложить свои силы и революционную энергию к общепролетарской борьбе и строительству. С другой стороны, делегатские собрания являются прекрасной связью между советскими учреждениями и массами работниц.

Делегатки разбиваются на группы, работающие при том или ином Советском отделе (до сих пор, главным образом,—при отделах социального обеспечения, труда, народного образования, здравоохранения) и там ведут работу по созданию, обследованию и контролю яслей, приютов, детских садов, школ грамотности и других, по контролю и обследованию столовых и кухонь и по устранению в них злоупотреблений или беспорядков, по наблюдению за правильным распределением в школах обуви, одежды, по собиранию сведений и оказанию помощи инспекторам труда, по контролю за точным проведением в жизнь правил охраны женского и детского труда. Им поручается организация лазаретов и больниц, забота о раненых и больных, обследование и контроль казарм, участие в милиции, работа по правильному распределению красноармейского пайка, привлечение работниц к более активному участию во всех формах руководства и управления производством и пр.

Отделы со своей стороны знакомят делегаток со своей деятельностью—привлекают их на школы и курсы по той или иной отрасли советской работы, открываемые ими (курсы по социальному обеспечению, по дошкольному образованию, курсы красных сестер и санитарок и пр.). Вместе с тем, делегатки, продолжая работу на своей фабрике или своем заводе, делают периодические доклады своим избирателям о своей деятельности и о деятельности отделов, при которых они работают, устраивают дежурства на этих заводах для выслушивания требований, жалоб, нужд работниц.

Делегатки привлекаются к активному участию во всех кампаниях, предпринимаемых партией или советами (дровяная кампания, уборочные отряды, продовольственные отряды, помощь раненым, по борьбе с эпидемиями, агитационные поездки в деревню и пр. и пр.). Делегатские собрания собираются 2 — 4 раза в месяц. За последнее время в Москве и некоторых других местностях понижена норма представительства, и делегатки выбираются по одной от 20 работниц. Таким образом, через посредство делегатских собраний, удается охватить самые широкие массы работниц, и они все больше становятся резервами, из которых партия и советы могут черпать новые силы. Это особенно ярко показали партийные недели. В Москве, напр., где, во время партийной недели, записалось около 15.000 новых членов партии и в том числе несколько тысяч работниц, большой процент новых членов дали именно делегатские собрания.

Большое агитационное значение имеют беспартийные конференции работниц, которые в отдельных городах, губерниях, уездах созываются приблизительно каждые 3 — 4 месяца (во всероссийском масштабе была созвана только одна конференция в 1918 году). Эти конференции оказались отличным средством всколыхнуть и пробудить еще не затронутые массы и в этом отношении дали хорошие результаты. (Сейчас к этим конференциям привлекаются и крестьянки). В октябре 1919 г. в Москве состоялась такая беспартийная конференция, на которой присутствовало больше трех тысяч делегаток, представительниц от 60.000 московских пролетарок (всего в Москве около 180.000 работниц).

Ведется также устная и печатная пропаганда и агитация. Почти в каждом партийном органе имеется „Страничка Работницы".

Мы можем сказать без всякого преувеличения, что каковы бы ни были недостатки и недочеты в нашей работе,—достигнутые за этот год результаты превзошли наши ожидания.

Год тому назад существовала лишь очень маленькая группка сознательных работниц, остальная масса работниц была революционно настроена, но оставалась еще несознательной, неорганизованной. Сейчас создался уже довольно многочисленный кадр сознательных работниц — членов коммунистической партии, которые в течение этого года успели уже проделать ту или иную советскую или партийную работу. Выработалось не мало талантливых работниц — агитаторов, а сейчас начинают вырабатываться и работницы—публицисты.

Движение работниц охватило уже самые широкие массы и становится значительной политической силой. Лучше всего работа шла в Питере, Москве, Московской губ. и Иваново-Вознесенской губ. Но несомненно, что в Питере работницы всего организованнее и сознательнее. В других губерниях работа также поставлена, и в некоторых местах довольно хорошо. На всероссийскому совеща-

нии партийных организаторов по работе среди женщин были представители от 28 губерний, причем не смогли приехать, напр., товарищи с Урала, из Уфы, Оренбурга, Астрахани, хотя работа там ведется. Таким образом, движение работниц сейчас действительно охватывает всю Россию.

Работницы проявили прекрасные организаторские способности и большую работоспособность. Им уже удалось, несмотря на невиданные трудности, помочь советским отделам, создать немало яслей, детских садов, школ, общественных столовых и пр. И в то время, как рабочему приходится идти на фронт в ряды Красной Армии, защищать Советскую власть от нападений Деникиных, Юденичей, империалистов Антанты, — работница в тылу заменяет его не только на фабрике и заводе, но в Советах, в профессиональных союзах, в милиции и пр. Немало также работниц, которые захотели бок о бок с рабочим биться на фронте против белогвардейцев.

И втечение этого года работницы окончательно убедились, что для того, чтобы иметь возможность спокойно строить новую жизнь, для того, чтобы покончить с транспортным и продовольственным кризисом,—необходимо прежде всего покончить с вооруженной силой Юденичей и Деникиных, необходимо нанести окончательный удар силам буржуазии и навсегда положить конец их попыткам задушить Советскую власть. В связи с этим работницы последние два месяца главное свое внимание сосредоточили на самой разносторонней поддержке Красной Армии. Теперь, когда мы наносим Деникину и Юденичу решительный удар, она снова сможет, ни минуты, конечно, не забывая своей работы на красную армию, отдать больше сил и другим задачам.

Перед лицом врагов-империалистов, русская пролетарка показала себя вполне достойной своего товарища пролетария. Они не переставали проявлять готовность идти на какие угодно жертвы, лишь бы покончить с силами буржуазии. Они говорили рабочим: конечно, нам трудно, нам тяжело, но идите на фронт, не думайте о нас, мы заменим вас, мы справимся. Во время последнего Деникинского наступления тульские работницы, на своей беспартийной конференции, об'явили в единогласно принятой резолюции, что Деникин войдет в Тулу только через трупы тульских работниц. Такие же заявления были сделаны и в других городах.

Против Деникина, Юденича встала вся рабочая Россия, готовая на все усилия, на худшие мучения, чтобы только отстоять свою рабочую Советскую власть! Советская власть пустила глубокие корни в пролетарских массах. В свою защиту она сумела поднять даже самые отсталые, самые темные ее элементы. В этом лучший залог ее прочности и непобедимости.

Буржуазные женщины ненавидят Советскую власть и стараются всячески очернить ее в глазах масс, не останавливаясь при этом ни перед какой ложью,—даже самой неправдоподобной и смешной.

Прошлой весной представительницы французских и английских империалистских кругов пустили в ход нелепую и гнусную клевету, будто бы Советская власть „социализировала" или „национализировала" женщин.

По этому случаю парижские и лондонские дамы света и полусвета сочли нужным торжественно обратиться к империалистскому „тигру" Клемансо с просьбой защитить русских женщин от злой Советской власти.

Такое обвинение коммунистов не новость. Маркс еще в „Коммунистическом манифесте" в бессмертных выражениях заклеймил и осмеял эту буржуазную выдумку.

Особенно позорно то, что представитель II-го Интернационала, Каутский, имел бесстыдство поддержать и повторить эту гнусную клевету против Советской власти.

Все эти попытки отколоть работниц, восстановить их против революции не приведут, конечно, ни к чему. Среди русских работниц эта выдумка может вызвать лишь веселый смех. А для работниц других стран конституция, декреты Советской республики, вся ее деятельность, наконец—резолюции и заявления самих русских работниц,—явятся самым лучшим, неопровержимым ответом.

Господа же из II-го Интернационала всем этим могут снискать лишь ненависть и презрение работниц всего мира. Каждая русская работница ответит этим господам приблизительно так: при капитализме мы были рабынями, нами торговали и в браке и вне брака. При Советской власти нам впервые удалось разогнуть наши спины, почувствовать себя свободными людьми. То, что так долго казалось лишь далекой мечтой, прекрасной сказкой, которой мы боялись верить,—становится теперь возможным, реальным, осуществимым, и мы уже сейчас начинаем строить коммунизм! Смешно звать нас назад!... Сколько бы ни старались буржуазные дамы и их помощники из II-го Интернационала,—им уже не удастся сбить работницу с правильного пути.

Ибо она уже сделала свой выбор.

Она идет вместе с Советской властью, вместе с III Интернационалом, — против вас, господа!

Елена БЛОНИНА (ИНЕСА).

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ПИСЬМО ИЗ ФИНЛЯНДИИ.

(ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЬМА).

...Несмотря на чрезвычайно тяжелыя условия работы, коммунистическое движение здесь, в Финляндии, не перестает развиваться. А между тем большая часть организаторов сидят по тюрьмам; арестованные подвергаются во время полицейского дознания самым ужасным пыткам. Во время гражданской войны 1918 года финский рабочий класс не имел, как известно, опытных, подготовленных военных руководителей (финские батальоны были расформированы в 1902 году), теперь же буржуазия организацией армии и обучением военному делу оказывает большую услугу рабочим, способствуя грядущей победе финского пролетариата. По крайней мере, теперь мы располагаем хорошим командным составом низших категорий. В „белой" армии имеются, конечно, более или менее белые отряды (кавалерия), но в общем красные составляют в ее отдельных частях либо большинство, либо, во всяком случае, крупное меньшинство. К тому же имеется много колеблющихся элементов и едва ли в общем наберется больше четверти истинно „белых" солдат. Среди офицеров и унтер-офицеров, напротив того, красные представляют собою лишь отдельные исключения.

Правительство и офицерство прекрасно знают о „красном" настроении большинства солдат и принимают свои меры предосторожности. Так, 1) ненадежным солдатам не выдают боевых патронов и 2) повсюду содержатся в полной готовности отряды добровольной охраны, составленные сплошь из буржуазных элементов. Охрана эта организована повсеместно, и общая численность ее кадров превышает 100.000 человек, но значительная часть их непригодна, конечно, для участия в серьезных боях. Процесс разложения начался уже, впрочем, и в среде добровольческой охраны: крестьянские и мелкобуржуазные элементы недовольны белым режимом и не доверяют буржуазии, хотя, настолько, чтобы открыто пойти навстречу красным, они еще не созрели. Раздоры между „маннергеймовцами" и сторонниками президента Стольберга не привели пока еще к острому конфликту: страх перед общим врагом заставляет белых сохранять единство.

Фактически все население страны разделено на два лагеря: каждый финн является в настоящее время либо красным, либо белым. Красные составляют по меньшей мере половину, может быть даже большинство населения, белые же образуют пока все еще значительное меньшинство. Число перебежчиков из белого лагеря с каждым днем возрастает, но, надо сказать, что перемена политической окраски зачастую бывает лишь кажущейся, ибо большинство таких перебежчиков на первых порах лишь пополняют собою ряды белых социал-демократов. Рабочие массы безусловно красны по своему настроению, даже в тех случаях, когда они поддаются обману своих „вождей" — социал-патриотов, как это было на последних выборах. К сожалению, пролетариат сейчас совершенно терроризован. В деревнях и маленьких городах, где почти все жители знают друг друга, всякое радикальное выступление отдельных лиц сопряжено с опасностью для жизни: достаточно человеку только прослыть „большевиком" для того, чтобы любой охранник считал себя вправе открыто угрожать ему расстрелом без суда и следствия. Все это с одной стороны заставляет рабочих соблюдать крайнюю осторожность, с другой—вызывает в них полное равнодушие к легальной деятельности, представляющейся им совершенно бесполезной. Есть не мало рабочих, решительно революционных по настроению, которые потеряли всякую охоту к участию в легальной партийной работе. Но имеется и много других, столь же революционных рабочих, состоящих членами в социалдемократической партии и все еще с полным равнодушием относящихся к тому, что подавляющее большинство активных ответственных деятелей партии и ее парламентских представителей принадлежит к числу контр-революционных социал-демократов, и это не потому, чтобы они одобряли контр-революционную политику социал-демократии, но они просто не хотят верить тому, что доверенные лица партии могут на деле быть контр-революционерами; они склонны об'яснять и оправдывать эту политику тактической осторожностью, думая, что при существующих сейчас условиях она „все же лучше, чем ничего": пусть даже, она не приносит пользы, но зато она ведь не приносит и вреда. Здесь сказывается недостаточная теоретическая подготовка рабочего класса Финляндии. Большинство вождей социал-демократической партии принадлежит к числу людей, лишь в прошлом году вынырнувших из недр самой черной реакции: они воспользовались моментом, воспользовались тем, что во многих местах почти все лучшие борцы старого рабочего движения были убиты или заключены в тюрьмы, либо бежали в Россию или в Швецию. Самые трусливые и консервативные элементы, выступавшие против большевизма, получили в то время свободу действия, которую они и использовали для того, чтобы обеспечить себе руководящее положение в рабочем движении. Все это социал-предатели, Шейдемановцы, от'явленные контр-революционеры, которым до сих пор не представлялось только случая к тому, чтобы на деле проявить во всю свои контр-революционные наклонности. Рабочий класс пока еще не ознакомился вполне с истинной природой этих господ. Характерно однако, что всюду, где является возможность открытой агитации против этих волков в овечьей шкуре, рабочие очень скоро начинают покидать их целыми толпами.

Аргументация социал-предателей сводится, большей частью, к тому, что они пророчат новое поражение рабочему классу и кричат о несокрушимой силе контр-революционного оружия. Эффект этой аргументации мало по малу, однако, тускнеет, — в особенности под влиянием успехов пролетарского революционного движения заграницей. Социал-предательское направление не может

теперь уже надеяться на длительный приток новых приверженцев. Имеются в Финляндии и свои „независимые", но самостоятельной группы, по немецкому образцу, они не составляют. Так называемые Каутскианцы действуют рука об руку с социал-демократами ревизионистского толка. С левыми из них у нас теперь установился контакт.

В том случае, если бы пролетарское революционное движение в Европе в ближайшем будущем пошло на убыль, партийная группировка в Финляндии, по всей вероятности, сложилась бы приблизительно так же, как в нынешней Германии. Но пока советская власть в России будет держаться,—а за то, что это так и будет, говорит сейчас все—пока в Германии победа пролетариата будет с каждым днем становиться несомненнее, пока Англия будет шаг за шагом приближаться к революции (которая, быть может, сначала выльется лишь в форму полубуржуазного переворота),—до тех пор революционное движение в Финляндии будет развиваться все успешнее. Теперь уже наблюдается в рабочей среде довольно сильное течение против социал-предателей, и все определеннее ставится вопрос: за или против пролетарской революции. И хотя социал-предатели разными махинациями в собраниях и газетах и обеспечили себе победу на партийном с'езде (состоявшемся 7-го декабря), можно с уверенностью сказать, что рабочие массы за ними не пойдут. Союз молодежи на своем сентябрьском с'езде принял радикальную резолюцию, и в его органе ведется революционная марксистская пропаганда; в органах союза были опубликованы некоторые коммунистические резолюции, перепечатанные из „Коммунистического Интернационала". Эта агитация не остается без влияния и на некоторые мелко-буржуазные слои, на лучшие элементы интеллигенции. Каждая победа русской Красной Армии непосредственно воспринимается здесь как новый шаг к освобождению, так же как и каждый успех пролетарской классовой борьбы в Германии, Англии и других странах.

На примере маленькой Финляндии во многих отношениях можно убедиться в том, какой лицемерной утопией является буржуазная демократия. Государственные финансы находятся в полном упадке, и нашим правителям приходится пускать в ход всю свою ловкость, чтобы избежать банкротства. Правители эти мечтают о военной авантюре, которая окончательно разорит их руки. В этом отношении все различие между сторонниками Стольберга и приверженцами Маннергейма заключается лишь в том, что приверженцы „демократического" профессора несколько осторожнее приверженцев белого генерала.

Просим передать наш привет товарищам Ленину, Зиновьеву, Бухарину и всем русским товарищам, за героической борьбой которых мы следим с восхищением.

Привет всем вам, товарищи. Победа будет за нами

Солдат Революции.

ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ОБРАЩЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЕНГЕРСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КО ВСЕМ ПРОЛЕТАРИЯМ ФРАНЦИИ.

Дорогие товарищи!

После разгрома 1-го августа, явившегося исключительно лишь следствием военного давления Антанты, венгерская коммунистическая партия снова сорганизовалась и возобновила свою деятельность. Самая неотложная ее задача — это оказание помощи венгерским товарищам, попавшим в руки контрреволюционных палачей. К несчастью, большинство этих товарищей пали уже от руки убийц. В Трансданубии целые леса виселиц отмечают путь, пройденный „национальной и христианской" армией адмирала Хорти. Благородные господа офицеры повесили „по ошибке" сотни невинных, невиновность которых установлена даже протоколами военных судов. В Кескемете отрыли недавно 120 изуродованных трупов таких жертв. Непричастность этих людей к коммунистическому движению была настолько очевидна, что даже официальный доклад вынужден был назвать эту гекатомбу простым убийством. Отряд национальной армии силой забрал всех заподозренных и увел их в ближний лес; здесь, после напутствия священником, заранее приглашенным для этого мрачного обряда, дворяне-офицеры зарубили их топорами, и они были похоронены тут же, на месте убийства.

Лишь после того, как несколько кое-как зарытых трупов были найдены крестьянами и опознаны родными, и после того, как общественное мнение настойчиво потребовало немедленного расследования этого дела, правительство отдало приказ произвести запоздалое судебное расследование. Но это кошмарное дело все же вызвало в широких кругах общества не особенно благосклонное отношение к подобным подвигам белогвардейцев. И вот, венгерское правительство придумало другой по виду менее гнусный, но не менее верный способ уничтожения опасных элементов, угрожающих господству капиталистов и помещиков. Посредством пыток и подкупов были собраны свидетельские показания, послужившие основанием для целого ряда политических процессов; двадцать три таких процесса кончились смертными приговорами; четырнадцать смертных приговоров были приведены в исполнение через два дня после их об'явления. Жизнь девяти остальных товарищей будет продлена еще на одну неделю, благодаря счастливой случайности: палачи христиане не казнят своих жертв во время Рождества. И вот, чтобы спасти наших несчастных товарищей, мы обращаемся к вам во имя мировой солидарности пролетариата. Мы просим французских товарищей протестовать всеми способами перед своим правительством против этих легальных и нелегальных убийств.

Но и помимо прямых убийств, венгерские суды проявили необычайную жестокость ко всем товарищам, занимавшим во время Коммуны какие-либо официальные должности: все такие товарищи приговорены к тюремному заключению на неслыханно долгие сроки. Но и этого показалось мало нашим палачам. Венгерское правительство решило интернировать всех тех, кого даже при содействии свидетелей, замученных или подкупленных белой инквизицией, оказалось невозможным обвинить в каком-либо преступлении, и кого оно подозревало в сочувствии социалистам, коммунистам или даже радикалам. Их решили интернировать в Хаймашкерском военном лагере, служившем во время войны изоляционным центром для заразных больных. В этом то лагере и заперли тысячи людей, не только не совершивших никакого преступления, но даже ни в чем не обвиняемых. Их заперли вместе с их женами и детьми, осудив простым министерским приказом на рабство, в сравнении с которым бледнеет та участь, на которую обрекались рабы в самые худшие времена варварства.

Эти зверства, однако, еще не утолили ненависти палачей белого террора. Они неустанно прилагают все старания к тому, чтобы захватить в свои руки тех из наших товарищей, которым удалось обезопасить себя от их посягательств и которые нашли себе жалкий приют под охраной австрийского правительства. Просьбы о выдаче, до сих пор тщетные, к сожалению, очень часто сопровождались удачными покушениями на наших товарищей. Семеро из них были насильно увезены из Австрии агентами контр-революции. Трупы трех других (в числе их был молодой, чрезвычайно талантливый пролетарский поэт) найдены в лесу, у большой дороги между Веной и Будапештом; еще четверо находятся также в руках будапештских палачей. А несколько дней тому назад,

в окрестностях Карлштейна, где интернированы венгерские коммунисты, были арестованы трое субъектов, которые на допросе сознались в том, что они состоят на жаловании у теперешнего венгерского правительства и присланы в Австрию для организации вооруженного похищения Бела Куна.

Все это делает положение стоящих сейчас у власти социал-демократов далеко не завидным. Участвуя в коалиции с мелкобуржуазными и реакционными элементами, они лишены возможности принимать необходимые решительные меры против наглости венгерской контр-революции. Австрийская коммунистическая партия в настоящее время слишком слаба для того, чтоб иметь сколько нибудь значительное влияние на ход событий в Венгрии, а между тем от этого хода событий в весьма существенной степени зависит развитие пролетарского движения на всем востоке Европы.

Поэтому священный долг мирового пролетариата — всей своей силой поддержать — слишком слабое — к сожалению, противодействие австрийских социал-демократов планам о выдаче Бела Куна и других товарищей, политике убийств, арестов, интернирований и всяких гнусных махинаций белых палачей Будапешта и Вены.

Австрийская социалистическая партия выпустила недавно манифест с протестом против белого террора в Венгрии. Хотя мы не согласны ни с общим тоном, ни с исходными положениями этого манифеста, мы убедительно просим товарищей стран Антанты поддержать это выступление и со своей стороны притти на помощь потерпевшему неудачу авангарду мировой пролетарской революции, спасти то, что еще может быть спасено, и всеми доступными им способами протестовать против истребления всей сознательной части венгерского пролетариата. Допустить гибель таких людей, как Отто Корвин — это значит лишить международный пролетариат самых чистых и самых героических его защитников.

Товарищ Отто Корвин принадлежит к тем приговоренным к смертной казни, которые еще не казнены, и жизнь его может быть спасена лишь немедленным энергическим вмешательством пролетариев стран Антанты.

II.

В первом нашем письме, которое, надеемся, дошло до вас — мы описывали ту обстановку в которой приходится сейчас работать венгерским коммунистам.

Эксцессы белого террора все еще продолжаются. Товарищ Отто Корвин и восемь других приговоренных товарищей казнены. Ряд политических процессов продолжается, и можно опасаться, что все, кто играл или мог бы играть крупную роль в венгерском рабочем движении, будут убиты палачами.

Только пролетарии всех стран, в особенности стран Антанты, могут остановить эти избиения, заставив свои правительства сделать соответствующие представления в Будапеште или же дав своими выступлениями почувствовать будапештским палачам весь ужас и негодование, вызываемые их гнусностями в массах.

Протест Лонгэ и его товарищей был слишком слаб.

Тут нужно не обращение к чувствам гуманности и справедливости, — Будапештское правительство не постесняется заявить, что его приговоры вполне гуманны и справедливы — а решительный протест против всех смертных приговоров, против всех легальных и нелегальных убийств, совершаемых в Венгрии.

В январе наступающего года венгерская мирная делегация отправляется в Париж. Если французские товарищи встретят этих убийц достойной демонстрацией, тогда, может быть, удастся спасти сотни, если не тысячи товарищей, принадлежащих к авангарду венгерского пролетариата.

Мы просим французских товарищей ознакомить с содержанием этого письма английских товарищей, с которыми мы не имеем непосредственных связей. При настоящем положении дел в Венгрии, вмешательство английского пролетариата, его выступления и протесты могут оказать решающее действие.

Центральный Комитет Венгерской Коммунистической Партии.

Ответ Ц. К. Британской Социалистической Партии на обращение Германской Независимой Социал-демократической Партии.

Как известно, на Лейпцигском с'езде Германской Независимой Соц.-дем. Партии было постановлено обратиться к различным революционным группам и партиям с предложением принять участие совместно с представителями III-го Интернационала в конференции для обсуждения вопроса об основании нового Интернационала. Вот как ответил независимцам на это предложение Центральный Комитет Британской Социалистической Партии:

Дорогой товарищ!

Центральный Комитет Британской Социалистической Партии (B. S. P.) поручил мне поблагодарить Вас за Ваше письмо от 15-го декабря и приложенные к нему экземпляры Вашей новой программы. В ответ на Ваше приглашение принять участие в конференции, созываемой из представителей Третьего Интернационала и других революционных партий, я от имени партии должен заявить Вам, что по мнению Б. С. П., Третий Интернационал и сейчас уже включает в себя все партии и действительно революционные группы международного социалистического движения. И сама Б. С. П. состоит членом Третьего Интернационала, так же как и другие лево-социалистические группы Англии, с которыми мы надеемся в ближайшем будущем об'единиться в одну коммунистическую партию; и по нашему мнению, партии и группы, еще колеблющиеся присоединиться к Третьему Интернационалу, либо являются контр-революционными, либо не имеют достаточно мужества для того, чтобы открыто отстаивать свои социалистические убеждения. Поэтому Б. С. П. вынуждена отказаться от участия в задуманной Вами конференции, и мы позволим себе посоветовать Вам поступить согласно оговорке, имеющейся в конце Вашей новой программы, где сказано, что Вы присоединитесь к Третьему Интернационалу в том случае, если конференция, в которой Вы нас приглашаете принять участие, не состоится.

С братским приветом от имени Центрального Комитета Британской Социалистической Партии

Секретарь
Альберт ИНКПИН.

ОБРАЩЕНИЕ МЮЗАМА К КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Журнал „Neue Jugend" (Новая Молодежь) перепечатала на своих столбцах заявление, которое Эрих Мюзам разослал органам немецкой коммунистической прессы. Редакция журнала предпосылает этому заявлению следующее введение:

„Ниже мы перепечатываем заявление Эриха Мюзама, которое было помещено в органах немецкой коммунистической прессы. Мюзам — один из самых известных литературных вождей немецкого анархизма: вместе с Ландауэром он принимал видное участие в советской революции в Мюнхене. В настоящее время он, так же как и Тони Вейнбулль, томится в Аусбахской тюрьме Некоторое время тому назад стало известно, что оба они, вместе со всеми другими заключенными, об'явили голодовку в знак протеста против дурного обращения. В подобных явлениях, как известно, выражается благодетельность германской „революции". Вступление Мюзама в коммунистическую партию — явление вполне аналогичное переходу голландских „Фрейшэрлеров" („свободные партизаны" — так называют себя представители евангелически-революционного движения в Голландии) в лагерь коммунистов. Всюду мы видим одно и тоже: как все революционные отряды, несмотря на различия в „миросозерцании", сплачиваются, образуя один общий боевой фронт против буржуазии и оппортунизма".

Мюзам пишет:

„Вот уже 20 лет я признаю принципы и тезисы революционного анархизма. Еще задолго до мировой войны и мировой революции я в области политики вел борьбу за подготовку социальной революции путем непосредственного действия, главным поборником которого был Михаил Бакунин. Мои нападки на марксизм, истолкователем которого являлся Каутский, направлялись, главным образом, против участия пролетариата в парламентской работе, против оппортунистского отношения к капиталистическому обществу и принципиального сотрудничества с буржуазией, которое характеризовало социал-демократическую политику втечение нескольких десятилетий. Я и друзья мои предупреждали о том, что рабочее движение погрязнет в болоте парламентской болтовни, погони за новыми ставками и профессионально-союзного бюрократизма. Мы отказывались поддерживать филистерские социал-демократические организации и, подвергаясь преследованиям со стороны властей и насмешкам со стороны разоблачаемых нами „рабочих вождей", стремились к освобождению от ига государства при помощи экономических средств борьбы, бывших в распоряжении пролетариата.

Опыт революции открыл большинству эксплуатируемого класса глаза на лживую политику социал-демократии, последствия которой с особенной яркостью проявились в той изменнической позиции, которую заняли официальные представители социал-демократической партии во время войны. Все, что большевики совершили в России, и их беспримерные во всемирной истории революций успехи доказали, что правы были те, кто видел спасение мирового пролетариата в переходе законодательной и исполнительной власти в руки самих трудящихся масс. Теоретические и практические тезисы Ленина о проведении в жизнь революции и об осуществлении коммунистических задач пролетариата создали новую почву, придали борьбе за освобождение от капитализма новую форму. Его теоретические положения — я намерен привести доказательства этого в особой брошюре — послужили тем мостом, на котором теперь могли встретиться последователи освобожденного от Каутского и Бернштейна Маркса с последователями Бакунина; ибо отныне для об'единения всего истинно-революционного пролетариата нет больше непреодолимых препятствий.

Анархистам-Коммунистам пришлось, правда, уступить в важнейшем пункте разногласий между обоими главными течениями социализма: им пришлось отказаться от отрицательного отношения Бакунина к диктатуре пролетариата и согласиться в этом вопросе с Марксом. Я лично с самого начала революции понял, что диктатура пролетариата является необходимым средством для завоевания власти, и согласно с этим вел свою пропагандистскую работу. Другой пункт разногласий: вопрос о централистической или федеральной организации, благодаря гениальному разрешению его Лениным посредством системы Советов,—был превращен в пустой спор о словах. Когда в Германии организовалась коммунистическая партия, я обратился к ней с предложением о сотрудничестве на совершенно товарищеских началах, не раз выступал с речами на собраниях партии и, хотя я непосредственно и не агитировал за вступление в нее, я способствовал тому, что в Мюнхене и его окрестностях несколько тысяч новых членов вступило в партию. Сам войти в партию—тогда я еще не мог решиться, так как, во первых, я до того никогда не был членом какой бы то ни было партии, а во вторых, я не хотел отречься от своего анархистского прошлого.

Ход революции, ее временное подавление об'единенными силами милитаризма, капитализма, социал-патриотизма и контр-революции привели меня теперь к другому решению: отныне я вступаю в германскую коммунистическую партию.

Об'единение всего революционного пролетариата необходимо и не должно быть откладываемо. Единственная организация, которая может осуществить это об'единение,—это германская коммунистическая партия. Я надеюсь, что товарищи-анархисты, поскольку они в коммунизме видят основу справедливого общественного строя, последуют моему примеру. Преодоление государства во всех его формах—является целью стремлении Ленина так же, как и нашей целью. Никому из нас не приходится поэтому поступаться своими убеждениями. Надеюсь, что товарищи из германской коммунистической партии не откажутся принять в свою среду меня и моих товарищей. Да здравствует мировая революция! Да здравствует Третий Интернационал!

Эрих МЮЗАМ.

Аусбахская крепость сентябрь 1919 г.

ЭРИХ МЮЗАМ

ВОЗЗВАНИЕ К РАБОЧИМ КОЖЕВЕННОГО ТРУДА ВСЕХ СТРАН.

К вам, пролетарии кожевенного труда всех стран, обращаются с горячим призывом русские рабочие кожевенники, сапожники, шорники и др., об'единенные в единый мощный Всероссийский Союз Рабочих и Служащих Кожевенного Производства.

При невероятно тяжелых условиях приходится жить и бороться за торжество социалистических начал русскому рабочему. Голод, холод, промышленная разруха, хроническая разруха транспорта — вот наследство старого режима и результат той хищнической политики удушения советской России, которую ведут буржуазные правители ваших стран.

Об'единенные в общий союз хищники империализма не перестают терзать нашу страну, впервые посмевшую поднять знамя социалистической революции, и стремятся путем экономической блокады, поддержки белогвардейских правительств окраинных государств и внутренних контр-революционных сил нанести смертельный удар завоеваниям революции.

Но вы, пролетарии всех стран, наши друзья, и от вас ждем мы помощи. Только ваша поддержка спасет нас от голода, холода и окончательной гибели. В целях согласования своих действий в совместной борьбе за освобождение труда и установления единства в принципах и тактике в профессиональном движении всех стран, Всероссийская Конференция рабочих и служащих, занятых во всех отраслях кожевенного производства, открывшаяся 20-го января с. г. постановила: созвать на 1-ое апреля с. г. Международный С'езд рабочих кожевенного труда в Москве, и приглашает ваших представителей на него.

В целях же ознакомления вас с жизнью русских рабочих, а также с основными принципами и состоянием нашего профессионального движения, мы шлем к вам наших двух представителей, тт. Юзефовича и Морозова.

Требуйте от своих правительств пропуска наших делегатов в ваши страны, готовьтесь к Международному С'езду рабочих всех отраслей кожевенной промышленности.

Да здравствует международный союз рабочих кожевенного производства!

Да здравствует грядущая победа международного пролетариата!

Президиум Всероссийских Профессиональных Организаций Рабочих и Служащих Кожевенного Производства.

И. Юзефович, И. Лобковский, И. Морозов.

АГРАРНАЯ ПРОГРАММА ГЕРМАНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

(СОЮЗА „СПАРТАК").

I.

Огромные разрушения, вызванные мировой войной в экономической области, подорвали основы капиталистического хозяйства Германии. В адском огне войны расплавился весь механизм производства. Были израсходованы запасы рабочей силы, машин, сырья и других материалов, необходимых для производства, сократилась также и денежная наличность. А по мере того, как уничтожались ценности, предназначенные для потребления, все возрастала сумма военных долгов, и вместе с тем все увеличивались притязания класса капиталистов на продукты труда. В той же мере росла и анархия производства: капитал, историческая роль которого заключалась в самом широком развитии производительных сил человеческого общества, выродился в настоящего паразита на теле общественного труда и превратился в разрушительную и дезорганизующую силу. Его смертный час пробил. Пролетариат призван выполнить приговор истории, под грозой гибели всего производства.

Военный разгром германского империализма на полях битв во Франции послужил поводом для начала того решительного столкновения, которое уже давно подготовлялось в недрах общества. Прелюдией его явилась революция 9-го ноября. Но эта революция, хотя она и была произведена уставшими от войны и обманутыми в своих надеждах солдатами и рабочими, все же оставила нетронутыми основы капиталистического хозяйства. Она коснулась только внешних государственных форм. Она превратила монархическое милитаристское государство в буржуазную республику, под фирмой предателей социализма.

Политическая форма господства капитала была поверхностно реформирована поверхностными преобразованиями; под нее подведен был новый фундамент. Но эта политическая революция стала в тоже время исходным пунктом для решающей борьбы между капиталом и трудом, проявившейся в целом ряде крупных забастовок и вооруженных восстаний, которые ураганом пронеслись по всей Германии и результатом которых может быть только свержение власти капитала. Промышленный пролетариат шел во главе восстания наемного труда против капитала. За ним последовали рабочие и служащие торгового и финансового капитала.

Ясно, что разрешение конфликта между капиталом и трудом не может ограничиться пределами одних только городов. Власть капитала ложится на сельский пролетариат еще более тяжелым бременем, чем на городской. Ее крушение грозит гибелью и мелкому крестьянству.

Борьба деревенского пролетариата и мелкого крестьянства против капитала сильно затрудняется распыленностью на местах и деревенскою обособленностью. Эти препятствия могут быть устранены лишь путем самого тесного сотрудничества с городским пролетариатом.

В крупных предприятиях сельского хозяйства сам капитал дал уже прообраз социалистического производства. Необходимо только разрушить рамки частной собственности, обобществить землю и орудия производства и установить тесное сотрудничество с социализированной промышленностью и торговлей для того, чтобы социалистические методы труда получили возможность развиваться и в сельском хозяйстве. Мелкое крестьянство и крупное землевладение, эксплуатируемое в форме отдельных мелко-крестьянских хозяйств, страдают под гнетом

капиталистической хозяйственной системы не менее, чем деревенский пролетариат. Но в этой мелко-хозяйственной форме производства еще отсутствуют зачатки социалистической хозяйственной системы. Насильственно ввести эту систему невозможно. Буржуазный хозяйственный строй, путем многовекового насильственного процесса, разрушил основы мелкого крестьянского землевладения. Вследствие этого, мелкий крестьянский собственник низвергается в ряды пролетариата или же вынуждается вести двойственный образ жизни фабричного рабочего и деревенского пролетария. Он оторвался от земли и своих орудий производства и попадает под власть крупного землевладельца или предпринимателя-промышленника. Мелкие собственники-крестьяне массами превращались в деревенских батраков и фабричных рабочих; или же их земельный участок до такой степени урезывался и обременялся долгами, что земельная собственность, как путы на ногах, связывала его свободу и ставила его в самую тяжелую зависимость от крупного землевладения и промышленного капитала.

Напротив того, отношение ставшего у власти рабочего класса к мелкому крестьянину может выражаться лишь в поддержке и воспитании его, с целью помочь ему встать на путь, ведущий к социализму. Задача заключается при этом в том, чтобы всесторонней помощью со стороны социализированной промышленности и торговли облегчить положение мелкого крестьянства, как такового; в том, чтобы освободить мелкого крестьянина от опекающего его бюрократически-канцелярского строя и указать ему путь к самостоятельному ведению своих дел; в том, наконец, чтобы развить зачатки мелко-крестьянской кооперации при деятельном содействии пролетарского государства, дабы мелкий крестьянин постепенно переходил к общественному производству в крупном масштабе. С целью освобождения сельского пролетариата и мелкого крестьянства от эксплуатации капитала и с целью установления социалистического производства в сельском хозяйстве, коммунистическая партия выставляет следующие требования:

II

Крупными предприятиями в сельском хозяйстве являются такие предприятия, которые постоянно применяют наемную чужую рабочую силу, с целью получения капиталистической прибыли. Мелкими сельскими хозяйствами являются те хозяйства, которые либо совершенно не пользуются чужой рабочей силой, либо пользуются ею так, что рабочие и по своему образу жизни и по характеру работы являются участниками домашнего хозяйства наравне с хозяевами и членами их семьи.

III.

Всякое крупное землевладение, эксплуатируемое в виде крупного предприятия, отчуждается социалистическим государством вместе с живым и мертвым инвентарем, принадлежащими к нему промышленными предприятиями и оборотным капиталом,—без всякого вознаграждения. Оно становится достоянием социалистического общества.

IV.

Все существовавшие доныне сеньориальные права и патронаты (права охоты и рыбной ловли, свобода от податных повинностей, полицейские права и т. д.) так же, как и все права по фиденкомиссам, отменяются без всякого вознаграждения.

V.

В каждом крупном сельско-хозяйственном предприятии постоянно занятые в нем сельско-хозяйственные рабочие, служащие и занимающиеся домашним хозяйством члены семейств образуют совет имения.

VI.

Совет имений берет на себя его эксплуатацию на товарищеских началах под руководством одного общего центра для всех крупных сельско-хозяйственных предприятий.

VII.

Совет имения берет на себя в рамках, устанавливаемых общим центром, выполнение следующих функций:

1) прием и увольнение работников;
2) установление продолжительности рабочего дня и высоты заработной платы;
3) установление способа обработки и использования занятой под сельское хозяйство площади и высшее управление всеми промышленными предприятиями, связанными с имением;
4) сдачу излишков сельско-хозяйственных продуктов, остающихся после удовлетворения потребностей имения;
5) определение количества потребных для имения сельско-хозяйственных средств производства, которых оно само не производит (семена, рабочий, молочный и племенной скот, сельско-хозяйственные машины и орудия, удобрительные вещества, корм, подсобные химические вещества, строительные материалы и т. д.);
6) установление и распределение необходимых для частного потребления фабрикатов и торговых товаров (съестных припасов, одежды, домашней утвари и предметов обстановки, а также произведений литературы и искусства).

Норма сельско-хозяйственных и фабричных продуктов, производимых в самом имении и необходимых для удовлетворения личных потребностей товарищей-членов данного хозяйства, устанавливается центром.

Излишки этих продуктов сдаются в местные складочные пункты, которые заботятся также о снабжении имений сельско-хозяйственными продуктами, фабричными изделиями и покупными товарами.

VIII.

Сданные излишки продуктов имения записываются на особый счет товарищества имения.

Финансирование имения возлагается на центральные банки.

IX.

Леса и охота находятся в ведении лесных рабочих и служащих, подчиненных единому центральному управлению, об'единенных в товарищеские союзы, и, кроме того, также организованных в Советы.

X.

Пользование лесными участками, раньше составлявшими собственность крестьянских общин, остается за последними в пределах их местных нужд. Управление ими сосредоточивается в центрах так же, как и управление всеми другими лесными участками.

XI.

Заведывание водными путями об'единяется в пределах каждой речной системы.

XII.

В периоды особенно усиленной срочной работы в сельско-хозяйственных предприятиях (посев, жатва) образуются сельско-хозяйственные рабочие отряды, распределяемые по местам из одного центра.

XIII.

Чтобы облегчить приток работников в сельские хозяйства в страдное время, необходимо, чтобы и промышленные рабочие с молодых лет приучались к элементарным видам сельско-хозяйственного труда.

С другой стороны, необходимо, чтобы и постоянные сельско-хозяйственные работники обучались элементам сельско-хозяйственной и фабричной техники в интересах технического развития самого производства, а также для того, чтобы облегчить работникам, которым впоследствии не придется работать в сельском хозяйстве, возможность безболезненного перехода к фабричному труду.

XIV.

Обучение, снабжение учебными пособиями и содержание учащихся, как в общих, так и в технических и сельско-хозяйственных школах, производится бесплатно.

XV.

Государство снабжает советы имений необходимыми средствами и рабочей силой для производства крупных культурных сельско-хозяйственных работ (поднятие почв, орошение, осушка болот и т. п., очистка полей, постройка дорог, опытное животноводство и растениеводство).

XVI.

Крупное землевладение, поскольку оно не эксплуатируется в виде крупного предприятия, а разбито на небольшие, сдаваемые в аренду участки, отчуждается также, как и крупные хозяйства, без всякого выкупа. Такие земельные участки, эксплуатируемые в виде мелких хозяйств, передаются впредь для пользования и обработки местным советам сельско-хозяйственных рабочих и мелких крестьян данного хозяйственного района. Этим советам надлежит устанавливать для каждого участка способ его использования и обработки с соблюдением интересов обрабатывавших его до сих пор мелких крестьян.

XVII.

Земли, принадлежащие государству, поскольку они не разбиты на мелкие арендные участки, должны служить образцовыми и опытными хозяйствами и находиться под непосредственным управлением областного или общегосударственного центра. При них устраиваются специальные или высшие сельско-хозяйственные школы.

XVIII.

Государство должно стремиться к устранению культурного антагонизма между городом и деревней, открыв деревне свободный доступ ко всем благам городской культуры посредством постройки густой сети железных дорог скорого сообщения и других путей, а также — в интересах самого производства, — путем широкого снабжения деревни электрической силой, газом, и т. д., и, наконец, путем планомерного об'единения крупных сельско-хозяйственных и промышленных предприятий.

Мелкое Крестьянское Хозяйство.

XIX.

Право собственности мелкого крестьянина на принадлежащую ему землю и на средства производства остается неприкосновенным. Обрабатывавшаяся им до сих пор земля предоставляется бесплатно в его полное распоряжение.

XX.

Мелкие крестьяне ведают сами свои хозяйственные и административные дела посредством своей собственной советской организации.

Эта форма самоуправления должна заменить собою бюрократическую опеку капиталистического государства.

XXI.

Все работающие в мелких крестьянских хозяйствах, включая и занятых в домашнем хозяйстве женских членов семьи, об'единяются в местные советы мелких крестьян.

В этих советах участвуют и живущие в деревнях мелкие ремесленники и торговцы, не эксплуатирующие чужого труда.

Местные советы мелких крестьян об'единяются в свою очередь с советами имений, принадлежащими к данной волости („марке") и с рабочими, постоянно проживающими в деревне, — в общие деревенские советы.

Ведению советов мелких крестьян подлежат общие хозяйственные дела всех мелких крестьян. Деревенские советы ведают общими хозяйственными делами и общинным управлением деревни.

XXII.

Советы мелких крестьян приобретают на общие средства удобрение, кормовые вещества, семена, племенной скот, сельско-хозяйственные орудия, машины и продовольственные продукты всякого рода.

Вместе с местными советами имений и рабочими советами, они контролируют сдачу в местные складочные пункты имеющихся у них излишков сельско-хозяйственных продуктов.

XXIII.

Социалистически организованная промышленность снабжает мелких крестьян всеми необходимыми фабрикатами. Она содействует товарищескому об'единению мелких хозяйств путем устройства густой электрической силовой сети, путем предоставления в их общее пользование необходимых машин и строений, путем развития существующих сельско-хозяйственных кооперативных обществ, путем распространения профессионального образования, бесплатного предоставления специалистов, технических пособий и т. д.

XXIV.

Переходную ступень к крупному сельскому хозяйству, организованному на товарищеских началах, образует соединение мелких хозяйств данной волости („марки") в одно крупное предприятие — хозяйственное волостное товарищество, сообща управляемое всеми участниками его.

Волостное товарищество образуется по свободному соглашению мелких крестьян, постоянно проживающих в данной волости.

Основание волостного товарищества может быть положено свободным союзом любого числа мелких крестьян, об'единяющихся для совместной обработки земли.

XXV.

Волостные товарищества так же, как и мелкие деревенские товарищества, поддерживаются социалистической промышленностью путем сооружения для всей волости общественных амбаров, конюшен и других построек, путем снабжения землемерами, техниками, специалистами по сельскому хозяйству, путем присылки отрядов рабочих в период посева и жатвы и путем обеспечения инвентарем и оборотным капиталом.

XXVI.

Обучение в школах, — как общих, так и специальных, — снабжение учебными пособиями и содержание учащихся во все время учения производится бесплатно.

XXVII.

Всем школам, как в городе, так и в деревне, должны быть предоставлены достаточного размера участки земли для практического обучения учеников главным отраслям сельско-хозяйственного труда.

XXVIII.

Ипотеки на землю переходят к государству. Они не могут быть прекращены по воле владельцев. Ипотеки могут быть погашены государством.

Хозяйственная и политическая организация советов имений, советов мелких крестьян и деревенских советов.

XXIX.

Местные советы имений, советы мелких крестьян и деревенские советы об'единяются сначала по хозяйственным округам, а затем и на всей территории государства.

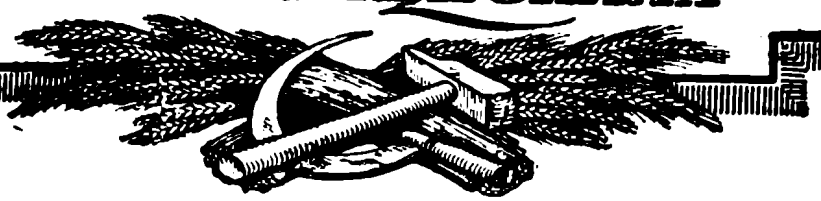
Каждая из этих советских организаций избирает из своей среды исполнительный комитет, который ведает текущие дела под контролем советов и имеет право оптировать специалистов. Высшим органом представительства для сельского хозяйства служит центральный с'езд советов сельско-хозяйственных рабочих и мелких крестьян. Этот с'езд избирает из своей среды, в качестве исполнительного органа, центральный сельско-хозяйственный совет. Последний входит в состав центрального ведомства народного хозяйства и, совместно с ним, устанавливает общие положения для сельского хозяйства.

XXX.

Деревенские общины управляются деревенскими советами. Текущими делами ведает исполнительный комитет деревенского совета.

Члены Исполнительного Комитета, равно как и члены деревенского совета, могут быть отозваны во всякое время своими избирателями. Деревенские советы посылают своих делегатов в уездные рабочие и крестьянские советы, а последние — в окружные рабочие и крестьянские советы и т. д., и эти советы, совместно с прочими советами, осуществляют политическую власть в своей области.

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА



ОБРАЩЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА К СОЮЗУ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ РАБОЧИХ МИРА.

Товарищи!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, заседающий в Москве, сердце революции, приветствует революционный пролетариат Америки, в лице „Союза Индустриальных рабочих мира" (I. W. W.).

Дезорганизованный мировой войной капитализм не в состоянии уже больше сдерживать вызванные им же к жизни могучие силы — и приближается к своему крушению.

Час рабочего класса пробил. Социальная революция началась, и здесь, на Российской равнине, уже сражаются передовые борцы ее.

История не спрашивает о том, хотим ли мы революции, или нет,—подготовлены ли мы к ней, или нет. Сейчас наступил благоприятный момент. Воспользуйтесь им—и весь мир будет в руках трудящихся; если же вы его упустите, то, может быть, пройдет еще целый век, пока он снова наступит.

Теперь не время для разговоров о „создании нового общества в оболочке старого". Старое общество разрывает свою оболочку. Рабочие должны установить диктатуру пролетариата, которая одна только способна создать новое общество.

Автор одной помещенной в вашем официальном органе „One Big Union Monthly" статьи ставит вопрос: „следует ли нам итти за большевиками?". По его мнению, единственным результатом большевистской революции в России было „предоставление русскому народу избирательных прав".

Это, безусловно неверно. Большевистская революция отняла у капиталистов фабрики, заводы, рудники, землю и банки и передала их в руки всего класса трудящихся.

Мы понимаем и вполне разделяем ваше отвращение к принципам и к тактике желтых социалистов, которые во всех странах мира дискредитировали самое имя социализма. Наша цель та же, что и ваша—общество без государства, без правительства, без классов, общество, в котором рабочие сами будут распоряжаться средствами производства и распределения в интересах всего народа.

Мы обращаемся с настоящим письмом к вам, товарищи рабочие из союза И. Р. М., так как мы знаем о вашем многолетнем, героическом участии в классовой борьбе. В этой борьбе вы всегда подвергались первым, самым жестоким ударам, и поэтому вам должны быть понятны принципы и программа коммунистов.

Мы призываем вас, как революционеров, примкнуть к Коммунистическому Интернационалу, зародившемуся на заре мировой революции.

Мы зовем вас занять место, на которое вам дает право ваш героизм и революционный опыт:— это место—в первых рядах пролетарской красной армии, сражающейся под знаменем коммунизма...

Коммунизм и „Индустриальные рабочие мира". (I. W. W.)

Американский капитализм обнаруживает свою истинную сущность.

Беспрерывно растущая дороговизна, все усиливающаяся безработица, беспощадное подавление всякой попытки рабочих к улучшению своего положения, высылки и аресты „большевиков", ряд законов против стачек, против „преступных синдикалистов", против красного флага", „закон о пропаганде насильственного ниспровержения государственного строя и противозаконного уничтожения собственности", — смысл всех этих мер слишком ясен для всякого сознательного рабочего.

Промышленное рабство так же старо, как и сам капитализм, а до него существовали другие формы рабства.

Но теперь капиталисты всего мира — американские точно так же, как и французские, итальянские, английские, немецкие и пр. — обдумывают план нового, полного и окончательного порабощения рабочего класса.

Либо рабство, либо диктатура класса трудящихся. Так ставится вопрос,—и рабочие должны сделать свой выбор сейчас же.

Капитализм делает отчаянные усилия, чтобы восстановить свое поколебленное владычество. Рабочие должны завоевать государственную власть, чтобы перестроить все общество в соответствии с своими собственными интересами.

Новое царство рабства.

В Америке, до гражданской войны негры-рабы на юге были прикреплены к земле. Промышленный капитал Севера, которому, для успешного функционирования фабрик и заводов, необходимо было свободное передвижение населения, об'явил рабство актом насилия, пережитком прошлого и не задумался уничтожить его силою. В настоящее время промышленный капитал стремится прикрепить рабочих к фабрикам.

Во всех странах во время мировой войны на деле было запрещено рабочим бастовать и вообще бросать работу. Вспомните хотя бы изданные у вас, в Америке, законы о том, что рабочий должен „или работать или воевать".

Теперь война кончилась. И что же мы видим? Цены на все продолжают возрастать, а капиталисты стремятся понизить заработную плату. И когда рабочие, под угрозой голодной смерти, вынуждены об'явить забастовку, вся сила государственной власти мобилизуется для того, чтобы заставить их вернуться к станкам. Когда рабочие железнодорожных мастерских решили забастовать, маршал Калифорнии пригрозил им, что он вызовет федеральные войска, чтобы принудить их к работе. Когда „Братства" (профессиональные союзы железнодорожников) потребовали повышения заработной платы или национализации железных дорог, президент Соединенных Штатов пригрозил им вооруженной силой. Наконец, когда организованные рудокопы бросили работу, копи были заняты многотысячным военным отрядом, и федеральный суд совершил неслыханное в истории Соед. Штатов правонарушение, воспретив официальным представителям союза рудокопов отдавать распоряжения о стачке, принимать какое бы то ни было участие в руководстве ею, выдавать бастующим рабочим стачечное пособие. Мало того, Генеральный Атторней (министр юстиции) Соед. Штатов об'явил, что правительство не позволит устройства забастовок в отраслях промышленности, „необходимых для общества".

Судья Герей, стоящий во главе стального треста, позволяет себе не исполнять требование президента, предписывающего ему вступить в переговоры с комиссией, избранной рабочими; а когда рабочие на заводах треста осмеливаются об'явить забастовку, требуя сколько-нибудь сносной заработной платы и элементарного права организации, их называют большевиками и натравляют на них пенсильванских „казаков", расстреливающих их на улицах.

И вы, товарищи-рабочие, принадлежащие к Союзу Индустриальных Рабочих Мира, вы, в памяти которых еще свежи воспоминания о событиях в Эверетте, в Тульсе, в Уитленде, в Централии, где были расстреляны тысячи ваших товарищей; вы, чьи товарищи и сейчас томятся в тюрьмах; вы, которым постоянно приходится исполнять „черную" работу на полях, в доках, в лесах,—вы должны спокойно смотреть на то, как капиталисты, пользуясь находящимся в их руках оружием государственной власти, стараются установить царство рабства.

Повсюду капиталисты вопят о необходимости повышения производительности труда. Другими словами, они хотят, чтобы рабочие производили больше за ту же, или даже меньшую, заработную плату,—с целью превратить их кровь и пот в золото для уплаты военных долгов, наделанных обанкротившимися капиталистическими правительствами.

Ради достижения этой цели рабочие должны быть лишены права бросать работу, им должны быть запрещены всякие организации, имеющие целью вынуждать уступки у предпринимателей и использовать конкуренцию между капиталистами; в виду этого же необходимо во что бы то ни стало задержать и навсегда остановить рабочее движение.

Для спасения старой системы эксплуатации капиталистам необходимо об'единиться и приковать рабочих навсегда к станкам.

Социальная революция.

Окажется ли все это под силу капиталистам?

Конечно, — если только рабочие не об'явят войну всей капиталистической системе, если они не свергнут все капиталистические правительства и не установят вместо них власти рабочего класса, которая уничтожит капиталистическую частную собственность и передаст все блага в руки всех трудящихся.

Так поступили русские рабочие, и это единственный путь для рабочих всех других стран к освобождению от промышленного рабства и переустройству мира на таких началах, чтобы рабочий получал целиком весь продукт своего труда и чтобы никто не мог эксплуатировать чужой труд.

Но если рабочие других стран не восстанут против своих капиталистов, русская революция не сможет удержать завоеванных позиций. Вполне сознавая, как опасен для них пример Советской России, капиталисты всего мира об'единились, чтобы раздавить ее. Союзники забыли свою ненависть к Германии и обратились к немецким капиталистам с приглашением принять участие в общем деле.

Рабочие всех стран начинают уже прозревать. В Италии, Германии, Франции и Англии—всюду нарастает революционная волна. И в Америке даже консервативные члены Американской Федерации Труда (A. F. of L.) начинают сознавать всю бесплодность мелких, разрозненных стачек за повышение заработной платы и улучшение условий труда, в виду неудержимо растущей дороговизны. Они предлагают всевозможные паллиативы, реформы, вроде известного „плана Племба"—имеющего в виду отстранить частных владельцев от дела управления железными дорогами,—вроде проекта национализации копей и т. д. Они основали так называемую „Рабочую Партию", отстаивающую

муниципализацию и национализацию промышленности, введение более демократической избирательной системы и т. д.

Но все эти реформы не могут окончательно разрешить задачу, даже если бы они были осуществлены. Пока будет существовать капитализм, неизбежно будет существовать и эксплуатация. Все реформы в рамках существующего строя имеют единственной целью вызвать у рабочих иллюзию, будто они эксплуатируются меньше, чем прежде.

Социальная революция началась, и в России происходят авангардные бои. Она не будет ждать, пока рабочие испробуют разные реформы. Капиталисты уже раздавили Советскую Венгрию. Если бы им удалось сокрушить рабочее движение и в других странах, тогда они прочно установили бы царство капиталистического рабства.

Пока еще не поздно, сознательные рабочие всего мира должны приготовиться к тому, чтобы во всеоружии встретить натиск капиталистов, в свою очередь ударить на мировой капитализм, разрушить и с корнем вырвать его.

Капиталистическое государство.

Война и ее последствия разоблачили с изумительной ясностью истинную природу капиталистического государства со всеми его законодательными учреждениями, судом, полицией, армией и бюрократией.

Государство служит для защиты и укрепления господства капиталистов и для подавления рабочего движения. Это в особенности верно по отношению к Соединенным Штатам, конституция которых была создана крупными торговцами, спекулянтами и землевладельцами, заботившимися только о защите своих классовых интересов против большинства народа.

В настоящее время правительство Соединенных Штатов совершенно открыто является орудием в руках капиталистов, в их борьбе против рабочих. Союз „Индустриальных Рабочих Мира" должен сознавать это яснее, чем какая бы то ни было другая рабочая организация, ибо союз этот подвергается самым свирепым и жестоким преследованиям со стороны правительства: вожди Союза заключены в тюрьмы; газеты Союза закрыты; множество членов его в ссылке, многие из них посажены под ложным предлогом в тюрьму и замучены; пропаганда идей Союза во многих штатах рассматривается, как уголовное преступление.

Каждый рабочий видит все это собственными глазами. Губернаторы, городские головы, судьи и шерифы избираются всеобщим голосованием; но во время стачки губернатор призывает солдат для защиты штрейкбрехеров, городской голова приказывает полиции разгонять и арестовывать патрульных, поставленных забастовщиками; судья приговаривает рабочих к тюремному заключению за „мятеж" или за „нарушение общественного спокойствия"; а шериф непосредственно нанимает штрейкбрехеров.

Все капиталистическое общество в целом представляет собою один сплошной фронт, выдвинутый против рабочего. Поп проповедует рабочему покорность; пресса пугает его „большевизмом", полицейский тащит его в кутузку, суд приговаривает его к тюремному заключению; шериф реквизирует его пожитки за недоимки, а жену и детей его водворяют в приюты и работные дома.

Чтобы уничтожить капитализм, рабочим необходимо прежде всего вырвать государственную власть из рук капиталистов. Рабочие должны не только захватить власть, но и совершенно уничтожить старое капиталистическое государство.

Ибо революционный опыт показал, что рабочие не могут просто взять капиталистическое государство и использовать его в своих интересах, как это рекомендуют желтые социалисты-политиканы. Капиталистическое государство предназначено для того, чтобы служить капитализму, и ни на что другое оно не способно—кто бы ни стоял у кормила правления.

И на месте капиталистического государства рабочие должны построить свое собственное, рабочее государство—диктатуру пролетариата.

Диктатура пролетариата.

Многие члены „Союза Индустриальных Рабочих Мира" несогласны с этим. Они—противники всякого государства. Они предлагают свергнуть капиталистическое государство, заменив его сразу же индустриальной республикой.

Коммунисты тоже—против „государства". Они также стремятся уничтожить его, заменив власть, управляющую людьми, властью, управляющей вещами.

Но, к сожалению, этого нельзя сделать сразу. С разрушением капиталистического государства не исчезнет немедленно же, сам собой, капитализм.

В руках у капиталистов останется оружие, которое у них надо будет отнять; к их услугам останется еще поддерживающая их целая свора преданных чиновников, директоров, управляющих, мастеров и других отлично выдрессированных слуг, которые будут саботировать всю работу в промышленности. Их необходимо будет либо убедить, либо силою заставить служить рабочему классу. У капиталистов останутся офицеры, которые могут во всякую минуту раздавить революцию, попы, которые могут поднять суеверные массы против революции, учителя и ораторы, которые могут исказить смысл революции, провокаторы, которые могут дискредитировать ее, журналисты, которые могут одурманить народные массы потоками лжи, и желтые социалисты, которые будут всячески превозносить буржуазную „демократию" и хулить революцию. Все эти прислужники капитала должны быть насильственными мерами обезврежены.

Для сокрушения капиталистического государства, для преодоления сопротивления капиталистов, для конфискации капиталистической собственности и превращения ее в общее достояние всего рабочего класса — для всего этого необходимо правительство, государство—диктатура пролетариата, при которой рабочие, через свои Советы, смогут железной рукой с корнем вырвать всю капиталистическую систему.

Именно такая диктатура пролетариата установлена в Советской России. Но эта диктатура лишь временная. Мы, коммунисты, также, как и вы, стремимся к уничтожению государства. Госу-

дарство должно существовать, лишь пока существует борьба классов. Цель, задача пролетарской диктатуры — уничтожить капиталистов, как класс, уничтожить классовое деление вообще.

Когда мы достигнем такого „бесклассового" состояния, пролетарская диктатура, государство, автоматически исчезнет, уступив место органу, который, быть может, в большей или меньшей мере будет напоминать Всеобщий Исполнительный Комитет Союза „Индустриальных Рабочих Мира".

В одном из своих недавно выпущенных листков, тов. Мэри Марси доказывает, что, несмотря на теоретическое отрицание Союзом „Индустриальных Рабочих Мира" необходимости пролетарской диктатуры, эта организация на деле будет вынуждена прибегнуть к ней во время революции, для подавления капиталистической контр-революции.

Это верно. Но если „Индустриальные Рабочие Мира" заранее не признают неизбежности рабочего государства и не подготовятся к осуществлению его, то нам грозит путаница и колебания, как раз в момент революции, т. е. в тот момент, когда быстрота и решительность важнее всего.

Рабочее государство.

Какую форму примет рабочее государство?

Ответ на этот вопрос дает нам реальный пример Российской Советской республики, устройство которой, в виду повсюду распространяемых об этом разноречивых толков, мы считаем полезным вкратце описать здесь.

Административной единицей является местный Совет Рабочих, Красноармейских и Крестьянских депутатов.

Городские рабочие советы составляются следующим образом: каждый завод, каждая фабрика выбирают депутатов — по одному депутату на определенное число рабочих, и местные профессиональные союзы также посылают своих депутатов в Совет. Выборы производятся по партийным спискам или по отдельным кандидатам, если того желают рабочие.

Красноармейские депутаты выбираются по воинским частям.

Что касается крестьян, то каждая деревня имеет свой сельский Совет, посылающий своих представителей в волостной Совет, который в свою очередь посылает представителей в уездный, а уездный Совет посылает своих представителей в губернский Совет.

Эксплуатирующие чужой труд лишены избирательного права.

Каждые шесть месяцев губернские и городские Советы выбирают делегатов на Всероссийский С'езд Советов, — верховный орган всей страны. С'езды Советов намечают политическую линию на ближайшие шесть месяцев и выбирают из своей среды Центральный Исполнительный Комитет, в составе 200 человек, для проведения в жизнь намеченных мероприятий. С'езд избирает также правительство — Совет Народных Комиссаров, которые являются руководителями отдельных народных комиссариатов (министерств).

Народные Комиссары могут быть отозваны во всякое время Центральным Исполнительным Комитетом, члены Советов в любое время могут быть отозваны своими избирателями.

Советы являются не только законодательными, но и исполнительными органами. В отличие от американского Конгресса, они не занимаются сочинением законов, исполнение которых предоставляется президенту, но члены их сами проводят издаваемые ими законы в жизнь. И в Советской России не существует никакого Верховного Суда (Сената), призванного решать, соответствует ли данный закон „конституции" или нет.

В промежутках между Всероссийскими С'ездами Советов, Ц. И. К. является высшей властью в стране. Он собирается не реже, чем раз в два месяца, а в промежутках страной управляет Совет Народных Комиссаров, между тем как члены Ц. И. К. работают в различных учреждениях.

Организация производства и распределения.

Все рабочие в России об'единены в профессиональные союзы, из которых каждый об'единяет всех рабочих данной отрасли производства. Например, плотники и маляры, работающие на металлургическом заводе, входят в союз металлистов. Каждая фабрика представляет собою местное об'единение, исполнительным органом которого является избранный рабочими фабричный комитет.

Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов избирается ежегодно на Всероссийском С'езде Профессиональных Союзов. Тарифная комиссия, также избираемая ежегодно, устанавливает размер заработной платы для всех категорий труда.

За весьма редкими исключениями, все крупные фабрики в России национализированы и составляют собственность всего рабочего класса. Задачей профессиональных союзов является поэтому уже не борьба с капиталистами, а управление промышленностью.

Рука об руку с профессиональными союзами работает Народный Комиссариат Труда, руководитель которого — Народный Комиссар Труда — избирается Всероссийским С'ездом Советов по соглашению с профессиональными союзами. Экономической жизнью страны ведает Высший Совет Народного Хозяйства, распадающийся на секции (напр., Металлическая секция, Химическая секция и т. д.), — во главе которых стоят специалисты и рабочие, назначенные Советом Народного Хозяйства по соглашению с профессиональными союзами.

На каждой фабрике за производством следит комиссия из трех лиц: представителя заводского комитета, представителя В. Ц. С. Професс. Союзов и представителя Высшего Совета Народного Хозяйства.

Демократический централизм.

Союзы являются, таким образом, правительственными органами, а правительство Р. С. Ф. С. Р. одно из самых централизованных правительств в мире.

Но оно в то же время и самое демократическое правительство в мире. Ибо все его органы находятся в постоянном соприкосновении с рабочими массами; все его органы чутко прислуши-

ваются к голосу рабочего класса. Кроме того, местные Советы ведут свои собственные дела вполне самостоятельно, при условии, конечно, строгого проведения намеченной с'ездом Советов общеполитической линии. Итак, советское правительство представляет один только рабочий класс и по необходимости должно действовать в его интересах.

Многие члены Союза „Индустриальных рабочих мира", являются противниками централизации, так как они не могут мыслить ее демократической. Но там, где дело идет о многомиллионных рабочих массах, невозможно считаться с волей отдельных личностей,—там может быть принята во внимание только воля большинства. И правительство Советской России служит лишь общему благу рабочего класса.

Частная капиталистическая собственность не может стать общею собственностью рабочих, если она будет передана отдельным лицам или группам. Она должна стать собственностью всего общества в цело", а сделать ее собственностью всего общества может только централизованная власть.

Точно также предприятия, обслуживающие нужды всего народа, имеют значение не только для рабочих, занятых в этих предприятиях, но для всего общества, и поэтому управление ими должно быть поставлено так, чтобы они служили интересам общего блага. Кроме того, современная промышленность представляет собою такую сложную машину, отдельные отрасли ее так тесно переплетены между собою,—что, в интересах экономии и продуктивности труда, она должна быть управляема из одного общего центра по одному общему плану.

Революцию приходится защищать от нападения об'единенных сил капитала. Нужно создать большую армию, обучить, обмундировать ее и управлять ею. Все это предполагает централизацию. Советская Россия уже втечение двух лет, одна, без всякой посторонней помощи, отражает массовые атаки всего капиталистического мира. Возможно ли было бы создание двухмиллионной Красной Армии, если бы власть в стране не была централизована?

Класс капиталистов располагает могучей централизованной организацией, дающей ему возможность обрушиваться всей своей силой на отдельные разрозненные отряды рабочего класса. Классовая война, это—тоже война. Чтобы свергнуть капитализм, рабочим необходима военная сила, необходим свой генеральный штаб, конечно, избираемый и контролируемый революционными рабочими.

Каждый рабочий понимает, что во время стачки необходим стачечный комитет—централизованный аппарат, руководящий стачкой, аппарат, которому все подчиняются. Стачечный комитет избирается и контролируется рядовыми рабочими. Советская Россия об'явила „стачку" всему капиталистическому миру. Социальная революция — это всеобщая забастовка против всей капиталистической системы. Диктатура пролетариата—это стачечный комитет социальной революции.

Может быть, грядущая пролетарская революция в Америке и в других странах выдвинет некоторые новые организационные формы. Большевики не претендуют на то, что они сказали последнее слово. Но опыт двухлетнего существования рабочего государства в России имеет, конечно, громадное значение. И рабочие других стран должны его изучать.

Политика.

Многих членов „Союза Индустриальных Рабочих Мира" уже одно слово „политика" раздражает так же, как вид красного знамени раздражает быка или... капиталиста. „Политика" для них означает то же, что политиканство — политиканство желтых социалистических кандидатов на разные должности, охотящихся за голосами и за теплыми местечками.

Некоторые из этих аполитичных товарищей-рабочих настроены против большевиков потому, что большевики называют себя „политической партией" и участвуют в избирательных кампаниях.

Здесь сказывается слишком узкое понимание слова „политика". Союз „Индустриальных Рабочих Мира" кладет в основу своей программы следующий принцип, формулированный Марксом: „Всякая классовая борьба есть борьба политическая". Это значит, что всякая борьба рабочих против капиталистов—является борьбой рабочих за политическую, т. е. государственную власть.

В таком именно смысле мы, коммунисты, и понимаем „политику".

„Желтые" социалисты верят в возможность постепенного достижения политической власти путем использования капиталистической политической машины, путем „бескровных" реформ. Когда у них окажется большинство в законодательных учреждениях и президент, губернаторы, мэры и шерифы будут выбраны из их среды, тогда они, видите-ли, приступят к мирной отмене капитализма законодательным путем.

Это приводит „желтых" социалистов к проповеди всевозможных реформ в рамках капиталистической системы, привлекает в их ряды мелких буржуа и политических авантюристов всех видов и, наконец, толкает их на всяческие сделки и соглашения с капиталистами.

„Индустриальные Рабочие Мира" так же, как и коммунисты, не верят в это.

Мы, коммунисты, не верим в возможность захвата государственной власти через посредство машины капиталистического государства. Государство — это орудие в руках капитала и, следовательно, государственный аппарат приспособлен к защите и укреплению могущества капитала. Капиталистический надзор за всеми факторами, создающими общественное мнение, — прессой, школой, церковью и ораторской трибуной,—капиталистический надзор за политическим поведением рабочих путем контроля над их средствами существования, — все это делает крайне невероятным, чтобы рабочим когда-либо удалось при существовании буржуазной „демократии" легально избрать искренно преданное их интересам правительство.

В настоящее время, когда капиталисты во всем мире ведут бешеную кампанию репрессий против рабочих,—это буквально немыслимо.

Но если бы даже рабочие могли добиться государственной власти при посредстве буржуазной политической машины, то им и тогда не уда-

лось бы использовать государство для установления индустриальной республики. Настоящий источник могущества капиталистов заключается в капиталистической собственности на средства производств и в контроле над ними. Буржуазное государство существует для охраны и для обеспечения дальнейшего развития этой собственности и этого капиталистического контроля, — поэтому оно не может быть использовано для их уничтожения.

Во всем этом коммунисты и „Индустриальные Рабочие Мира" вполне согласны между собой. Капиталистическое государство надо взять восстанием, приступом, надо взять путем „прямого действия". И это действие, конечно, есть — политическое действие, ибо оно ставит себе политическую цель,—захват политической власти.

„Индустриальные Рабочие Мира" предполагают добиться этой цели путем всеобщей забастовки. Коммунисты идут дальше. История показала, что всеобщая забастовка, сама по себе—еще недостаточное средство. В распоряжении капиталистов имеется армия, и опыт русских, финских и германских белогвардейцев доказывает, что капиталистическая армия обыкновенно так хорошо организована и обучена, что ею можно пользоваться, как оружием против рабочего класса. Кроме того, капиталисты располагают запасами продовольствия, дающими им возможность держаться дольше, чем могут держаться рабочие, у которых нет никаких запасов.

Коммунисты тоже стоят за всеобщую стачку, но они прибавляют, что всеобщая забастовка неминуемо должна перейти в вооруженное восстание. И всеобщая забастовка и вооруженное восстание — это формы политического действия.

Революционный парламентаризм.

Если все это так, если коммунисты не верят в возможность захвата государственной власти посредством избирательных бюллетеней, то почему же они участвуют в выборах и выставляют на них своих кандидатов?

Вопрос об участии в выборах имеет для коммунистов второстепенное значение. Некоторые коммунистические организации признают такое участие, другие отвергают его.

Но те коммунисты, которые участвуют в избирательной борьбе, делают это исключительно в целях пропаганды. Избирательная кампания дает революционерам удобный случай говорить к рабочим, раз'яснять им классовый характер государства и их собственные интересы. Избирательная кампания дает возможность обнаружить всю призрачность разных реформ, выявить реальные интересы, руководящие капиталистическими и желто-социалистическими политическими партиями, и сделать вполне очевидной необходимость уничтожения всей капиталистической системы. Задачей посылаемых в Конгресс и во все другие законодательные палаты коммунистов является ведение пропаганды, раз'яснение истинной сущности капиталистического государства, разоблачение всевозможных махинаций капиталистических правительств, доказывание бесполезности всевозможных буржуазных реформ и т. д. В зале заседаний палаты они могут и должны говорить обо всех жестокостях капитализма и призывать рабочих к восстанию.

Карл Либкнехт показал, какую роль может играть в парламенте коммунист. К его голосу, раздававшемуся в стенах германского рейхстага, прислушивался весь мир.

Самым обычным возражением против избрания коммунистами своих депутатов в капиталистический парламент является тот довод, что какими бы революционерами эти депутаты ни были, окружающая обстановка неминуемо развратит их и сделает их предателями рабочего класса.

Это убеждение сложилось в результате долгого опыта, проделанного, главным образом, социал-демократами и социал-краснобаями. Но мы, коммунисты, говорим, что истинно-революционная партия будет выбирать истинных революционеров и сумеет заставить их подчиниться своему контролю.

Многие из „Индустриальных Рабочих Мира" высказываются против использования парламента и других официальных учреждений в целях пропаганды. Но Союз И. Р. М., как организация, часто сам это делает. Во время стачки в Лоуренсе в 1912 году И. Р. М. сумели использовать социалистического депутата Виктора Бергера, защищавшего стачечников с трибуны палаты депутатов. Вильям Д. Гейвуд, Винсент Сэйнт Джон и многие другие из членов Союза охотно давали показания „северо американской правительственной промышленной и статистической комиссии", пропагандируя при этом идеи своей организации. Но самый поразительный пример использования политического аппарата для пропаганды мы видели в 1918 году, когда сто с лишним подсудимых членов Союза И. Р. М. в Чикагском федеральном суде превращали заседания суда, в продолжение трех месяцев, в митинг, крайне полезный для нас.

Все это — случаи использования политического аппарата капиталистического государства для революционной пропаганды. Этот метод пропаганды следует применять во всех тех случаях, когда обстоятельства это позволяют. Ни одно средство борьбы не должно быть упущено.

Специальной задачей Союза „Индустриальных Рабочих Мира" является подготовка рабочих к захвату всего индустриального, производственного аппарата и к управлению им. Специальной задачей политической Партии Коммунистов является подготовка рабочих к захвату политической власти и к осуществлению диктатуры пролетариата. Каждый рабочий должен в одно и то же время быть и членом революционного индустриального союза своей отрасли производства и членом политической партии, идущей под знаменем коммунизма.

Социальная революция и общество будущего.

Целью И. Р. М. является „создание нового общества в оболочке старого". Это значит: так организовать рабочих, чтобы в известный момент, когда рушится капиталистическое общество, вполне развившаяся Индустриальная Республика могла занять его место.

Но это предполагает необходимость дисциплинированности и организации огромного боль-

пинства рабочих. До войны эта задача могла казаться осуществимой — хотя, за четырнадцать лет существования, И. Р. М. удалось организовать лишь сравнительно незначительную часть американского пролетариата.

Но в настоящее время такой план является утопией. Капитализм рушится, социальная революция назрела, и история не станет ждать, пока все рабочие будут организованы по плану И. Р. М. или другой организации. Теперь исчезла перспектива „нормального" промышленного развития, которое помогло бы осуществить этот план. Война привела весь мир к великой катастрофе, и народам приходится думать о немедленном выступлении, а не о систематическом проведении плана, могущего потребовать для своего осуществления целые годы.

Новое общество нельзя просто вырастить внутри старого, капиталистического общества. Ждать некогда. Социальная революция уже наступила, и, только после свержения капитализма и подавления всех попыток к его восстановлению, рабочие смогут беспрепятственно заняться строительством нового общества.

Какова же самая настоятельная текущая задача Союза И. Р. М. перед лицом социальной революции?

Как самой значительной американской революционно синдикалистской организации, Союзу И. Р. М. надо взять на себя инициативу в деле слияния всех профессиональных союзов, носящих революционный классовый характер, об'единения всех рабочих, признающих классовую борьбу: Союз И. Р. М., „Единый Великий Союз" и некоторые революционные союзы из „Американской Федерации Труда" должны быть слиты в одну общую революционную организацию. Теперь не время спорить из-за названия или организационных мелочей. Важно сплотить всех рабочих, способных в критический момент к массовому революционному действию.

Как революционеры, И. Р. М. не должны отвергать попытки американских коммунистов притти с ними к соглашению о совместной революционной работе. Политическая партия и экономическая организация должны итти рука об руку к общей цели—к уничтожению капитализма при посредстве пролетарской диктатуры, к созданию Советов, а затем к уничтожению классов и государства.

Коммунистический Интернационал братски протягивает руку Индустриальным Рабочим Мира.

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Январь 1920 г. **Г. ЗИНОВЬЕВ.**

КО ВСЕМ РАБОЧИМ ГЕРМАНИИ, ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ ГЕРМАНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ НЕЗАВИСИМОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

От Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

По поводу постановления Лейпцигского С'езда Независимых о III-м Интернационале.

На последнем С'езде U. S. P. (Независимой Социал-демократической Партии) было вынесено решение о том, чтобы обратиться к Коммунистическому Интернационалу и другим „социально-революционным организациям" с предложением об'единиться в одной общей международной организации. Исполнительный Комитет III-го Коммунистического Интернационала считает своим долгом поставить этот вопрос перед лицом всех революционных рабочих. Исполнительный Комитет полагает, что только открытое обсуждение этого вопроса перед лицом всех широких масс рабочих, а не закулисная сделка поможет об'единению всех действительно революционных элементов международной армии пролетариата. Нижеследующее является поэтому ответом на письмо Криспина от 15-го декабря, доставленное Исполнительному Комитету III-го Интернационала и напечатанное в „Freiheit" от 2/1-20 г.

I. Рабочие-Независимые и их вожди в революции.

Коммунистический Интернационал хорошо сознает, что рабочие, входящие в партию Независимых, настроены совсем иначе, чем правая часть их вождей. Из этого мы исходим во всей нашей оценке положения в U. S. P. Коммунистический Интернационал рассматривает лейпцигское постановление U. S. P., как поворот в политической линии этой партии, сделанный под давлением той части Германского рабочего класса, которая организована партией. Эта часть рабочего класса на всем опыте революции все больше и больше становится на точку зрения пролетарской диктатуры и массовой борьбы, за эту диктатуру под общим знаменем Коммунистического Интернационала. Этому в высокой степени препятствуют оппортунистические партийные правые верхи, которые склонны признавать все, что угодно на словах, но которые всячески тормозят действительное развитие революции. Эти оппортунистические „Zentrumsleute" во время империалистской войны удерживали пролетариат от всяких активных массовых выступлений, поддерживали предательскую линию защиты буржуазного „отечества", отрицали необходимость нелегальной организации, в ужасе отступали перед мыслью о гражданской войне. С началом революции они вошли в общее правительство с открытыми изменниками рабочего

класса—шейдемановцами, санкционировали подлую высылку Берлинского Посольства Российского Пролетариата, поддерживали политику разрыва дипломатических отношений с Советской Республикой. Правые вожди „Независимых" с самого начала Германской Революции проповедывали Германии ориентацию на Антанту, всеми силами сопротивляясь союзу Германии с Советской Россией. Правые вожди „Независимых" систематически сеяли среди трудящихся Германии мелкобуржуазные иллюзии на счет сущности „вильсонизма". Правые вожди „Независимых" превозносили Вильсона, рисуя его защитником справедливого мира, представителем „демократии" и т. п. Благодаря тактике этих правых вождей, оказалась в полной целости государственная машина Вильгельмовской Империи, которая лишь прикрыла себя республиканским флагом.

В решительные моменты борьбы с палачами рабочего класса—Носке и К°—правые вожди „независимцев" вели „примирительную" линию бесчестных маклеров, расслабили революционную волю рабочих, разлагали боевое единство пролетариата и тем способствовали его поражению.

Сперва они отрицали диктатуру Советов вообще и стояли целиком на точке зрения буржуазных демократов. Потом они стали проповедывать мешанину (проект Гильфердинга) из Советов и Учредительного Собрания. До сих пор они колеблются еще между тем и другим, когда речь идет о действии. Их литературные представители (Каутский), об'единяясь в одних издательствах с буржуазными пацифистами, „демократами" и откровенными служителями Биржи и Банка, не находят лучшего занятия, чем подбирать грязные сплетни российских и иных контр-революционеров о русской революции. Такая же из ряда вон выходящая вздорная и бесчестная клевета, как мнимая „социализация женщин" в России, придуманная генералами и шпионами Антанты, находит себе место в книге Каутского. Последнее произведение этого писателя „Терроризм и Коммунизм" выходит в том же издательстве, что и сборник подложных, изобретенных в Америке, документов о „продажности" большевиков немецкому генеральному штабу.

Достаточно этих примеров, чтобы показать истинную физиономию ряда правых вождей U. S. P. Рабочие, организованные в эту партию, должны понять, что без полного разрыва с такими правыми вождями, рабочая партия не может облегчать развитие пролетарской революции.

Теперь совершенно уже выяснилось, что революция в Германии идет таким мучительным путем потому, что шейдемановцам удалось разоружить народ, что начало революции не привело к соединению Германии и Советской России, что сохранился старый аппарат власти. Громадная доля вины и ответственности за это падает на правых вождей U. S. P.

Для выпрямления линии необходимо понимание всех ошибок и их исправление. В этом, в первую голову, состоит задача рабочих — „независимых", которые должны выпрямить партийную линию, хотя бы и через голову некоторых своих вождей.

II. Основные ошибки U. S. P. и партий центра вообще.

Идеология вождей U. S. P. не есть явление специфически-германское. На т кой же точке зрения стоят лонгетисты во Франции, I. L. P. в Англии, в Америке Социал. Партия (A. S. P.) и другие. Их характерной особенностью является постоянное колебание между открытым социал-предательством типа Носке и линией революционного пролетариата, т. е. коммунизмом. Эти ошибки мы излагаем в нижеследующих пунктах:

1. Диктатура пролетариата означает сверженне буржуазии одним классом, пролетариатом, и притом именно его революционным авангардом. Требовать, чтобы предварительно этот авангард приобрел себе большинство народа путем голосования в буржуазные парламенты, в буржуазные учредилки и пр., т. е. путем голосования при существовании наемного рабства, при существовании эксплуататоров, под их гнетом, при существовании частной собственности на средства производства, требовать этого или предполагать это—значит на деле совершенно покидать точку зрения диктатуры пролетариата и переходить фактически на точку зрения буржуазной демократии.

Именно так поступают правые вожди немецких независимцев и французских лонгетистов. Повторяя фразы мелкобуржуазных демократов о большинстве „народа" (обманутого буржуазией и придавленного капиталом), эти партии об'ективно стоят еще на стороне буржуазии.

2. Диктатура пролетариата означает сознание необходимости подавить насилием сопротивление эксплуататоров, готовность, уменье, решимость сделать это. А так как буржуазия, даже самая республиканская и демократическая (напр. в Германии, в Швейцарии, в Америке), систематически прибегает к погромам, к линчеванию, к убийству, к военному насилию, к террору против коммунистов и на деле против всяких революционных шагов пролетариата, то при этих условиях отрекаться от насилия, от террора—значит превращаться в плаксивого мелкого буржуа, значит сеять реакционные мещанские иллюзии о социальном мире, значит — говоря конкретно—трусить рубаки-офицера.

Ибо преступнейшая и реакционнейшая империалистская война 1914—1918 годов воспитала во всех странах и выдвинула на авансцену политики во всех, даже самых демократических республиках, именно десятки и десятки тысяч реакционных офицеров, готовящих террор и осуществляющих террор в пользу буржуазии, в пользу капитала против пролетариата.

Речи некоторых вождей „независимых" на Лейпцигском с'езде по вопросу о „моральной недопустимости" террора со стороны рабочих по отношению к белогвардейским палачам пролетариата — показывают, что эти вожди насквозь проникнуты мелкобуржуазными взглядами.

Поэтому то отношение к террору, которое проявляют на деле в парламентских речах, в газетных статьях, во всей агитации и пропаганде правые вожди немецких независимцев и французских лонгетистов, есть фактический переход на позицию мелкобуржуазной демократии, есть развращение революционного сознания рабочих.

3. То же относится к гражданской войне. После империалистской войны, перед лицом реакционных генералов и офицеров, применяющих террор против пролетариата, перед лицом того факта, что новые империалистские войны уже готовятся теперешней политикой всех буржуазных государств,— и не только готовятся сознательно, но и вытекают с об'ективной неизбежностью изо всей их политики — при таких условиях, в такой обстановке оплакивать гражданскую войну против эксплуататоров, осуждать ее, бояться ее - это означает становиться на деле реакционером.

Это значит бояться победы рабочих, которая может стоить десятков тысяч жертв, и наверняка допускать новую бойню империалистов, которая стоила вчера и будет стоить завтра миллионы жертв.

Это значит поощрять фактически реакционные и насильнические замашки, замыслы и приготовления буржуазных генералов и буржуазных офицеров.

Именно так реакционна на деле слащавая, мелкобуржуазная сантиментальная позиция правых вождей немецких независимцев и французских лонгетистов в вопросе о гражданской войне. Закрывают глаза на происки белой гвардии, подготовку ее буржуазией, создание ее буржуазией и лицемерно, фарисейски (или трусливо) отворачиваются от работы по созданию красной гвардии, красной армии пролетариев, способной подавить сопротивление эксплуататоров.

4) Диктатура пролетариата и Советская власть означают ясное сознание необходимости разбить, сломать вдребезги буржуазный (хотя бы и республикански-демократический) государственный аппарат, суды, бюрократию, гражданскую и военную и т. д.

Ни сознания этой истины, ни повседневной агитации в ее пользу правые вожди немецких независимцев и французских лонгетистов не обнаруживают. Хуже того, они ведут всю агитацию в противоположном духе.

5) Всякая революция, в отличие от реформы, означает кризис и весьма глубокий кризис, как политический, так и экономический, сама по себе. Это — независимо от кризиса, созданного войной.

Задача революционной партии пролетариата — раз'яснять рабочим и крестьянам, что надо иметь мужество смело встретить этот кризис и найти в революционных мерах источник силы для преодоления этого кризиса. Только преодолевая величайшие кризисы с революционным энтузиазмом, с революционной энергией, с революционной готовностью на самые тяжелые жертвы, пролетариат может победить эксплуататоров и окончательно избавить человечество от войны, от гнета капитала, от наемного рабства,

Иного выхода нет, ибо реформистское отношение к капитализму породило вчера (и неизбежно породит завтра) империалистическую бойню миллионов людей и всякие кризисы без конца.

Этой основной мысли, без которой диктатура пролетариата есть пустая фраза, независимцы и лонгетисты не понимают, в своей пропаганде и агитации ее не об'ективируют, не раз'ясняют массам.

Наоборот, они всячески запугивают пролетариат теми трудностями, которые влечет за собой пролетарская революция. Об'ективно же, только на основе пролетарской диктатуры и мыслимо возрождение хозяйства, ибо на капиталистическом базисе возможно сейчас лишь постоянное и все глубже идущее разложение. Своей мещанской трусостью вожди U. S. P. лишь затягивают и без того мучительный процесс и увеличивают тем самым бедствия пролетариата.

6) Советская система есть разрушение той буржуазной лжи, которая называет „свободой печати" свободу подкупа печати, свободу покупки газет богачами, капиталистами, свободу для капиталистов скупать сотни газет и тем подделывать так называемое „общественное мнение".

Этой истины немецкие независимцы, равно как и их заграничные коллеги не сознают, не проводят ее, не агитируют ежедневно за уничтожение революционным путем того порабощения прессы капиталом, которое буржуазная демократия ложно называет свободой печати.

Не ведя такой агитации, независимцы лишь на словах признают Советскую власть (Липшбек), а на деле остаются всецело подавленными предрассудком буржуазной демократии.

Экспроприации типографий и складов, запасов бумаги, этого главного раз'яснить не умеют, ибо сами не понимают.

То же относится к свободе собраний (эта свобода есть ложь, пока богачи владеют лучшими зданиями или покупают общественные здания), к вооружению народа, к свободе совести — (свободе для капитала покупать и подкупать целые церковные организации для одурманения масс религиозным опиумом) и ко всем прочим—буржуазно-демократическим свободам.

7) Диктатура пролетариата означает уменье, готовность, решимость привлечь на свою сторону (на сторону революционного авангарда пролетариата) всю массу трудящихся и эксплуатируемых мерами революционными, ценой экспроприации эксплуататоров.

Этого в повседневной агитации немецких независимцев (в „Фрейхейт", например) нет. Нет этого и у лонгетистов.

В частности, особенно необходима такая агитация для деревенских пролетариев, а равно мелких крестьян (крестьян, не употребляющих наемного труда, крестьян, мало продающих хлеба или не продающих его). Этим слоям населения надо ежедневно, просто, популярно об'яснять конкретнейшим образом, что пролетариат, овладев государственной властью, даст им, за счет экспроприированных помещиков, немедленное улучшение их положения. Даст им избавление от гнета крупных землевладельцев, даст им, как целому, крупные имения, избавление от долгов и так далее и тому подобное. То же и городской непролетарской или не вполне пролетарской трудящейся массе.

Такой агитации независимцы не ведут.

8) Диктатура пролетариата предполагает и означает ясное сознание той истины, что пролетариат, в силу своего об'ективного, экономического положения во всяком капиталистическом обществе, правильно выражает интересы всей массы трудящихся и эксплуатируемых, всех полупролетариев (т. е. частично живущих продажей рабочей силы), мелких крестьян и тому подобное.

Эти слои населения идут за буржуазными и мелкобуржуазными (в том числе „социалистиче-

скими" партиями II-го Интернационала) не в силу свободного волеизъявления, как думает мелкобуржуазная демократия, а в силу прямого обмана их буржуазией, в силу гнета над ними капитала, в силу самообмана мелкобуржуазных вождей.

Эти слои населения (полупролетариев и мелких крестьян) пролетариат привлечет на свою сторону, сможет привлечь на свою сторону лишь после своей победы, лишь после завоевания государственной власти, то-есть после того, как он свергнет буржуазию, освободит этим всех трудящихся от гнета капитала и покажет им на практике, какие блага (блага свободы от эксплуататоров) дает пролетарская государственная власть.

Этой мысли, составляющей основу и суть идеи диктатуры пролетариата, немецкие независимцы и французские лонгетисты не понимают, не внедряют ее в массы, не пропагандируют ежедневно.

9) Независимцы, правое крыло, и лонгетисты не ведут агитации в войске (за вступление в войско в целях подготовки его перехода на сторону рабочих против буржуазии). Они не создают организаций для этого.

Они не отвечают на насилия буржуазии, на бесконечные нарушения ею „законности" (как во время империалистской войны, так и после ее окончания) систематической пропагандой нелегальных организаций и созданием их.

Без соединения легальной работы с нелегальной, легальных организаций с нелегальными не может быть и речи о действительно революционной партии пролетариата ни в Германии, ни в Швеции, ни в Англии, ни во Франции, ни в Америке.

10) Основной вопрос социалистической революции,— экспроприацию эксплуататоров,—правые вожди независимцев ставят под названием „социализирование" и ставят реформистски, а не революционно. Слово „социализирование" затушевывает необходимость конфискации, вызываемую невыносимым гнетом империалистских долгов и обнищания рабочих, затушевывает сопротивление эксплуататоров и необходимость революционных мер пролетариата для его подавления. Эта попытка сеет неизбежно реформистские иллюзии, совсем не соответствующие диктатуре пролетариата.

11) И. К. Коммун. Интернационала находит не только несправедливым, но и принципиально недопустимым, что независимая партия Германии, фактически перенимающая основные идеи германских спартаковцев и перенимающая их идеи слишком медленно, непоследовательно и неполно, ни словом не говорит в решениях своего с'езда о слиянии с Коммунистической Партией Германии (союзом спартаковцев). Единство революционного пролетариата требует такого слияния, а признавать диктатуру пролетариата и Советскую Власть на деле нельзя без фактических, серьезных, добросовестных шагов к тому, чтобы авангард пролетариата данной страны, доказавший долгой и трудной борьбой (как против оппортунистов, так и против синдикалистов и якобы левых полуанархистов) свою способность вести рабочие массы к такой диктатуре, был всеми сознан, рабочими поддерживаем, его авторитет подкреплял, его завоеванная традиция заботливо охраняема и развиваема. Союз спартаковцев в Германии, основанный такими вождями, как Роза Люксембург и Карл Либкнехт, есть именно такой, получивший международное значение авангард и пытаться обойти его, как делают независимцы в Германии, невозможно.

Итак, вожди независимой партии Германии заведомо не выражают мнения рабочих масс этой партии, стоя гораздо правее их. С таким злом, причинившим неслыханные бедствия пролетариату в эпоху 1870—1919 гг., мириться нельзя, ибо это зло прикрывается расхождением слова с делом.

Таким образом, в общем и целом вся пропаганда, вся агитация, вся организация правых независимцев и лонгетистов более мещански-демократическая, чем революционно-пролетарская; — пацифистская, а не социально-революционная.

В силу этого „признание" диктатуры пролетариата и советской власти остается у них лишь словесным.

III. U. S. P. и Интернационал.

Ту же самую трусливо-мещанскую политику ведут правые вожди U. S. P. и по отношению к вопросам международного об'единения пролетариата.

1) Независимцы и лонгетисты не углубляют, не развивают в массах сознание гнилости и гибельности того реформизма, который фактически преобладал во II-м Интернационале (1889—1914) и погубил его, а затемняют это сознание, затушевывают болезнь, не вскрывают, не разоблачают ее. Величайшей всемирно-исторической важности вопрос о крахе Второго Интернационала, причинах этого краха, основных ошибках и преступлениях его, его роли в качестве подсобной конторы при „Лиге Наций" U. S. P. даже не ставит; тем самым она прикрывает эти преступления и затемняет классовое сознание пролетарских масс.

2) Независимцы и лонгетисты не понимают и не раз'ясняют массам, что империалистические сверхприбыли передовых стран позволили им (и позволяют теперь) подкупать верхушки пролетариата, бросать ему крохи сверхприбыли (получаемой от колоний и от финансовой эксплуатации слабых стран), создавать привиллегированный слой обученных рабочих и т. п.

Без разоблачения этого зла, без борьбы не только с трэд-юнионистской бюрократией, но и со всеми проявлениями цехового мещанства, рабочей аристократии, привиллегий верхнего слоя рабочих, без беспощадного изгнания представителей этого духа из революционной партии, без аппеляции к низам, к более и более широким массам, к настоящему большинству эксплуатируемых не может быть и речи о диктатуре пролетариата.

3) Нежелание или неумение порвать с верхушками рабочих, зараженными империализмом, обнаруживается у правых независимцев и лонгетистов также тем, что они не ведут агитацию за прямую и безусловную поддержку всех восстаний и революционных движений колониальных народов.

При таких условиях осуждение колониальной политики и империализма становится лицемерием или пустым воздыханием тупого мещанина.

4) Выйдя из II-го Интернационала, осуждая его на словах (напр. в брошюре Криспина), неза-

висимцы на деле протягивают руку Фридриху Аддеру, члену австрийской партии господ Носке и Шейдеманов.

Независимцы терпят в своей среде литераторов, сплошь отрицающих все основные понятия диктатуры пролетариата (Каутский и К°).

Независимцы участвовали в Бернской и Люцернской Конференциях желтых с.-д. Независимцы, и после Лейпцигского С'езда, оставили свой центральный орган „Freiheit" в руках архи-правого Гельфердинга, сторонника желтого II-го Интернационала. Это расхождение слова с делом характеризует всю политику вождей партии независимцев в Германии, лонгетистов во Франции. Именно вожди разделяют предрассудки мелкобуржуазной демократии и реформистски развращенных верхушек пролетариата вопреки революционным симпатиям рабочих масс, тяготеющим к Советской системе.

5) Постановляя, под давлением рабочих масс, приступить к переговорам с Коммунистическим Интернационалом, вожди U. S. P. в то же самое время обращаются к партиям II-го Интернационала, в том числе к белой Манергеймовской Социал-Демократии Финляндии, называя их Социально-Революционными и предлагая Коммунистическому Интернационалу об'единиться с ними.

Эта беспомощная попытка создать еще какой то четвертый ублюдочный Интернационал — без ясной программы, без твердой тактики, без видов на будущее, без перспектив, конечно, обречена на погибель. Но она показывает, что правые вожди независимых саботируют решение Лейпцигского С'езда их собственной партии и не думают об искреннем об'единении с авангардом борющегося международного пролетариата.

В связи со всем вышесказанным Исполнительный Комитет К. И. заявляет:

I. Коммунистический Интернационал представляет в настоящее время крупнейшую силу, которая уже об'единила важнейшие, действительно революционные элементы международного пролетарского движения.

В 1-м Учредительном Конгрессе Коммунистического Интернационала в Москве (Март, 1919 г) участвовали следующие партии и организации:

1. Коммунистическая партия Германии.
2. Коммунистическая партия России.
3. Коммунистическая партия Немецкой Австрии.
4. Коммунистическая партия Венгрии.
5. Шведская левая социал-демократическая партия.
6. Норвежская социал - демократическая партия.
7. Швейцерская социал - демократическая партия (оппозиция).
8. Американская социалистическая рабочая партия.
9. Балканская революционная федерация (Болгарские тесняки и Румынская коммунистическая партия).
10. Коммунистическая партия Польши.
11. Коммунистическая партия Финляндии.
12. Коммунистическая партия Украйны.
13. Коммунистическая партия Латвии.
14. Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии.
15. Коммунистическая партия Эстляндии.
16. Армянская коммунистическая партия.
17. Коммунистическая партия немецких колоний России.

За 10 месяцев, протекших со времени Учредительного Конгресса, в „К. И." поступили следующие сообщения о солидаризации с Коммунистическим Интернационалом.

(Оговариваемся, что нижеприводимые сведения очень неполны. На самом деле к III-му Интернационалу присоединилось гораздо большее число партий и организаций. В одной Франции десятки местных организаций заявили о присоединении к Коммунистическому Интернационалу. Но получить точные сведения крайне трудно).

19-го марта 1919 г. состоялось постановление Комитета Итальянской Социалистической Партии в Милане о вступлении в Коммунистический Интернационал.

8-го апреля состоялось постановление С'езда Норвежской Социал-Демократической Рабочей партии о ее присоединении к Коммунистическому Интернационалу.

10-го мая мы получили сообщение о присоединении шведского социал-демократического союза молодежи к III-му Интернационалу.

14-го июня состоялось постановление Конференции левой шведской социал - демократической партии о присоединении к III-му Интернационалу.

22-го июня получено постановление С'езда Болгарской социал-демократической партии тесняков о том же.

20-го июля получено постановление Центрального Комитета Польской Коммунистической партии о формальном присоединении к III-му Интернационалу.

С'езд всей швейцарской с. д. партии высказался за вступление в III-й Интернационал. При референдуме за это высказалось только меньшинство, но очень значительное.

В августе месяце конгресс социалистов Соединенных Штатов принял решение присоединиться к Коммунистическому Интернационалу. В Америке теперь временно две коммунистические партии — обе в III-м Интернационале.

В августе же нами получено сообщение о присоединении коммунистической партии восточной Галиции к нашей организации.

В сентябре поступили известия о присоединении социалистической партии Эльзас-Лотарингии к Коммунистическому Интернационалу.

Такие же известия в этом месяце получены от Украинской Федерации социалистических партий в Америке и от ряда Финских рабочих организаций.

В октябре С'езд Итальянской Социалистической партии в Болонье громадным большинством подтвердил присоединение итальянской партии к Коммунистическому Интернационалу.

23-го октября получено известие о постановлении Британской Социалистической Партии вступить в III-й Интернационал.

30-го октября мы получили известие о том, что баварские независимые решили примкнуть к III-му Интернационалу.

20-го ноября получено известие о присоединении к III-му Интернационалу части датской социал-демократической партии.

В декабре же получено известие о присоединении Богемской, Лотарингской и Мексиканской социалистических партий к нашей организации.

В этом же месяце получено сообщение о том, что в одном из европейских городов состоялся международный с'езд рабочей молодежи, на котором были делегаты от 220.000 членов партии и на котором единогласно постановлено присоединиться к Коммунистическому Интернационалу.

В декабре 1919 г. на с'езде Испанских социалистов за III Интернационал подано 12.500 голосов, за второй — 14.000.

На Скандинавском рабочем конгрессе (декабрь 1919 г.) было 268 делегатов от 300.000 рабочих. Коммунистические резолюции принимались единогласно.

В январе 1920 г. получено сообщение о присоединении к Коммунистическому Интернационалу Рабочей Партии Шотландии.

Этого перечисления достаточно, чтобы видеть, что в рядах Коммунистического Интернационала уже сейчас об'единен весь авангард борющегося международного пролитариата.

Те рабочие партии, которые искренно хотят бороться за диктатуру пролетариата и Советскую власть, могут и должны присоединиться к тому основному ядру, которое представляет собою III Коммунистический Интернационал.

2) Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала считает, что в интересах успеха международной пролетарской борьбы нельзя допустить, чтобы под каким бы то ни было предлогом и где бы то ни было создано было еще одно новое международное промежуточное, об'единение рабочих, которое на деле ни в коем случае не может быть революционным. Раздробление сил международного пролетариата было бы только в интересах капитала и его слуг из числа бывших социалистов.

3) Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала считает крайне желательным вступить в переговоры с каждой из тех партий, которые заявляют о своей готовности окончательно порвать со II Интернационалом. С этой целью Исполнительный Комитет приглашает представителей указанных партий прибыть в Россию, где по постановлению I-го Конгресса Коммунистического Интернационала имеет пребывание исполнительный орган Коммунистического Интернационала. Как ни велики технические препятствия для проезда через границу, прибытие делегатов указанных партий в Россию все-же возможно, как это показал опыт.

4) Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала сознает, что в силу сложности отношений и специфических особенностей в развитии революции, надлежит строго сообразоваться с этими особенностями. Мы вполне готовы расширять III Интернационал, учитывать опыт пролетарского движения во всех странах, исправлять и пополнять платформу III Интернационала на основании теории марксизма и опыта революционной борьбы во всем мире. Но мы решительно отказываемся от какого бы то ни было сотрудничества с теми правыми вождями независимцев и лонгетистов, которые тянут движение назад в буржуазное болото Желтого II-го Интернационала.

Приветствуя решение Лейпцигского С'езда в той его части, которая говорит о разрыве со II-м Интернационалом, и приглашая делегацию U. S. P. для переговоров, И. К. выражает твердую уверенность, что растущая революционная сознательность пролетарских масс очистит ряды вождей U. S. P., толкнет ее в сторону об'единения с Германской Коммунистической Партией и в конце концов организует ее лучшие элементы под общим знаменем Коммунистического Интернационала.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала предлагает передовым рабочим Германии обсуждать этот наш ответ на широких пролетарских собраниях и требовать точных и ясных ответов на затронутые в нем вопросы от вождей U. S. P.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала шлет братский привет героическому пролетариату Германии.

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Г. ЗИНОВЬЕВ.

Москва, 5 февраля, 1920 г.

К РАБОЧИМ ВСЕХ СТРАН.

О ПОЛЬСКОМ ВОПРОСЕ.

Правительства Франции, Англии и Америки, которые втечение четырех лет вели кровавую войну якобы во имя демократии, свободы и установления вечного мира среди народов, толкают теперь на войну с Советской Россией Польшу, ту самую Польшу, которая получила свободу и независимость не из рук этих империалистических правительств, а лишь благодаря русской и германской революциям.

Политическое завещание Клемансо перед его уходом в отставку заключалось в следующем: **война с Советской Россией до последней капли крови последнего польского солдата.** По всему длинному фронту, которым поляки, нисколько не считаясь с волей широких масс населения, перерезали Литву, Белоруссию и Украйну, польская беднота, переодетая в подаренную ей английскими „благодетелями" шотландскую военную форму, ведет кровавую борьбу против русских крестьян и рабочих.

Теперь, после окончательного поражения Юденича, Колчака и Деникина, война Польши против России на первый взгляд кажется мало вероятной. Если эти белые генералы, мобилизовавшие под знаменем „великой неделимой России" не только все силы русской буржуазии, но и все, что осталось от феодально-царского строя, и опиравшиеся не только на поддержку международного капитализма, но и на жгучую ненависть к революции всех буржуазных элементов старой России, — если они не устояли перед могучим натиском Красной Армии, то неужели маленькая, предоставленная собственным силам Польша решится ринуться в бой с Российской Рабоче-Крестьянской Республикой? Со стороны польского правительства это было бы бессмысленной, самоубийственной авантюрой.

И тем не менее, товарищи, будем смотреть правде прямо в глаза—авантюра эта возможна, и рабочие всего мира должны сделать все, что в их силах для того, чтобы помешать ей.

Прежде всего, принудить Польшу к этому отчаянному шагу изо всех сил стараются союзники.

В Версале они попытались экономически навсегда уничтожить Германию и раздробить всю срединную Европу на мелкие части,—расчленить ее так, чтобы акулам международного капитала легче было по кускам проглотить народы Германии, Австрии и Балкан. Но народы Европы не индусы и не негры, и зная это, рыцари французского капитала трепещут от страха перед последствиями своей собственной политики. Французские капиталисты не верят в то, что германский народ, захлестнутый версальской петлей, будет спокойно и терпеливо сносить иго позорного рабства. Как Бисмарк, после разгрома Франции в 1871 году, все время жил под кошмаром возможности франко-русского союза против Германии, так и нынешние властители Франции в ужасе видят перед собой угрожающий им призрак восстающих против них народов центральной Европы. И особенно трепещут они при мысли о том, что русский народ, расправившись со своими бесчисленными врагами, может братски об'единиться с германским народом, освободившимся от гнета капитала и юнкерства, и оказать потом могучую поддержку французским и английским рабочим против их поработителей.

Но у французской буржуазии есть и другие страхи. Она побаивается также сильной „великой" помещичье - капиталистической России. Если бы российской реакции удалось при помощи союзников одержать верх над рабоче-крестьянской Россией, русская реакция вынуждена была бы в союзе с разгромленной империалистической Германией напасть на своих спасителей для того, чтобы урвать и себе клок добычи, которую поделили между собой французские, английские, американские и японские капиталисты. Ибо одурачить рабочие и крестьянские массы русская реакция могла бы только блеском внешних завоеваний, только миражем „Великой России". Этим страхом перед грядущим союзом революционного пролетариата России и Германии с одной стороны, страхом пред возможной коалицией реакционной Германии и реакционной России с другой стороны и диктуется вся политика союзников — и прежде всего буржуазной Франции—по отношению к Польше.

Прежде французский капитал спокойно смотрел на то, как царское правительство расправлялось с Польшей; французская буржуазная пресса систематически замалчивала все зверства, творимые сатрапами самодержавия в Польше. А теперь, как только солдатский сапог Безелера был сброшен с шеи польского народа, Франция стала проявлять особый интерес к юной польской республике, с первого же момента начав ее снабжать предметами военного снаряжения. Вогнав Польшу клином между Россией и Германией, французский капитал решил создать из нее военный оплот против Германии, сделать ее опорным пунктом на востоке для сохранения нового, выгодного для буржуазной Франции европейского политического равновесия.

В грядущем столкновении с Германией, призрак которого не дает покоя королям французской биржи, капиталистическая Франция не может рассчитывать на помощь своих бывших союзников. Американский капитал уходит от мелких европейских интриг, сосредоточивая свое внимание на Тихом океане, на конфликте с Японией, который, может быть, и позволит американской буржуазии еще раз поднять народные массы на бой за интересы капитала, за новые источники капиталистической прибыли. Положение английского империализма с каждым днем становится все труднее. В самой Англии непрерывно растет недовольство широких кругов населения, вызываемое экономической разрухой и новыми налогами, тяжелым бременем ложащимися не только на рабочие массы, но и на мелкую буржуазию. Ирландия — накануне революции. В Египте, в Индии не прекращаются массовые волнения, угрожающие вылиться в восстание против английского господства... Единственным

якорем спасения для буржуазной Франции, на случай войны с германскими рабочими или с германскими капиталистами, является Польша. Она во что бы ни стало должна быть приспособлена к роли сторожевого пса французского капитала на востоке.

Но не только для предполагаемой будущей войны с Германией буржуазная Франция хочет использовать Польшу. Она хочет теперь же навязать ей обязанности палача, заставить ее своими руками удушить Советскую власть в России, и при том возможно скорее — до победы рабочего класса в Германии. Если к моменту этой победы Советская Россия будет стерта с лица земли, то маршал Фош беспрепятственно займет черными и желтыми отрядами прирейнский угольный бассейн, отрезав пролетарскую германскую революцию от важнейшего источника жизни и силы. А расправившись порознь с революцией русской и германской, французские эксплуататоры рассчитывают без особого труда разделаться и с восстанием своего пролетариата во Франции.

Вот почему французская буржуазия так настойчиво, так лихорадочно толкает Польшу на войну с Советской Россией. Ей не терпится еще и потому, что она боится, как бы рабоче-крестьянская власть в России не окрепла настолько, что польская шляхта и польский капитал окончательно поймут всю безнадежность этой военной затеи, и как бы движение польских народных масс, растущее с каждым днем, не принудило господствующие классы в Польше к отказу от всяких военных авантюр.

Какое же отношение встречает к себе в независимой Польше эта авантюристская политика предчувствующего свою неизбежную гибель капитала? Независимая Польша родилась не из восстания польских народных масс. Народные массы Польши покорно несли иго национального гнета, безропотно умирая на войне за три „отечества" сразу, или же в лице передового польского пролетариата — сомкнув ряды под знаменем социализма — мужественно боролись против войны. Господствующие в Польше классы, помещиков и капиталистов пользовались знаменем независимости для того, чтобы во время войны вести торг за свое собственное влияние с теми тремя правительствами, с которыми они исторически были связаны. Польский помещик в Галиции кричал о „независимости" Польши под скипетром Габсбургов, отказываясь от мысли об освобождении поляков, стонущих под игом Гогенцоллернов, — ибо Вильгельм Гогенцоллерн был другом и союзником того самого Карла Габсбурга, которого польские шляхтичи прочили на трон будущей независимой Польши. По другую сторону окопов польские капиталисты и помещики мечтали о том, что русский царь, одержав победу над германским империализмом, создаст под своим протекторатом, при поддержке акул французской биржи, „независимую" Польшу. Планы о создании независимой Польши при помощи австрийского и германского империализма закончились тем, что поборник этих планов, польский соглашатель, бывший некогда революционером, а во время войны ставший бригадиром польских легионов, Иосиф Пильсудский оказался за решеткой Магдебургской крепости. Польша получила некоторую независимость лишь благодаря тому, что под напором народных масс, рухнул империализм в России и в Германии. Оказавшиеся у власти польские господствующие классы бросились в об'ятия держав-победительниц, надеясь на то, что они не только помогут подавить революционное движение в Польше и отдадут полякам в полное владение литовцев, белоруссов и украинцев, но будут способствовать также воссозданию польского капитализма.

Между тем, союзники, заботясь об усилении военной мощи Польши, не проявили ни малейшего интереса к вопросу о возрождении польской промышленности. Ни машин, ни сырья, ни хлеба они полякам не дали... Поезда, шедшие из Парижа через Кобленц в Варшаву, доставляли лишь военные грузы, лишь орудия истребления человека человеком. Экономическое положение Польши поэтому с каждым днем становится все безвыходнее. Широкие массы населения голодают, а спекулянты и продажные чиновники справляют бесшабашный „пир во время чумы". Волна народного негодования ширится с каждым днем.

Мечты о том, что Польша, как страна без государственного долга, благодаря поддержке союзников, получит большой кредит заграницей, рассыпались в прах. Польская валюта стоит ниже, чем валюта разгромленной Германии. За все получаемое от союзников товары полякам приходится платить мародерские цены; французские, американские и английские спекулянты беспрепятственно вывозят из разоренной Польши последние остатки ее богатств.

Все это вызывает недоверие, раздражение и ненависть к союзникам не только в народных массах, но даже среди части буржуазии и польского офицерства: столкновения между польскими и союзными офицерами стали обычным явлением.

В польском сейме большинство принадлежит политически безграмотным кулакам-крестьянам. Во главе правительства сначала стоял известный музыкант, теперь его сменил провинциальный аптекарь. Один из самых влиятельных людей, романтик польского национализма, Иосиф Пильсудский, это — человек, который из ненависти к царизму стал революционером, затем из ненависти к рабочей революции стал во время войны реакционным генералом. Теперь, входя в состав правительства, расстреливающего рабочих, он вместе с тем принадлежит к Польской Социалистической Партии, устами Дашинского заявляющей в сейме, что гнет польской реакции тяжелее ложится на плечи народных масс, чем гнет царского самодержавия.

На этом фоне разыгрываются современные события.

Господствующие классы Польши, мечущиеся в этом смертельном страхе, подталкиваемые союзниками, могут каждую минуту броситься, очертя голову, в самую рискованную военную авантюру. Вот почему, повторяем, возможна война Польши против Советской России.

Советской России, мы уверены, нечего бояться этой войны. Мы убеждены в том, что народные массы рабоче-крестьянской России, геройски отразившие все нападения Колчаков, Деникиных, Юденичей, сумеют дать достойный отпор польским капиталистам и помещикам и не позво-

лят польским авантюристам воскресить Смутное Время, когда польская шляхта господствовала в Кремле...

Но Коммунистический Интернационал не хочет, чтобы польские и русские рабочие своею кровью расплачивались за авантюры буржуазии. Советская Россия хочет мира. Советская Россия хочет избегнуть войны, чтобы положить конец вызванному войной разорению и начать строительство мирной жизни. Коммунистический Интернационал знает, что рабочая власть в Польше будет крепка только тогда, когда польские рабочие и крестьяне сами добьются победы, сами свергнут господство польских капиталистов и помещиков...

Советская Россия много раз уже предлагала Польской Республике начать мирные переговоры, подчеркивая не только полное признание независимости Польши, но и свою полную готовность разрешить все спорные вопросы путем мирных переговоров. Советская Россия сделала все, что было в ее силах для того, чтобы избежать новой войны, нового кровопролития.

Теперь дело за вами, товарищи рабочие всех стран!

Польские рабочие рядом демонстраций и стачек высказались против войны. Слава польским рабочим, исполняющим свой долг при самых трудных условиях!

Французские и английские рабочие! От вас зависит дело; поддержите борющихся против войны польских пролетариев. Спасите Польшу от ужасов войны. Помогите польским рабочим освободить свою страну от ига панов и от интриг Антанты. Помогите Советской России избегнуть новой войны.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала призывает вас на борьбу против замышляемой французскими империалистами новой военной авантюры.

Рабочие Франции! Положите конец гнусному натравливанию Польши на Советскую Республику.

Рабочие Польши! Заставьте вашу буржуазию отказаться от новой авантюры, от войны с Рабоче-Крестьянской Россией.

Долой международных хищников!

Да здравствует международный пролетариат!

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Г. ЗИНОВЬЕВ.

17 февраля 1920 г.

К ПРОЛЕТАРИЯМ ВСЕХ СТРАН.

О БЕЛОМ ТЕРРОРЕ В ВЕНГРИИ.

Мы получили из Венгрии следующие сведения. Зверства белого террора в Венгрии продолжаются.

В деревнях Трансданубии расстреливаются все, кто еще уцелел после дикой оргии залившего кровью всю страну адмирала Хорти. Набранные целиком из офицеров банды доблестного адмирала прошли из конца в конец всю Трансданубию, разгромив Советские сельско-хозяйственные коммуны и восстановив господство кулаков и помещиков. Приближаясь к какой-нибудь деревне, армия венгерского Колчака высылала патруль, который, ворвавшись в деревню, арестовывал всех, подозреваемых в сочувствии Советской власти, и затем созывал деревенский сход. На этом сходе командир патруля заявлял, что следом идет „национальная армия", и что, если при ее вступлении в деревне окажется в живых хоть один коммунист, вся деревня будет сожжена до тла. Наскоро составлялся из перепуганных кулаков „Народный Суд", заканчивавшийся пьяным погромом и поголовным избиением всех арестованных. Так были убиты тысячи крестьян, все члены местных Советов, множество учителей и десятки тысяч евреев.

В городах белый террор введен в систему. Рабочих не подстреливают уже больше на улице, как бешеных собак. Богиня буржуазной справедливости, с окровавленным мечом в руке и с повязкой на глазах, как бы предназначенной для того, чтобы скрыть выражение животной злобы и ненависти в этих глазах, вошла на наскоро сколоченный трон, и в судах потянулся бесконечный ряд политических процессов. Подлые лакеи Фридриха, с лицемерным видом беспристрастных блюстителей закона, выносят тысячи смертных приговоров, не желая считаться даже с самыми элементарными требованиями буржуазного правосудия. Робкие попытки отдельных адвокатов указать на то, что каждый поступок, вменяемый кому либо в вину, должен быть рассматриваем с точки зрения законов, действовавших в момент совершения этого поступка, — встретили со стороны „судей" резкий отпор.

Комиссаров, национализировавших заводы и поместья, судят как грабителей. Народного Комиссара Финансов, подписавшего декрет о выпуске советских денег, судят как фальшивомонетчика; Жилищного Комиссара, предоставлявшего городской бедноте полупустующие буржуазные квартиры, обвинют как налетчика, нарушившего неприкосновенность чужого жилища; члены Революционных Трибуналов приговариваются к повешению за убийство и за подстрекательство к убийству. Отто Корвин и Евгений Ласло, по настоянию которых при Советском режиме были помилованы белогвардейские заговорщики с заменой им смертной казни тюремным заключением, были осуждены на смерть за то, что они „лишили свободы" этих заговорщиков. Все советские служащие, работавшие для Советской власти, литераторы, художники, артисты, профессора приговариваются к расстрелу, к виселице, к каторге...

Тех, кого даже при таком развязном обращении с юридическими понятиями невозможно

обвинить ни в каком преступлении, запирают в тюрьмы и в концентрационные лагери. 12.000 человек, арестованных по одному лишь подозрению, томятся в Хаймашкерском концентрационном лагере, терпя голод, холод и самые гнусные издевательства. В других пунктах Венгрии томятся еще десятки тысяч тружеников.

В полицейских застенках производится закулисная подготовка судебных процессов. Все пытки инквизиции, все зверские изощренности царской охранки пускаются в ход для того, чтобы вынудить у арестованных сознание и заставить их давать ложные показания. Обвиняемых и свидетелей избивают резиновыми палками, им втыкают гвозди под ногти и, раздев догола, прижигают огнем папирос... Здесь не делают различия между правыми и виновными. Так, два брата Санто „умерли" на другой день после „настойчивого" допроса, а впоследствии оказалось, что они были арестованы по ошибке, вместо известного депутата Санто и его брата. По ошибке же был избит до полусмерти однофамилец коммуниста Беттельгейма. Выдумкам и наветам белогвардейцев нет конца. Некий Дирнфельд будто-бы „сознался" в том, что он убил 160 человек и сжег трупы их в печке у себя дома, и даже судьям-белогвардейцам пришлось освободить его: несчастный потерял рассудок, не перенеся ужаса пыток. Многие кончают самоубийством в тюрьме...

Смерть, наряженная в белогвардейский мундир, проходит по городам и селам Венгрии, и под косой ее ложится весь цвет венгерского пролетариата, венгерской революционной интеллигенции.

Рабочие! Знайте: ответственность за истребление венгерских рабочих несут не только венгерские буржуа, но и буржуазная Франция и Англия в первую очередь. Это Антанта натравила румынские банды на Советскую Венгрию. Это Антанта отдала несчастную страну в лапы венгерских живодеров.

Пролетарии! Знайте: за палачество венгерских разбойников отвечают и желтые „социал-демократы". Это они помогли венгерской буржуазии низвергнуть Советскую власть в Венгрии. Это они, так много вопиющие о красном терроре, когда рабочие защищаются против разбойников белогвардейцев, молчат теперь, когда венгерская буржуазия путем белого террора истребляет физически весь цвет венгерского пролетариата.

Рабочие Европы и Америки! Вы одни можете прекратить эту гнусную бойню и Ваш долг сделать это как можно скорее.

Подымите громкий голос протеста. Потребуйте к ответу ваши правительства, подстрекающие к этим зверствам.

Помните, что каждый день вашего промедления стоит жизни сотням и тысячам новых жертв, а каждая новая жертва ложится тяжелым бременем на вашу пролетарскую совесть.

Товарищи! Вскиньте все в одном мощном порыве и потребуйте грозно и властно обуздания зарвавшейся, опьяневшей от рабочей крови венгерской буржуазии.

Долой палачей рабочего класса!

Да здравствует сплоченный единой общей могучей волей всемирный пролетариат!

Да здравствует героический венгерский пролетариат!

Да здравствует новая пролетарская революция в Венгрии!

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Г. ЗИНОВЬЕВ.

19 февраля 1920 г.

КОНГРЕССУ ФРАНЦУЗСКИХ СОЦИАЛИСТОВ В СТРАССБУРГЕ.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала шлет братское приветствие французским рабочим, все более восстающим против социал-патриотических и „независимых" идей, все более освобождающимся от всяких буржуазных извращений принципов коммунизма.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала выражает надежду, что давление французских рабочих масс побудит с'езд в Страссбурге порвать со II-м Интернационалом—с той желтой организацией, одним из крупнейших представителей которой в Германии является Носке, этот немецкий Галлифэ, а во Франции такие-же агенты буржуазии.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала призывает все коммунистические элементы Франции сплотиться в единую организацию и об'явить открытую войну предателям дела пролетариата.

Да здравствует революционный пролетариат Франции!

Да здравствует очищение пролетарских рядов от сторонников желтого II го Интернационала!

Да здравствует пролетарская революция!

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

17 января 1920 г.

РАБОТНИЦАМ ВСЕХ СТРАН ОТ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

КО ДНЮ РАБОТНИЦ.

К женскому дню Коммунистический Интернационал шлет братское приветствие трудящимся женщинам всего мира.

С первой минуты разбойничьей войны, начавшейся 4 августа 1914 года, трудящиеся женщины всего мира выступили против этой войны. Женщины-работницы как-бы инстинктивно бросились вперед, чтобы грудью защитить своих сыновей и своих братьев от надвигавшейся беды.

Итальянские работницы ложились на рельсы, чтобы помешать уйти военным поездам, увозившим на убой десятки и сотни тысяч пролетариев.

Русские работницы первые вышли на улицы Петрограда, чтобы протестовать против империалистской бойни.

Работницы целого ряда стран первые собрались на международную конференцию работниц, чтобы воссоединить узы пролетариатского братства, порванные социал-предателями, прислужниками империалистских палачей.

Работницы Берлина геройски дрались на баррикадах, где пролетариат восставал против социал-шовинистов, убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Работницы Петрограда с оружием в руках защищали свой родной город бок о бок с петроградскими рабочими, выказывая чудеса мужества.

Работницы всего мира останутся в первых рядах и теперь, когда трудящееся человечество переворачивает новую страницу, готовясь навсегда покончить с игом капитализма и перестроить мир на началах коммунизма.

Предательский II-ой Интернационал, 4 года поддерживавший подлую буржуазную войну, бесславно погиб, как карточный домик. К III-му Интернационалу примыкает все честное и живое в рабочем классе всего мира.

Трудящиеся женщины всего мира! Стройтесь в боевые колонны! Входите в ряды Коммунистического Интернационала! Бойкотируйте тех, кто еще входит в ряды предательской желтой Шейдемановской социал-демократии! Стройте свои организации: легальные, где можно,—нелегальные, где буржуазия и социал-предатели поставили штык в порядок дня. Пришел решительный час. Решается судьба поколений.

Во всем мире трудящиеся женщины угнетены вдвойне: и как пролетарки, и как женщины. Только в Советской России женщины раскрепощены. Только рабочее правительство отменило все законы, ограничивающие права женщины.

Мы не хотим больше быть рабами капитала. Мы построим Советскую рабочую власть во всем мире. И женщины работницы будут в первых рядах борющегося пролетариата.

Да здравствует женщина-работница!

Да здравствует работница-коммунистка!

Да здравствует международное братство пролетариата.

Да здравствует коммунизм!

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Г. ЗИНОВЬЕВ.

4 марта 1920 г.

К РАБОЧИМ ВСЕГО МИРА.

Шведские фабриканты и заводчики объявили локаут, обрекающий на голод десятки тысяч рабочих Швеции.

Весть об этом вызвала живой отклик в рабочих массах Петрограда. По почину Петроградского Совета Профессиональных Союзов секретари всех производственных союзов обратились к трудящимся Красного Питера с призывом о поддержке шведских товарищей.

1-го марта началась в Питере „Неделя помощи шведским рабочим". Каждый день по всему городу устраивались многолюдные собрания, с воодушевлением принимавшие резолюции об отчислениях в пользу лишившихся заработка пролетариев Швеции.

Сами терпя голод и холод, трудящиеся Питера с радостью отдают все, что могут, товарищам-шведам. Пожертвования поступают отовсюду: от рабочих петроградских заводов, от воинов Красной Армии, от матросов революционного флота, от милиционеров, от учащихся, от детей. За две недели было собрано около 7 миллионов рублей.

Группа чахоточных больных питерских рабочих, препровождая свой взнос, пишет: „Мы, стоящие на краю могилы, с больничной койки шлем горячий братский привет рабочим Швеции, борющимся за новую жизнь, посильную помощь и пожелание полной победы в борьбе".

В России зародился III й Коммунистический Интернационал—Интернационал действия. Русские рабочие от слов о социализме первые перешли к осуществлению его, установив диктатуру пролетариата; и теперь авангард русского пролетариата, рабочие Питера, оказывая активную поддержку шведским рабочим, претворяют в дело великий завет Коммунистического Манифеста—„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

Коммунистический Интернационал ширится и крепнет с каждым днем, и русские рабочие знают, что они не одиноки, что за ними идут все растущие массы трудящихся других стран, и что близок день, когда общими усилиями всей могучей армии мирового пролетариата будет установлена Всемирная Советская Республика Труда.

Да здравствует братское единение трудящихся всего мира!

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Г. ЗИНОВЬЕВ.

20 марта 1920 г.

ПРИВЕТСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ С'ЕЗДУ ТРАНСПОРТНЫХ РАБОЧИХ

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала шлет братское приветствие работникам транспорта всего мира, собирающимся на свой конгрес.

Среди транспортных рабочих отдельных стран давно уже началось движение, вполне отвечающее духу времени. Союз транспортных рабочих Англии участвует в Тройственном Согласии, пытающемся поднять английское профессиональное движение на новую высоту. Транспортные рабочие Англии, Италии и других стран организовали превосходное движение протеста против интервенции империалистов в дела России и против посылки капиталистами аммуниции черносотенному русскому генералу Деникину. Превосходные стачки транспортных рабочих, происходящие то тут, то там, позволяют нам надеяться на то, что транспортные рабочие всего мира первые вырвутся из пут старого трэд-юнионизма, целиком поддавшегося влиянию буржуазии.

Пролетарии транспорта! От вас очень многое зависело втечение четырех лет империалистической бойни, когда каждый день по мановению буржуазии гибли тысячи и десятки тысяч пролетариев всех стран. От вас, пролетарии транспорта, еще больше зависит теперь, когда рабочие всего мира вступают в непосредственную схватку с капитализмом. Не держа в своих руках дела транспорта, рабочие не могут свалить владычества буржуазии и не могут успешно взяться за дело устроения социализма.

Вот почему сознательный пролетариат всего мира внимательно будет следить за ходом работ вашего с'езда. Мы берем на себя смелость выразить уверенность, что ваш с'езд окажется на высоте тех задач, которые выдвигает эпоха.

Коммунистический Интернационал выступил с декларацией к профессиональным рабочим союзам всего мира. В этой декларации, которую мы посылаем вам особо, изложены наши взгляды на современные задачи профессиональных союзов. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала будет счастлив узнать, что эта декларация встретила сочувствие на вашем с'езде.

С пролетарским приветом

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Г. ЗИНОВЬЕВ.

17 марта 1920 г.

СКАНДИНАВСКИМ РАБОЧИМ, РАБОЧЕМУ КЛАССУ НОРВЕГИИ, НОРВЕЖСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

От Коммунистического Интернационала.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала с глубоким удовлетворением узнал о той превосходной агитационной неделе, которую Норвежская Рабочая Партия проводит в знак солидарности с рабочим классом России. На всех рабочих собраниях, устраиваемых за эту неделю, раздаются, как нам сообщают, единодушные требования о снятии блокады с Советской России и возобновления с ней торговых и дипломатических сношений. Рабочие собирают деньги на покупку медикаментов для Советской России. Комитеты пропаганды Юношеского Союза и Студенческих Организаций проводят большую работу среди молодежи. Город за городом втягиваются в эту работу.

Работа Коммунистического Интернационала тем и должна отличаться от „работы“ II го Интернационала, что рабочие одной страны помогают рабочим другой страны делом, а не только парадными резолюциями.

Коммунистический Интернационал уверен, что рабочие всей Скандинавии и всего мира поддержат начинание норвежских рабочих.

Русские рабочие полны чувств братской благодарности к рабочим Норвегии и просят передать об этом вам, товарищи.

Да здравствует международная солидарность рабочих!

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Г. ЗИНОВЬЕВ.

20 Февраля 1920 г.

К ПРОЛЕТАРИАТУ БАЛКАНО-ДУНАЙСКИХ СТРАН, К КОММУНИСТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ БОЛГАРИИ, РУМЫНИИ, СЕРБИИ И ТУРЦИИ.

ОТ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Коммунистический Интернационал с радостью приветствует коммунистическое движение в балканских странах. Блестящая победа Болгарской Коммунистической Партии на выборах в Собрание, массовые рабочие стачки и демонстрации, происходившие в последнее время во всей Болгарии и кончавшиеся часто кровавыми столкновениями с армией; волна экономических и политических забастовок в Румынии, продолжавшаяся втечение года; выступления Бухарестского пролетариата в декабре 1918 г., кончившиеся расстрелом десятков рабочих; официальное присоединение сербской социал-демократической рабочей партии к III-му Интернационалу, — все эти события ясно свидетельствуют о революционной ориентации, принятой балканским пролетариатом, выразившим свою волю — итти по стопам российского пролетариата, добиваться своей диктатуры и создания Советской власти.

Окончательный разгром русских белогвардейцев, пленение Колчака, полное уничтожение армии Юденича, разгром Деникина, приближение русско-украинской красной армии к Днестру, под'ем революционного движения в Германии, и все более и более намечающееся разложение в рядах капиталистических государств, — все это послужит новым стимулом к развитию пролетарского коммунистического движения на Балканском полуострове.

Победа должна быть за коммунистами. Эта мысль должна запечатлеться глубоко в сознании не только пролетариата, но и трудового крестьянства балканских стран. Для этого коммунистические партии и коммунистические организации балкано-дунайских стран должны рассеять все заблуждения, которые противники освобождения рабочих и крестьян стараются распространить вокруг нашей программы. И в первую очередь нужно опровергнуть излюбленный их аргумент, что вследствие экономической отсталости балканским странам будто-бы суждено остаться вне пролетарской революции. Этому распространенному аргументу балканские коммунистические партии и организации должны противопоставить анализ хозяйственно-политических отношений, создавшихся в балканских странах во время войны и после нее,—отношений, которые с категорической ясностью показывают, что для трудящихся масс балкано-дунайских стран нет другого выхода из создавшегося тяжелого положения, кроме пролетарской революции.

Программа и методы борьбы, которые тяжелым кровавым опытом выковал российский пролетариат втечение трех лет революции, отвечают интересам пролетарских масс во всех странах, в том числе и в балкано-дунайских.

По своему географическому и экономическому положению балкано-дунайские страны давно уже были втянуты в сферу интересов империалистических государств. Стремление цареко-капиталистической России к Средиземному морю, империалистической Австрии и Германии к берегам Эгейского моря, к Малой Азии и Месопотамии, борьба Англии, Франции и Италии за преобладание на Средиземном море, в Египте, на Месопотамии,—все это встречалось и переплеталось на Балканском полуострове, являвшемся центральным узлом дорог к Югу и к Ближнему и Дальнему Востоку.

Кровавая борьба между хищниками за преобладание на Балканах продолжалась десятилетиями. А когда они сами, истощенные, перестали воевать, балканские господствующие классы, превратившиеся в их агентов и коммивояжеров, продолжали вести эту войну уже между собой. Последняя „великая" империалистическая война началась на Балканах. Прелюдией ее была Балканская война 1912—1913 гг., не кончившаяся полной победой ни одной из групп и вызвавшая вступление в войну великих империалистических государств в 1914 г. для окончательного решения вопроса о господстве на Балканском полуострове, о господстве над великими дорогами к Азии и Средиземному морю.

Чтобы вовлечь балканские государства в войну между собой, их империалистические покровители использовали жадность их буржуазии к территориальным захватам, соблазняя их перспективой „Великой Болгарии", „Великой Сербии", „Великой Румынии". Они натравливали национальности одну против другой, ссужали им деньги на вооружение, беря в залог их источники богатств, рудники, гавани, сырье, превращая их фактически в свои колонии.

Война закончилась внешней победой Антанты. Румыния, Сербия и Греция получили громадный территориальный прирост, превышающий в два или три раза их территорию до войны. Болгария отчасти поделена между ее хищными соседями, Турцию ожидает полный раздел, а ее население—судьба еврейского племени: превращение в народ без территории.

Но страны-победительницы в свою очередь должны оплатить покровительство держав Согласия ценой фактического упразднения своей экономической и политической независимости. Кроме десятков миллиардов займов, которые они должны были делать для ведения войны, их государственный долг увеличился еще соответствующими частями долгов Турции и Австро-Венгрии. Боясь за судьбу своих капиталов и своих ценных бумаг, английские, американские и французские биржевики добились через Версальский и Сен Жерменский договоры права контроля и вмешательства в железнодорожные дела и таможенные пошлины Румынии и Сербии. Отдавая на растерзание сербской милитаристской клике, румынскому поме-

щичьему классу и развращенному румынскому чиновничеству миллионы инородцев, болгар, албанцев, венгерцев, немцев, украинцев и русских, парижский Верховный Совет сохранил за пятью „великими" державами право, в случае надобности, использовать национальные меньшинства, как средство давления на Сербию, Румынию и Грецию, для получения всех экономических и политических выгод.

В экономическом и политическом отношении положение народных масс у победителей также катастрофично, как у побежденных. Истратившие все свои средства на войну, исчерпавшие все экономические рессурсы, разорившие промышленность и сельское хозяйство капиталистические правительства балкано-дунайских держав привели народные массы к обнищанию, к поголовному вымиранию, к понижению заработной платы с одновременным колоссальным вздорожанием съестных припасов и мануфактуры.

Все это естественно вызвало со стороны народных низов стремление к отпору — сначала путем забастовок. Надежды побежденных балканских государств, отдавших без протеста свои территории и свои народы под чужое иго, путем жесточайших репрессий сохранить у себя „спокойствие и порядок" — эти надежды тщетны. Тщетны и надежды Румынии, Греции и Сербии получить эту помощь со стороны своих „союзников" за услуги им во время войны. Беспомощные справиться со своей собственной разрухой, восстановить промышленность и транспорт у себя, капиталисты Англии и Франции не будут в состоянии оказать никакой помощи балканским странам. Наоборот, в будущем еще больше они будут смотреть на эти страны, как на источники сырья и рынки для отправки ненужных им товаров. Ограбление до тла балканских государств как „вражеских", так и „союзных", впредь будет ими практиковаться еще с большей беспощадностью.

Борьба за захват румынских нефтяных промыслов между американским капиталом с одной стороны, и англо-французским с другой, ясно показывает, что союзники отнюдь не думают предоставить балканской буржуазии использовать плоды своей победы.

Перспективы будущего, ожидающие балканские народы, благодаря хищнической политике их правительств, еще хуже, чем их настоящее. Новое национальное распределение, происшедшее после поражения Австро-Венгрии и разгрома Болгарии и Турции, осложняет национальную проблему на Балканском полуострове еще больше, чем это было до войны. Под владычество победителей подпало еще гораздо больше чужого национального элемента. И политика национального гнета, политика ненасытного милитаризма вызывает еще более широкое стремление к освобождению. И освободительная борьба примет более широкий размах.

Против владычества сербской чиновничье-помещичьей олигархии восстают одинаково и македонские болгары, и албанцы, и черногорцы, и кроаты, и босняки. Против румынской олигархии будут бороться не только болгарские и турецкие крестьяне из Старой и Новой Добруджи, имущество которых грабят румынские помещики, но еще и венгерцы и немцы в Трансильвании, русские и украинцы в Буковине. Против владычества греческой торгово-спекулянтской и ростовщической буржуазии будут бороться одинаково и албанцы Эпира, и турецкие, и болгарские крестьяне Фракии.

Новый период ожесточенной националистической агитации, национальной травли и национально-буржуазных войн грозит балкано-дунайским народам. Только пролетариат своей победой может предупредить новую катастрофу и освободить трудящиеся рабоче-крестьянские массы от экономического и национального гнета. Только победа пролетарской диктатуры сможет об'единить в одну федеративную советскую социалистическую Балканскую (или Балкано-Дунайскую) Республику все балканские народные массы, освободить их, как от помещичье-капиталистической эксплуатации своей и иностранной буржуазии и колониального рабства, так и от национальной розни. Коммунистическая партия обстоятельствами призвана сыграть на Балканском полуострове роль еще более широкую, чем в однородных капиталистических странах, где не существует национального вопроса. К выполнению этой великой исторической роли коммунизма на Балканах должны быть направлены все усилия балканских коммунистических партий.

В данный, подготовительный к социалистической революции фазис, балканские коммунистические партии должны параллельно со своей внутренней работой обратить самое серьезное внимание на закрепление связи и координацию действий между отдельными балканскими партиями. Опыт Венгерской Социалистической Республики, которая пала потому, что вместо помощи со стороны румынских, юго славянских и чехо-словацких рабочих она натолкнулась на штыки их белых правительств, должен ясно показать, что без тесной связи всех балканских партий между собою победа невозможна.

Второй урок из опыта советских республик, который твердо должны помнить балканско-дунайские коммунистические партии, заключается в необходимости привлечения к коммунистическому движению, наряду с рабочими массами, широких слоев трудового крестьянства: деревенской бедноты и среднего крестьянства. Победа и утверждение Советской власти в Румынии, в Болгарии, в Сербии, в Греции, в Турции, во всех балканских странах будет зависеть от умения коммунистов распространить влияние коммунистической партии на крестьянские массы. Обостренная классовая ненависть румынских, бессарабских и буковинских крестьян к помещикам, ненависть боснийских и хорватских крестьян против беглов-помещиков, сохранивших свою власть так же, как они ее имели при Габсбургах, втягивание деревенской бедноты в Болгарии, Македонии и Фракии в ряды коммунистической партии—решат победу пролетариата на Балканах.

Предвестников близкой революции на Балканах много. Но Балкано-Дунайскому пролетариату недостаточно взять власть в свои руки. Он должен суметь еще ее удержать. Он должен хорошо ознакомиться с опытом пролетарской коммунистической борьбы во всех передовых странах. Он не должен забывать опыта русской пролетарско-крестьянской революции, которая удержалась не только благодаря особым историческим, географическим и поли-

тическим условиям России, но еще и благодаря мощной организации российской коммунистической партии, благодаря высокому умственному уровню и политическому воспитанию организованного российского пролетариата, не прекращавшего революционной борьбы против царизма десятки лет. Российский пролетариат взял власть лишь тогда, когда подготовил себе максимальные условия для победы, максимальные условия, чтобы эту победу удержать. Это возможно будет на Балканах только тогда, когда в каждой из балканских стран коммунистическая партия будет представлять действительно организованную волю пролетариата и когда между коммунистическими партиями всех балкано-дунайских стран будет существовать единый революционный фронт.

Да здравствуют коммунистические балканские партии!

Да здравствует всемирная революция!

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Г. ЗИНОВЬЕВ.

5 марта 1920 г.

СОГЛАШЕНИЕ ОБ ОБ'ЕДИНЕНИИ АМЕРИКАНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И АМЕРИКАНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

1. В целях об'единения обеих коммунистических партий Америки образуется об'единительное бюро в составе 6 товарищей, по 3 от каждой партии.

2. Об'единительное Бюро ставит своей непосредственной задачей созыв Об'единительного С'езда. Представительство на этом с'езде должно быть равномерное для обеих партий, причем в основу должно быть положено число членов, состоявших в обеих партиях к 1 января 1920 года. До осуществления полного об'единения, О. Б. координирует работу обеих партий, проводит общие выступления, создает общие органы печати, распределяет общие материальные средства.

3. На с'езде партия принимает название: Об'единенная Коммунистическая Партия Америки.

4. Верховным органом партии является с'езд.

5. С'езд выбирает Центральный Комитет, который является верховным органом партии в промежутках между с'ездами.

6. В случае необходимости созывается Партийная Конференция, решения которой становятся обязательными только по утверждении их Ц. К.

7. В период борьбы за власть применение партийного референдума является нецелесообразным и должно быть сведено до минимума. Желательно его полное устранение.

8. Национальные федерации, существующие, главным образом, в виду необходимости вести пропаганду среди незнающих английского языка масс, сохраняются для этой цели. Их автономия однако ограничивается, они не имеют самостоятельных и административных функций, за исключением тех, которые предоставлены им партийным с'ездом или Ц. К., авторитету которых они должны подчиняться. Федерации не должны стремиться к тому, чтобы удерживать родившихся заграницей рабочих в особых, изолированных организациях; они, наоборот, должны стремиться возможно скорее вводить их в американские организации. Работников национальных федедераций, достаточно владеющих английским языком, Ц. К. может переводить на работу среди американских рабочих, говорящих на английском языке.

9. Членские взносы в общепартийную кассу уплачиваются через местные отделы партии или через партийные комитеты штатов, но не через национальные федерации. Национальные федерации могут облагать своих членов дополнительным взносом на свои специальные нужды.

10. Вся издательская и пропагандистская деятельность национальных федераций должна подлежать контролю Ц. К. партии.

11. Федерации не пользуются правом исключения, окончательного или временного, своих отделов или членов. Обвинения, выдвинутые против членов или отделов федераций, должны быть представлены на рассмотрение местного партийного комитета, который один только, с разрешения Ц. К., имеет право окончательного или временного исключения членов или отделов из партии.

12. В партии может существовать лишь одна федерация для каждого иностранного языка. Все члены партии, не могущие из-за незнания языка принимать участие в общих отделах, должны войти в состав своей федерации. Федерация не имеет права отказываться от принятия в свой состав отдельного члена или целой организации, без согласия на это Ц. К. или его органов, которым переданы эти полномочия. Исключение члена из федерации влечет за собой исключение его из рядов партии.

От редакции. Настоящий договор выработан Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала при участии представителей обеих вышеназванных партий, и мы уверены, что обеими сторонами он будет принят к исполнению.

Вот образец того, как следует поступать коммунистам: если у них возникают серьезные разногласия, первое, что им надо сделать — это послать в Исп. Ком. представителей обеих точек зрения и попытаться при участии Коммунистического Интернационала разрешить разногласие. Решение Коммунистического Интернационала — закон для каждой коммунистической организации.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

МАНИФЕСТ ПЕРВОГО С'ЕЗДА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА МОЛОДЕЖИ.

К рабочей молодежи всех стран.

Товарищи! Решительный бой за торжество социализма разгорается ярче и ярче.

Небывалые до сих пор забастовки потрясают до основания Францию, Англию и Америку. Все выше и выше вздымаются революционные волны в Германии, Австрии и Италии. Все это ясно указывает на то, что в этих странах речь идет уже не о мелких реформах, не об отдельных уступках. Нет: решается судьба всего буржуазного общества. Теперь поставлен вопрос: быть ему или не быть.

Грозная опасность нависла над капиталистическим миром. Контр-революционеры напрасно пытаются устранить ее беспримерной реакцией, безудержной травлей коммунистов и революционеров, непроницаемой блокадой Советской России. Все острее становятся социальные противоречия. Все более и более разрушается и ослабевает капиталистическое производство. Все отчетливее выявляется полная неспособность буржуазного строя спасти мир от грозящего ему разрушения. И вместе с тем все ожесточеннее становятся попытки капиталистов снова укрепить свою власть, раздавив рабочих посредством политического гнета и военной диктатуры.

Но все напрасно! Непоколебимо стоит Советская Россия. Ее Красная Армия, охваченная воодушевлением, опрокидывает на всех фронтах наемные банды империалистов. В Западной Европе и Америке рабочие массы становятся все революционнее. Все возрастающая нужда, невыносимый гнет политического бесправия и военной диктатуры все больше толкают массы в революционные организации и в коммунистические партии. Все чаще и чаще повторяются массовые стачки, все быстрее следует одно за другим боевые выступления и восстания. Революционная волна подымается все выше. Но мы не обманываем себя. Империалисты могут еще расправляться с революционными рабочими самым жестоким образом. Но никакая сила в мире не может уже воспрепятствовать конечной победе пролетарской революции.

Товарищи! Рабочая молодежь особенно заинтересована в исходе великой, всемирно-исторической борьбы между буржуазией и рабочим классом, между империализмом и коммунизмом. Рабочая молодежь, как часть рабочего класса, терпит всю ту нужду и горе, которые выпадают на долю угнетенных масс. Более того. Молодежь — это будущие граждане. Им придется расплачиваться за грехи отцов. Им придется вынести на себе все ужасные последствия бессмысленного разрушения и опустошения 4½ летней, преступной войны. Им придется испить до дна горькую чашу нужды, вызванной уничтожением хозяйственных и культурных ценностей.

Дальнейшее существование капиталистического общества означает, кроме того, зверскую эксплуатацию пролетарской молодежи, дальнейшее существование рабства наемного труда, политического бесправия и умственной опеки над молодежью. Оно означает новые смуты и войны, в которых интересам капиталистической мощи будут принесены в жертву новые массы здоровых, молодых людей. Только полное уничтожение буржуазного общества освободит рабочую молодежь от грабительской эксплуатации. Только прочная победа пролетарской революции даст ей полную политическую свободу, широко откроет перед нею дорогу ко всем сокровищницам человеческого знания.

Юные товарищи! Вы уже в течение десятилетий, со дней основания первых социалистических организаций молодежи, принимаете живейшее участие в пролетарской классовой борьбе. К этому привело вас не только тяжелое экономическое положение, не только изнурительная работа за верстаком и на фабрике, — к этому побудило вас также неудержимое стремление к разрушению всего старого и к творческой работе. Лучшие представители ваших организаций уже давно старались путем антимилитаристской и революционной пропаганды дать рабочему юношеству, кроме теоретической подготовки, также и подготовку к деятельному участию в классовой борьбе.

Когда вспыхнула война, социал-предатели позорно изменили Интернационалу. Они заключили позорный гражданский мир со своими разбойничьими капиталистическими правительствами. Они головой выдали рабочие массы генералам-живодерам. То были дни позорнейшего унижения пролетариата. И в эти дни вы, молодые, рабочие, первые громко напомнили пролетариату о международном единении. Вы созвали международный с'езд в Берне в 1915 г. Верные боевым лозунгам Интернационала Молодежи, вы начали революционную борьбу против войны. Вы подняли знамя международного социализма высоко над всеми проволочными заграждениями и окопами, над полями сражений и грудами трупов. Борьба потребовала неисчислимых жертв. Вы с радостью принесли эти жертвы. Многие заплатили своей свободой и даже жизнью за свою самоотверженность

и верность Интернационалу Молодежи. Многие погибли под пулями, были казнены по приговорам варварских военных судов и пали от руки трусливых убийц; многие окончили свою юную жизнь в мрачных тюремных стенах. Их имена, имена Карла Либкнехта, Катанези, Мариноцци, Томаса Миб, Макса Борсдерфа и сотен других товарищей, эти незабвенные имена запечатлены навеки в сердцах миллионов рабочих.

Юные товарищи! Современный период революционных битв за осуществление социализма требует величайшего напряжения, величайших жертв. Необходимо сделать выводы, с полной последовательностью вытекающие из всей нашей предыдущей революционной борьбы.

Материальные условия для всемирной революции уже созрели. Победа революции зависит от социалистического сознания масс, от их воли и энергии; прежде всего, она зависит от массы юных рабочих. Необходимо без всяких колебаний применять в революционной классовой борьбе все средства: демонстрации, стачки, создание революционных Советов рабочих и крестьян и, наконец, вооруженное восстание.

Товарищи! Историческая задача нашего поколения заключается в том, чтобы довести до конца пролетарскую революцию и приступить к строительству нового коммунистического общества.

Исход нашей борьбы зависит прежде всего от нашей сознательности, от нашей убежденности, от нашей боевой готовности и решительности. Мы должны без всяких колебаний примкнуть к борцам-пролетариям и стать на платформу Коммунистического Интернационала. Как и во всех прежних стадиях пролетарской классовой борьбы, мы должны и теперь стать во главе масс и пойти впереди их. Мы должны принять самое деятельное участие в подготовке и осуществлении диктатуры пролетариата. Мы должны создать кадры Красной Армии. Из наших рядов должны выйти ученые, техники и художники пролетарского государства.

Молодые товарищи! Интернационал Молодежи сделал уже первый шаг. Он расчистил путь для новой работы: в середине ноября в Берлине состоялся международный с'езд, на который удалось собраться, преодолев неисчислимые трудности, представителям четырнадцати пролетарских организаций молодежи. С'езд состоялся в Берлине, в этом очаге всемирной реакции, в то самое время, когда правительство социал-патриотов пускало в ход танки и пулеметы против рабочих, демонстрировавших за Советскую Россию.

Верный революционным традициям Интернационала Молодежи, с'езд решительно стал на почву Коммунистического Интернационала, открыто примкнув к нему. С'езд постановил все свои силы употребить для дальнейшего углубления и довершения рабочей революции.

С'езд создал необходимые организационные условия для об'единения в международном масштабе. Международное Бюро обновлено в своем составе. Этим положено основание Коммунистическому Интернационалу Молодежи. Боевое об'единение революционных юношеских организаций получило теперь свое осуществление.

С'езд обращается к организациям пролетарской молодежи, ко всем ее группам и отдельным членам с настойчивым, горячим призывом — вступить на путь, указанный Интернационалом Молодежи, присоединиться к принципам, провозглашенным с'ездом, установить тесное боевое единство с Коммунистическим Интернационалом, начать ожесточенную борьбу за победу пролетарской революции.

С'езд призывает к борьбе против буржуазных врагов, против явных и тайных социал-патриотов, против Шейдеманов, Эбертов, Реноделей, Гендерсонов, Тузаров, Реннеров, Аустерлицев, Брантингов, Грейлихов, Гомперсов, а также против Каутских, Бауэров и Робертов Гриммов с их союзами молодежи. Сейчас более чем когда либо необходимо об'единить пролетарскую классовую борьбу в международном масштабе и придать ей одинаковые формы.

С'езд призывает рабочую молодежь всех стран отказаться от политического безучастия, повернуться спиною к союзам питомцев буржуазии и социал-патриотов и примкнуть к революционным юношеским организациям своей страны, а там, где их еще нет, приняться за их основание.

Юные товарищи! Молодые рабочие! Мы вполне сознаем все последствия, которые будет иметь наш призыв. Мы знаем, что капиталистические и социал-патриотические правительства усилят свои преследования. Мы знаем, что демагоги и выжившие из ума опекуны юношества подымут вой о развращении молодежи, мы знаем, что на нас посыплется град клеветы, насмешек и глумлений.

Мы принимаем бой против мира буржуазных врагов, против предателей, изменивших нашему знамени. Никаким тюрьмам, полевым судам и виселицам не задушить наших призывов. Наши дела и наши жертвы заставят замолчать даже палачей.

Конечная победа обеспечена нам всем железным ходом исторического развития. В этом порукой наше понимание истории, наше социалистическое сознание, воодушевление и смелая решительность наших юных сердец.

Молодые рабочие всех стран! Сомкните свои ряды! Об'единяйтесь под красным знаменем Коммунистического Интернационала Молодежи!

Да здравствует Коммунистический Интернационал Молодежи!

Да здравствует Всемирная Пролетарская Революция!

Да здравствует Всемирная Коммунистическая Республика!

Российский Коммунистический Союз Молодежи, Коммунистический Союз Молодежи немцев Поволжья, Коммунистическая Молодежь Польши, Свободная Социалистическая Молодежь Германии, Социалистическая Молодежь Италии, Социалистический Союз Молодежи Мадрида, Социал-демократический Союз Молодежи Швеции, Социал-демократический Союз Молодежи Норвегии, Социал-демократический Союз Молодежи Дании, Союз Коммунистической Пролетарской Молодежи Немецкой Австрии, Чехо-словацкая социал-демократическая организация Молодежи Округа Кладно, Коммунистическая Рабочая Молодежь Венгрии, Рабочая Молодежь Румынии, Социалистическая Организация Молодежи Швейцарии.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ С'ЕЗД РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ.

В полутемной комнате одного из загородных кафэ Берлина открылся с'езд представителей коммунистических организаций молодежи разных стран.

Некоторым из представителей пришлось пробираться через четыре фронта.

Открытие с'езда.

С'езд был открыт председателем организационного бюро.

В кратких словах председатель подчеркивает громадное значение с'езда. Задача состоит не только в том, чтобы реорганизовать на новых началах Интернационал, но также в том, чтобы выработать положительную политическую программу для организации молодежи всех стран. Последние годы борьбы унесли из среды рабочей молодежи не мало жертв. Память об этих жертвах удвоит наши силы в борьбе за лучшее будущее.

На с'езде представлены следующие организации:

Россия (80.000 чл., 2 делегата); Немецкие колонии Поволжья (1.800 чл., 1 дел.); Германия (35.000 чл., 3 дел.); Польша (8.000 членов, 1 делегат); Венгрия (15.000 членов, 1 делегат); Австрия (1.000 членов, 1 делегат); Швейцария (2.000 членов, 2 делегата); Румыния (6.500 членов, 2 делегата); Швеция (30.000 членов); Норвегия (12.000 членов); Дания (12.000 членов); Италия (30.000 чл.)—по 1 делег. и Испания (5.000 чл.—1 дел.); Чехо-Словакия (9.800 членов—1 делегат); кроме того, прибыл представитель и от III Интернационала. Всего представлено 14 организаций—18 делегатами от 219.100 членов.

По избрании президиума принимается следующий порядок дня:

1) Доклады представителей разных стран.
2) Международное положение.
3) Принципиальная и политическая программа организаций пролетарской молодежи. Манифест.
4) Устав.
5) Доклад о деятельности международного секретариата и организационного бюро.
6) Задачи организаций молодежи в период диктатуры пролетариата.
7) Выборы.
8) Разные вопросы.

Представитель Исполнительного Комитета III Интернационала, приветствуя с'езд, указывает на то, что международное об'единение организаций молодежи первое вступило в открытую борьбу с империалистической войной. Представитель Центрального Комитета Коммунистической Партии Германии подчеркивает значение дружной совместной работы германской организации молодежи с коммунистической партией.

После приветствий немецкого, русского и итальянского делегатов, было оглашено письмо от одного из членов Центрального К-та Российской Коммунистической Партии (большевиков).

Было также прочитано письмо от коммунистической партии Венгрии.

Затем организационное бюро предлагает с'езду принять два воззвания: „К русскому пролетариату" и „О жертвах борьбы". Воззвания принимаются единогласно.

С'езд переходит к 1-му пункту порядка дня:

Доклады из разных стран.

Первым докладчиком выступает делегат из России.

Пролетарские организации молодежи возникли после февральской революции в городах и на Урале. Первый с'езд был в октябре 1918 года. С'езд выработал программу организаций. Он об'единил все организации в Р. К. С. М.

На 1-м с'езде было представлено 120 организаций с 22.000 членами,—прислав ших 175 делегатов. Теперь общая организация насчитывает 80.000 членов и 600 отдельных организаций. Возрастной ценз—от 14 до 23 лет.

Исчерпывающий доклад делает представитель немецких колоний Поволжья.

В Венгрии движение усилилось во время войны. Война революционизировала организацию. Сильно помогла этому радикальная интеллигентная молодежь.

Организация окончательно отмежевалась от социал-демократической партии. Широкие перспективы открыла октябрьская революция. На митинге в Будапеште была тогда создана единая организация, которая насчитывала 20.000 членов. Во время существования Советской Республики, организация об'единилась с коммунистической партией. Победа реакции разрушила всю организацию. Теперь движение восстанавливается.

В Польше социалистические организации интеллигентной молодежи играли большую роль в 1905 году. Пролетарское юношеское движение началось только во время немецкой оккупации. Во время господства социал-патриотов не могло быть и речи об открытой работе. Организация находилась в тесной связи с группами молодежи, входившими в состав армии, и с коммунистической партией. Издававшаяся организацией газета „Товарищ" была закрыта после 5-го номера. Последний номер вышел в 12.000 экземпляров.

В Немецкой Австрии „Союз молодых рабочих" перешел в лагерь социал-демократии и не вел никакой борьбы против войны. Многие товарищи, следуя призыву III Интернационала, решительно протестовали против этой тактики и были исключены из организации.

Октябрьская революция дала, наконец, возможность создать коммунистическую организацию. Организация эта тесно связана с партией и ставит своей главной задачей политическую борьбу и агитацию. Приходится бороться и с „Союзом молодых рабочих".

В Чехии организация связана с партией, которая находится накануне раскола. Молодежь настроена революционно. В ноябре пражская организация в Кладно, имеющая 85 секций и 9.800 членов, присоединились к III Интернационалу.

В Румынии организации молодежи еще связаны с социал-демократической партией. Молодежь принимает большое участие в политической жизни. Партия относится к этому неодобрительно. Ощущается большой недостаток в средствах пропаганды. Газета издается два раза в месяц в 4.000 экземпл. Организации финансируются партией.

В Швеции за последние пять лет организации работали с большим под'емом. Раскол в партии привел к расколу молодежи на три группы. Молодежь ведет настоящую коммунистическую борьбу. Агитационный аппарат поставлен очень хорошо. Просветительная работа ведется совместно с центральным рабочим просветительным обществом. Ведется работа и среди детей. Издается детская газета, выходящая в 25.000 экз.

В Норвегии организация построена на тех же началах и работает по тем же принципам. Молодежь примыкает к левому крылу партии.

В Дании организация молодежи только в последнее время отделилась от партии. Социал-демократическая партия пытается создать новую организацию молодежи.

Все три скандинавские организации создали общий Скандинавский Комитет, который ежегодно созывает скандинавский с'езд.

Германия.—В начале войны большая социал-демократическая организация молодежи подпала под влияние социал-патриотов. Только немногие левые элементы составляли оппозицию; в январе 1917 года они об'единились на общегерманском с'езде. Работа шла под руководством Либкнехта. Когда образовалась независимая с.-д. партия, при ней была создана в Берлине организация молодежи. В феврале 1919 года обе организации об'единились под названием „Свободная Социалистическая Молодежь". Активное участие в ноябрьской революции и в выступлении спартаковцев прояснило сознание масс молодежи. На всегерманском с'езде в Веймаре в 1919 году было решено создать новую организацию, признающую программу спартаковцев. Центральный орган „Junge Garde" выходит в 30.000 экз., с сентября—нелегально. Имеется собственное издательство.

В Швейцарии во время пребывания там международного секретариата работа велась организованно. Высылка тов. Мюнценберга и других лучших руководителей и борьба с центральным комитетом партии ослабили организацию. Только в последнее время движение начинает оживляться. На последнем с'езде организация присоединилась к III Интернационалу.

Франция.—Война нанесла большой удар социалистической организации молодежи. Организация департамента Сены вела пропаганду против войны. 16 июня 1917 г. эта организация выделила бюро, которое должно было созвать с'езд организаций Франции. С'езд состоялся 23 июня 1918 года. 20-го мая 1919 года был созван следующий с'езд, на котором обсуждался, между прочим, вопрос об отношении к партии. Решено было также активно бороться против вмешательства в русские дела. Число членов—4.000; в общий союз входят 90 отдельных организаций, примыкающих к III Интернационалу.

Италия.—Организация молодежи с начала войны заняла антимилитаристскую позицию. Поражения на фронте использовались для пропаганды классовой борьбы. Работа в армии была основой всей деятельности организации. Газета „Авангард" выходит еженедельно в 25.000 экз.

Испания. — Организация гор. Мадрида насчитывает 1.500 членов и стоит на платформе III Интернационала.

Были представлены доклады из **Финляндии, Грузии, Америки, Бельгии, Шотландии и Голландии.**

Международное положение.

Представитель Исполнительного Комитета III Интернационала сделал доклад о международном положении. Война окончательно разорила всех ее участников. Капиталисты не могут наладить мировое хозяйство. Оплатить колоссальные расходы мировой бойни некому. Буржуазия хочет переложить всю тяжесть расходов на плечи пролетариата. Весь мир разделился на два враждебных класса. Социал-патриоты окончательно перешли в стан буржуазии.

Перед пролетариатом стоит задача захвата власти. Эту идею выдвигает коммунистическая партия. Необходимо обеспечить ей поддержку большинства пролетариата.

С'ездом были приняты тезисы, предложенные докладчиком.

Программа.

Следующим вопросом порядка дня был вопрос о политической и принципиальной программе. Доклад был сделан председателем организационного бюро. По поводу доклада велись оживленные прения. Принятая с'ездом программа указывает на развитие пролетарской революции во всех странах. Затем указываются причины возникновения движения молодежи и, наконец, большая часть программы посвящена формулировке задач организаций молодежи.—Коммунистические организации молодежи ведут борьбу против социал-патриотов и социалистов центра, с одной стороны, и против анархистов и синдикалистов—с другой. В своей политической борьбе организации молодежи стоят на платформе III Интернационала. Взаимоотношения с партией устанавливаются следующими положениями: 1) самостоятельность организаций молодежи; 2) тесная связь и взаимная помощь. Коммунистический Интернационал молодежи стоит на платформе постановлений 1-го с'езда Коммунистического Интернационала и входит в Интернационал, как его составная часть.

Затем был принят устав.

Доклад международного секретариата.

Доклад международного секретариата и организационного бюро охватывает период с 1915 года. Связь между организациями молодежи, прерванная войной, была восстановлена на Бернской конференции. Последняя сыграла большую роль в истории движения рабочей молодежи.

Бернская конференция, в которой принимали участие Россия, Польша, Германия, Италия, Швейцария и Голландия, призвала массы на борьбу против империалистической бойни.

Секретариат издавал свой орган и назначил день протеста против войны. Позднее к постановлениям Бернской конференции присоединились Дания, Швеция, Швейцария, Румыния, Болгария, Греция, Австрия и Италия. Интернационал молодежи присоединился к Циммервальдской конференции, в которой он принял участие.

Бюро подвергалось правительственным преследованиям. Члены его арестовывались. Бюро было перенесено сначала в Стокгольм, затем в Берлин.

В августе 1919 года было выделено организационное бюро для созыва Интернационала.

Выборы Исполнительного Комитета.

Заслушав доклад о задачах организаций молодежи в период диктатуры пролетариата, с'езд приступил к выборам Исполнительного Комитета.

Избрано было 5 товарищей.

Орган Ц. К. будет носить старое название: „Интернационал Молодежи".

Затем было принято предложение о том, чтобы первое воскресенье сентября месяца было днем пропаганды идей Коммунистического Интернационала Молодежи. Днем памяти Карла Либкнехта было постановлено считать 15 января. Было также принято предложение об учреждении фонда имени К. Либкнехта.

С'езд закрылся пением „Интернационала".

О. В. КУУСИНЕН.

Тов. Отто Вильгельм Куусинен — один из самых выдающихся вождей финляндского пролетариата — принимал участие в основании III-го Коммунистического Интернационала и был основателем Финляндской Коммунистической Партии. Широким кругам товарищей он известен, как автор превосходной работы „Революция в Финляндии" *).

В феврале месяце этого года в Финляндии и в России распространился упорный слух о том, что тов. Куусинен убит агентом финляндской охранки при переходе через финско-шведскую границу. К искренней радости всех, кому дорого дело пролетарской революции, слух этот оказался неверным. Есть основание думать, что, по ошибке, охранники, вместо т. Куусинена, убили кого-то другого. Тов. Куусинен, по полученным нами сведениям, жив и находится вне пределов досягаемости финского правительства.

Каждый год жизни таких борцов, как тов. Куусинен, приближает день смерти международной буржуазии, и мы от всей души желаем тов. Куусинену еще много-много лет жизни на пользу финляндскому и всему мировому пролетариату

*) Переведена на русский, немецкий, французский и английский языки.

Ф. В. КУУСИНЕН

ГЕРОИ и МУЧЕНИКИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

МАРК АНДРЕЕВИЧ НАТАНСОН.

Марка Андреевича я узнала лишь года за четыре до его смерти, и если тем не менее решаюсь писать о нем, то только для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, каким обаянием он пользовался даже среди тех, кто узнал его уже на закате дней его жизни, среди тех, кто принадлежал к другому поколению, к другому миросозерцанию, кто вырос в другой политической и партийной обстановке.

С первого же своего посещения Марка Андреевича, в более чем скромном домике в швейцарской деревушке, я прониклась каким-то особенным, скажу чисто личным, к нему уважением и любовью. К его общему историческому, всем нам известному, облику прибавлялось нечто чисто индивидуальное: он с редкой цельностью и чистотой соединял в себе все черты каторжанина-революционера: каждое его действие, скажу, каждое движение носило отпечаток благородства и идейности. Стремление к равенству и братству, являющиеся основной чертой всякого революционера, глубокая всесторонняя демократичность не только взглядов, но также действий и чувств, брезгливость по отношению ко всякой лжи и к лицемерию, культ товарищеских отношений, молодой пыл революционного восторга и возмущения — этими чертами проникнута была каждая мелочь не только общественной, но и личной жизни этого юноши-старца.

Его недостаточно было бы назвать солдатом революции, хотя таковым он был не только потому, что он всю жизнь добровольно отдал служению ей, но еще и по той дисциплинированности, добросовестности, примерной аккуратности, с которой он исполнял даже второстепенные обязанности, от которых могли бы освободить его и его революционный стаж, и преклонный возраст, и надломленное здоровье.

На всех Циммервальдских заседаниях — я узнала его именно в качестве члена Циммервальдской Комиссии — конференциях, съездах, на всех свиданиях делового характера он всегда был первым, все партийные обязанности он исполнял с классической аккуратностью. Часто, видя его или читая его доклады или письма, я спрашивала себя: какое звено могло связать этого по возрасту уж немолодого человека, пат марка другой партии с нашей семьей, в которой подавляющее большинство были марксисты, предпосылка, методы, идеология которых были для Марка Андреевича чужды, интеллектуально неприемлемы, даже, быть может, неприятны. На этот вопрос,—касавшийся его отношения к Циммервальду, и по существу и во множестве отдельных частностей — у меня был один лишь ответ: Марк Андреевич — не только солдат, но и рыцарь Русской Революции, русского народничества, он—ревниво охранял его революционный престиж. Он не мог не быть вместе с теми — не сражаться с теми в первых рядах, — кто вступил в борьбу с самым ярким проявлением старого строя — с диктатурой империализма, диктатурой насилия, смерти, лжи—с господством того, против чего возмущались и вооружались революционеры всех поколений, всех оттенков... И когда измена, поглощение всего самого гнусного, коснулась и тысяч рядов и рядов его единомышленников — этот рыцарь революции, из любви к ней, для того, чтобы имя его партии перешло в историю незапятнанным, чтобы будущее поколение знало, что и во мгле ночи засверкала искра света, что и в том великом социальном пожаре, которому суждено до тла уничтожить все старое, гнилое, лживое, горел огонек дорогой Марку Андреевичу партии,—для этого он, юноша-старец, мужественно стал на сторону тех, кто зажег всемирный пожар, и, изобличая своих долголетних соратников, предал их гневу и презрению. А по мере того, как социальная революция обновляла Россию,—сделав ее колыбелью социализма, поставив пред всеми гражданами вопрос: за или против народа, а перед революционерами всех оттенков — за или против конца мировой резни, за или против гражданской войны,

тогда опять-таки у юноши-старца не было колебаний. Когда близкие ему ряды поредели, когда размежевание классов вырвало из ближайшей ему среды наиболее близкие и дорогие ему существа,— у Марка Андреевича опять не дрогнула рука, которой он вырезывал из сердца и из памяти наиболее глубоко там вкоренившиеся симпатии, он вновь не убоялся одиночества, он только лишь еще теснее и ближе сошелся с теми из соратников и учеников, у которых ни ураган всеобщего разрушения, ни столь близко от них пронесшийся вихрь измены не вырвал из рук знамени революции.

Марк Андреевич до конца жизни был воплощением борца, для которого престиж революционного движения дороже всего. Русский народ — и знавшая его часть Интернационала—воздадут должную дань благодарности и признательности усопшему Рыцарю Русской Революции.

Анжелика БАЛАБАНОВА.

ПАМЯТИ ГЕН. А. П. НИКОЛАЕВА,

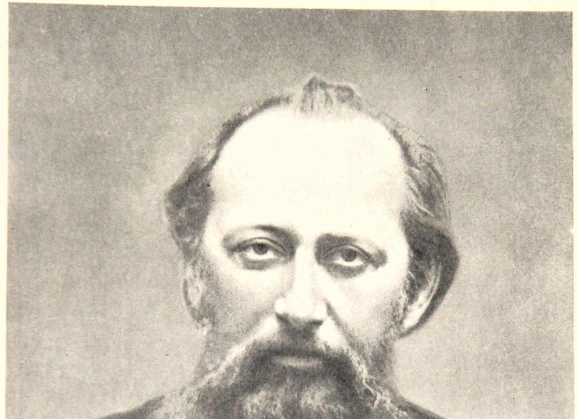
ПОВЕШЕННОГО БЕЛОГВАРДЕЙЦАМИ В ЯМБУРГЕ В СЕНТЯБРЕ ПРОШЛОГО ГОДА.

На Нарвском фронте командовал одной из наших бригад бывший генерал старой армии Александр Панфилович Николаев. Во время наших неудач под Ямбургом товарищ Николаев вместе с другими попал в плен к разнузданному белогвардейскому бандиту Балаховичу. Несколько сот человек были расстреляны и повешены этим последним в Ямбурге. В числе замученных контрреволюционерами оказался и комбриг товарищ Николаев. Местные граждане сообщили товарищам, посетившим Ямбург, и в том числе товарищу Зиновьеву, подробности о смерти товарища Николаева, рисующие его подлинным героем. Бывший генерал царской армии не только не отрекся от своей связи с нашей красной армией, наоборот — бросил вызов в лицо своим палачам и умер с возгласом: „Да здравствует власть рабочих и крестьян!"

Имя товарища Николаева при жизни его было скромным именем, известным только небольшому кругу лиц. Ныне это имя должно стать известно всей красной армии, всей стране. Товарищ Николаев был одним из тех представителей старого офицерства, которые душой почуяли глубокую правду рабочего движения и навсегда породнились с делом Красной Армии и рабоче-крестьянской революции.

Вечная память Александру Панфиловичу Николаеву в сердцах трудящихся масс!

Л. ТРОЦКИЙ.



М. А. НАТАНСОН

ГЕН. НИКОЛАЕВ

КАРЛ ЛИБКНЕХТ
—СОЛДАТ
РАБОЧЕГО БАТАЛЬОНА

КАРЛ ЛИБКНЕХТ
НА
ОРАТОРСКОЙ ТРИБУНЕ

ОТЧЕТЫ и ХРОНИКА

ФРАНЦИЯ.

Горькие плоды победы.

Плоды победы для Франции оказываются горькими. Начало второго года со времени прекращения военных действий застает Францию среди непреодолимых трудностей. Парижские газеты не перестают обсуждать в высшей степени тяжелое финансовое положение страны. Сумма государственного долга достигает 206 миллиардов 600 миллионов франков, а активов имеется всего на 61 миллиард, причем лишь одна четверть этой суммы представляет собой бесспорную ценность, а остальные три четверти состоят из русских и турецких облигаций и т.п. Как же покрыть теперь этот колоссальный дефицит? Правительство прибегает к косвенному обложению, главной тяжестью своей ложащемуся на неимущие массы населения. Это—„политика затягивания пояса на брюхе", говорит один из буржуазных депутатов в газете „Matin" (№ от 24 дек.). Курс французской валюты — самый плачевный. Бельгийский франк стоит на 10—15 сантимов больше, чем французский! К 4-му февраля фунт стерлингов расценивался в 48 фр. (вместо довоенного курса 26 фр.), а американский доллар — в 14 фр. 39 сант. (вместо 5 фр.). Итак, в финансовом отношении союзники не очень-то мило обошлись с Францией... Да,—случается, что и волки заедают друг друга...

И вот, французскому рабочему приходится теперь платить 1 фр. за килограмм хлеба; ему приходится платить 25 сант. за пересылку письма, вместо 15-ти сант.; ездить по железной дороге ему, вероятно, совсем не придется, если только он не выиграет 200 тысяч, ибо пассажирский тариф увеличен для 3-его кл. на 45%, для 2-го—на 50%, для 1-го—на 55% (справедливая пропорциональность!). Товарный тариф повышен на 115%, и эту разницу уплатит, конечно, потребитель. Стоимость железнодорожных акций растет одновременно с повышением тарифов. Эдг. Мильо высчитал в „Humanité", что втечение 20—30 лет железнодорожные компании выкачают из населения не менее 20-ти миллиардов. Таким образом, разруха транспорта отнюдь не отражается на прибылях. А между тем, разруха эта с каждым днем становится серьезнее. Вот, например, какие остроты мы читаем в газетах: „Поезд № 3 прибудет, предположительно, с опозданием не более как на 15 часов" („Journal"). „Поезд, отходящий по расписанию в 8 час. 47 м. веч., отойдет завтра".

В Ницце (в январе с. г.) пришлось приостановить трамвайное движение, вследствие недостатка топлива. В Арденнах, в Шарлевилле, Мезьере, Мооме закрываются заводы оттого, что нет электрической энергии. 20-го января также, ввиду отсутствия электричества, закрылись все фабрики и заводы в западном предместьи Парижа, в Пюто, Коломбе, Леваллуа.

Все это делает момент весьма неблагоприятным для об'явления войны большевикам.

Провал „тигра".

Этим, по нашему мнению, и об'ясняются перемены, происшедшие во французской политике. В конце декабря Клемансо, стоявший на вершине власти, воздвигал проволочные заграждения вокруг большевистской России и клялся, что он никогда не вступит в переговоры с Лениным, что он будет биться с Советской Республикой до последнего поляка. Палата его поддерживала 458 голосами. Вся пресса единодушно заявляла, что он будет избран президентом республики, что 750 депутатов, как один человек, будут голосовать за него. И вот, совершенно неожиданно, 17-го января избранным оказался Поль Дешанель. Об'яснение этого непредвиденного исхода выборов мы находим в газете „Matin", в передовой статье, которую с полным правом можно было озаглавить: „Удар ослиным копытом". „Первый год мира стоил нам дороже, чем целый год войны",—читаем мы в этой статье. Вся жизнь Клемансо была „сплошной авантюрой", „рядом необдуманных, импульсивных поступков". „Франция устала от авантюр". Вот именно! Поэтому то „Франция" и выбрала теперь своим представителем самого посредственного, самого бесцветного, самого „представительного" из французских буржуа,—Дешанеля, который много, очень много говорил втечение своей политической карьеры, но до сих пор так-таки ничего не сказал. Мильеран составил новое министерство, которое, по существу, совсем не ново—„министерство ренегатов", по выражению „Humanité". Пятеро из членов этого министерства — Мильеран, Андрэ Лефевр, Ландри, Ж. Л. Бретон, Купа—начали свою политическую деятельность с измены социализму. Мы видим, таким образом, что традиция Брианов и Вивиани не умерла еще...

Кто знает, - эти ренегаты завтра, может быть, отрекутся от той политики по отношению к России, которую они отстаивают сегодня. Большие консервативные газеты помещают на своих столбцах интервью с Людендорфом и фон-Клюком и обсуждают планы франко-германского союза для борьбы с большевизмом. Для этой борьбы против общего врага, рабочего, Людендорф с радостью готов подчиниться приказаниям Фоша (так буквально и пишут); но проекты этого „Интернационала сабли и денежного сундука" рушатся под ударами побед красной армии, и Мильеран, в свою очередь, начинает поговаривать о возобновлении торговых сношений с Россией.

Забастовки. — Злостные выходки реакции.

Непрерывные стачки поддерживают все время священный огонь беспокойства в трудящихся массах. В Тулузе, в конце декабря, бастовало 15.000 рабочих обувной промышленности. Конфликт этот продолжался более месяца и вызвал в рабочей среде такой взрыв сочувствия, что предприниматели должны были пойти на уступки из опасения общей забастовки. Забастовка работников зрелищ в Париже протекает очень оживленно. Хористы Большого Оперного Театра дают представления в помещении Всеобщей Конфедерации Труда, причем знаменитый композитор Сен-Санс, наделенный щедро немало шума своими бестактными нападками на Вагнера, запретил забастовщикам исполнять свои произведения. Так буржуазия отравляет своим ядовитым дыханием даже великих художников. Железнодорожники, пригрозив всеобщей забастовкой, которую они об'явили на 10-ое февраля, добились сохранения военной прибавки в 720 фр. Шахтеры готовятся к забастовке, требуя пенсии в 1500 фр. и пособий для вдов в размере 750 фр. Они знают, что даже

эту ничтожную подачку им придется вырывать жестокой борьбой. Парижские литографы также готовятся к стачке. Они вынуждены к этому тем, что повышение ставок в их профессии на 110% „отстает" от вздорожания жизни.

В борьбе против рабочего движения капиталисты пускаются на самые злостные выходки. Так, Феликс Потэн увольняет за участие в стачке 1000 рабочих и 150 служащих; компания „Метрополитэна" (городских железных дорог) оказывает на своих служащих всяческие меры давления—вплоть до расчета—для того, чтобы заставить их выйти из профессионального союза (см. газету „Bataille" от 17-го дек.). Реакционное правительство, со своей стороны, борется с революцией такими же мелочными и неумными приемами. Французские власти отказывают анархисту Малатесте в разрешении на обратный проезд в Италию; они привлекают к суду писателя Виктора Сириля и рисовальщика Гальбеца за то, что те в альбоме „Распятые" поместили рисунок, с надписью: „Два Интернационала". На рисунке этом с одной стороны изображен французский генерал, получающий от высшего военного командования приказ о том, чтобы он не бомбардировал город Бриэ, занятый немцами, так как восстановление заводов, находящихся в этом городе, обойдется слишком дорого. На другой стороне союзный военный отряд в Одессе расстреливает Жанну Лабурб, которая удивительно похожа на убитую немцами в Бельгии мисс Кавелль... Здесь два Интернационала: Интернационал финансистов и Интернационал убийц.

Выступление парижских синдикатов.

Интернационал убийц находит себе немало пособников среди самого рабочего класса,—в лице трусливых и колеблющихся элементов его. Равнодушие и лицемерие этих элементов пред лицом яростно ополчившейся на русскую революцию международной реакции начинает в массе революционных рабочих пробуждать чувство искреннего негодования. 29 профессиональных союзов—синдикатов—Парижа, принадлежащих к меньшинству, об'единились теперь для того, чтобы решительно напомнить реформистам об обязательствах, принятых на себя Всеобщей Конференцией Труда на Лионском конгрессе по отношению к русской революции. Они требуют немедленного же без всяких проволочек и без всяких фраз—применения резолюции, принятой по их предложению 7-го ноября Союзом Синдикатов Сены. В резолюции этой говорилось:

„Центральный Комитет Союза Синдикатов Сены постановляет приступить к самой широкой агитации во всем парижском районе за дело спасения русской революции.

...Эта агитация должна иметь своим логическим заключением всеобщую забастовку".

Эти 29 синдикатов следующие:

Сенский Союз Строителей, плотники по железу, каменщики, кузнецы, машинисты, столяры-строители, столяры-мебельщики, металлисты, шлифовщики, землекопы, экипажники, железнодорожники-служащие парижско-руанской жел. дороги, железнодорожники-служащие парижско-лионской жел. дороги, печатники-иллюстраторы, сапожники, художественные токари, скорняки, высекальщики надгробных надписей, учителя, ювелиры, водопроводчики, ревчики по хрусталю, корзинщики, рабочие кирпичных заводов, сенские рабочие иглы.

Успехи III-го Интернационала во Франции.

Третий Интернационал, мужественными поборниками которого являются Лорио, Монат, Шовелон и целая плеяда рабочих-революционеров, совершает свое победное шествие по Франции. В газете „Vie Ouvrière" от 16 января мы находим отчеты первого областного с'езда III-го Интернационала во Франции. На с'езде были, между прочим, представлены—Союз Синдикатов Дроны, Студенческая Организация Революционеров Социалистов, Союз Социалистической Молодежи, Комитет Социальной Защиты, Социалистическая Федерация Роны и целый ряд других местных групп и организаций революционного пролетарского авангарда Франции. Товарищами Метра и Грасье были прочитаны интересные доклады о текущем моменте и о финансовом положении. В своем докладе тов. Метра подчеркнул „доброе согласие, господствующее во всех организациях между анархистами и социалистами, одушевляемыми одной и той же идеей". По отношению к депутатам-социалистам с'езд признал нужным принять меру, выражающую некоторое недоверие: было решено лишить их права решающего голоса в Исполнительном Комитете.

На с'езде социалистов Сены, состоявшемся 23 февраля, группа Лорио одержала блестящую победу. По полученным нами сведениям, Сенская Федерация избрала для участия в Страсбургском Социалистическом Конгрессе 1 представителя правых (от группы Реноделя), 9 центровиков и 15 сторонников III-го Интернационала. Таким образом, большинство парижских социалистов высказалось недвусмысленно за Коммунистический Интернационал.

Газета „Le Petite République" опубликовала недавно следующее глубокомысленное изречение Каутского: „Большевизм, это—бандитизм". И в то самое время, как французская буржуазия с восторгом подхватила эти слова немецкого ренегата, выражающие ее собственное „мнение", известный писатель Пьер Гамп писал в „Humanité":

„Нет в мире силы, которая могла бы вырыть такой ров, через который он (большевизм) не перешагнул бы, воздвигнуть плотину, которую не прорвал бы его поток. Между тем как армии, бессильные победить дух революции, пытаются задушить идею большевизма, идея эта с громким кличем проходит по улицам Парижа, и выборы во французскую законодательную палату происходят под лозунгом—за или против большевизма. Движение, которое мы клеймим презрением и собираемся с такой легкостью раздавить в России, составляет центральный пункт всей национальной жизни Франции". Нам думается, что слова эти прекрасно характеризуют текущий момент: во Франции есть сейчас лишь две реальные силы: реакция и пролетарская, коммунистическая революция.

В.-С.

ИСПАНИЯ.

Революционное движение.

Классовая борьба в Испании принимает сейчас формы, позволяющие, без всякого преувеличения, сказать, что революционное брожение приближается к своему апогею. Повидимому, вся страна — накануне революционного взрыва, хотя возможно, что недостаток сплоченности пролетариата надолго еще задержит этот взрыв. Мы ограничимся простым перечнем фактов, характеризующих общее положение.

В середине декабря положение было таково: в Бильбао забастовка булочников, об'явленная в знак протеста против повышения цен на хлеб, сопровождалась сильными волнениями; в провинции Виттории население само приняло за реквизицию хлеба у крестьян; в гавани Виго замерла вся жизнь вследствие локаута и забастовки в рыболовной промышленности и на консервных фабриках; в Андалузии была в полном разгаре железнодорожная забастовка, и Севилья страдала поэтому от полного отсутствия хлеба; в Хаене каждый день происходили вооруженные столкновения между полицией и рабочими; в Мадриде в связи с трамвайной забастовкой—вооруженные стычки, уличные демонстрации, покушения на полицейских; в столкновениях, имевших место вследствие локаута в строительном деле, было 30 человек ранено и двое убито.

Особенного внимания заслуживают события в Барселоне, где происходит беспощадная борьба между федерацией предпринимателей и рабочими массами, сплотившимися вокруг анархистских профессиональных союзов. Не прекращаются террористические акты, устраиваемые синдикалистами и анархистами, — и самые жестокие репрессии не приводят ни к чему. Убийство известного испанского охранника, бывшего ранее германским шпионом, Браво Бортилью, за то, что он замучил на смерть одного рабочего-синдикалиста, — послужило сигналом к целому ряду покушений. Почти каждый день происходили взрывы бомб в церквах, кафэ и магазинах. Втечение первой половины декабря имело место не менее 10-ти взрывов. 25-го декабря в Мадридской „образцовой тюрьме" (Carcel Modele) вспыхнул бунт. В тюрьму были введены жандармы (гражданская гвардия—guardia civil), открывшие огонь по заключенным; 5 человек было убито и 80—ранено. Через несколько дней после того синдикалисты устроили нападение на проезжавшего в автомобиле видного деятеля федерации предпринимателей Грауперу; один из сопровождавших автомобиль полицейских был убит; нападавшие скрылись. Почти одновременно с этим двое гражданских гвардейцев были убиты неизвестными. Ярость охранителей порядка дошла до того, что они стали открыто поговаривать об устройстве массового избиения организованных рабочих. — Отдельные вспышки революционного террора не прекращаются во всей стране: в Сарагоссе—взрыв бомбы в редакции реакционной газеты; в Гихоне—взрыв бомбы на автомобильной выставке; в Валенсии—убийство известного своей жестокостью полицейского; в Картахене—нападение рабочих на инженера; подобное же покушение—в Севилье. Газеты сообщают о военном мятеже в Сарагоссе, где артиллеристы, с капралом Годой во главе, попытались арестовать свое начальство и вызвать восстание. Руководительство восстанием они поручили революционному анархисту Анхелю Чуэка. Они убили офицера и унтер-офицера. Но порядок скоро был восстановлен. Чуэка пал в борьбе, а с ним вместе погибло еще несколько восставших солдат.—Если дух недобольства уже проявляется в таких формах даже в армии, то ясно, что дни капитализма и монархии сочтены.

В борьбе за свое существование испанская буржуазия прибегает к экономическим и полицейским репрессиям. Так, 22-го декабря во всей Испании был об'явлен всеобщий локаут. Рабочие собрания запрещены. Производятся массовые аресты среди рабочих. Анархистская типография „Жерминаль" подверглась полицейскому разгрому. Закрыта синдикалистская газета „Solidaridad Obrera" („Рабочая солидарность"). В Барселоне власти арестовали и интернировали на военном крейсере наиболее видных деятелей рабочих профессиональных союзов.

Федерация предпринимателей в Барселоне стремится во что бы то ни стало провести следующие меры: 1) лишить рабочих права коллективного договора; 2) устранить всякое вмешательство рабочих в дело регламентации труда; 3) принудить рабочих к более интенсивному труду; 4) положить конец всякой революционной агитации. И прежде всего, она наотрез отказывается признать анархо-коммунистические рабочие союзы.

Союзы в свою очередь, заявляя в своем манифесте о том, что они не желают вступать в какие бы то ни было переговоры с федерацией предпринимателей, ясно формулируют свою цель; эта цель—экспроприация капитала и уничтожение государства.

В этой атмосфере ожесточенной социальной борьбы идеи III-го Интернационала, пока еще слишком мало известные в Испании, встречают в рабочих массах горячее сочувствие. Весьма показателен в этом отношении тот факт, что на социалистическом конгрессе в Мадриде, происходившем 11-12-го декабря, почти все ораторы — даже заведомые социал-предатели—рассыпались в похвалах по адресу Советской Республики. Так, гражданин Бастейра, указав, „какой вполне понятный энтузиазм Советская Республика вызывает в рабочих кругах", и вполне „одобрив все ее деяния", закончил свою речь... призывом к поддержке II-го Интернационала! За предложение о вступлении в III-ий Интернационал, внесенное тов. Ангиано, было подано около половины всех голосов (12530 из 26530). Испанская Всеобщая Федерация Труда на своем конгрессе постановила присоединиться к III-му Интернационалу, „впредь до создания всемирного синдикалистско-революционного об'единения". На конгрессе социалистической молодежи также было принято решение вступить в III-ий Интернационал.

В Мадриде недавно основался выходящий два раза в неделю коммунистический журнал „Nuestra Palabra" („Наше Слово"), стоящий на платформе III-го Интернационала.

В.-С

ПИСЬМО К ЖАНУ ЛОНГЭ И „КОМИТЕТУ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ИНТЕРНАЦИОНАЛА".

В номерах „Populaire'a" и „La Vie Ouvrière" я прочел ссылки на меня, призывающие меня в свидетели. Тронутый вашей дружеской памятью и доверчивым вашим обращением ко мне, я спешу явиться на суд и исполнить свой долг свидетеля, — будучи не только большевиком, но в то же время — и старым другом „Populaire'a„ и „La Vie Ouvrière". Вы знаете ведь мою глубокую привязанность к парижскому „Populaire'y" и к друзьям „Populaire'a", среди которых я насчитываю столько личных друзей, дорогих для меня не только по общему нашему прошлому, но и потому, что я питаю глубокую и твердую надежду встретить их когда нибудь опять в наших рядах, во французском совете рабочих и крестьян.

Не будем преуменьшать значения полемики между вами и нашим добрым другом Лорио; не станем ее сводить к вопросу о том, кто более точен в своих сообщениях о положении во Франции и кто лучше информирует Советскую Россию. Совершенно ясно, что несмотря на все старания наших друзей осведомлять нас как можно лучше, моральный распад Европы после войны, а также блокада, тяготеющая над Россией, — являются причинами того, что мы часто остаемся в неведении относительно той или иной частности политической жизни Франции и действительной роли того или иного лица или органа. Впрочем, политические деятели Франции находятся в таком же положении по отношению к событиям, происходящим вне Франции. Я очень хорошо помню, что еще накануне моего от'езда мы почти ничего не знали не только о том, что происходило в так называемой „вражеской" стране, но и о том, что происходило в соседней, союзной Англии.

Тем не менее, общее положение во всем мире, в целом, представляется нам ясным: везде, во всех национальных разветвлениях старого Интернационала образовались теперь три характерные группы. С одной стороны—старые социалисты, которые с самого начала войны открыто поступили на службу к буржуазии и которые на деле употребляют все свои силы только на то, чтобы поддержать шатающееся здание капитализма и совратить рабочий класс с его революционного пути; с этой целью они примыкают к Лиге Наций или ко II-му Интернационалу, или же принимают тайное или явное участие в буржуазных правительствах. С другой стороны, им противостоят коммунисты III-го Интернационала, которые вместе с той частью рабочего класса, которая сохранила еще нетронутой свою революционную мощь, сплачиваются вокруг русской коммунистической революции и отважно вступают в бой с капитализмом под великим лозунгом коммунистического манифеста: „захват власти пролетариатом и установление диктатуры рабочего класса".

Между этими двумя течениями, выступающими открыто и с полной определенностью, находится во всех странах группа центра. Об'единяя в себе превосходных политических борцов, но насчитывая в своих рядах нередко также ренегатов и предателей вчерашнего или завтрешнего дня, — центр растрачивает свои силы, стремясь достигнуть неосуществимого об'единения между старым и новым миром.

Называют ли они себя „независимыми", как в Германии, — „социалистами бывшего меньшинства", как во Франции, или еще как-нибудь иначе— „центровики" преклоняются перед фетишем единства или же принимают свое собственное бессилие за бессилие рабочего класса, на который они смотрят через очки прогнившего парламентаризма; они никак не могут решиться окончательно порвать с капиталистическим обществом, боясь в то же время потерять доверие трудящихся масс, и поэтому они фатально вынуждены обманывать эти массы.

Выясним, однако, сперва один личный вопрос, который, повидимому, имеет большое значение в ваших глазах.

Дорогой товарищ Лонге и дорогие товарищи из „Populaire'a",— все мы здесь, в России признаем те ценные услуги, которые „Populaire" оказал Советской Республике своей кампанией: он первый, в атмосфере всеобщего одичания, вызванного войною, поднял свой голос в защиту рабочих и крестьян, борющихся за коммунизм. Я знаю лучше, чем кто бы то ни было, — и я сообщил это также всем нашим друзьям, — о тех угрозах и нападках, которые навлекла на вас эта кампания со стороны врагов рабочего класса. В первом своем публичном докладе о положении во Франции, сделанном мною в пленарном заседании Московского Совета, я говорил об этом с искренним восхищением, и в своем радио, которое, я надеюсь, дошло до вас, Московский Совет с глубокою признательностью приветствовал кампанию „Populaire'a". Но сейчас уже речь идет не о судьбе Российской Советской Республики, а о международном движении рабочего класса во всем мире, между прочим — и во Франции. Благодаря сочувствию всех сознательных рабочих и крестьян к русской революции, — русские рабочие и крестьяне могут, опираясь на свои штыки, думать без тревоги о судьбе своей республики. Сейчас перед нами стоит вопрос о программе и тактике интернационального движения. Вопрос этот возник в связи с созданием III-го Интернационала; он касается уже не одной России, а затрагивает жизненные интересы всего мирового рабочего класса. Рассматривая таким образом международное положение и оценивая под этим углом зрения значение различных социалистических групп всего мира, мы находим, что в общих чертах они повсюду сходны между собою, несмотря

на различные местные особенности каждой страны, которые, конечно, нужно будет всегда учитывать в повседневной политической работе.

Передо мною ваш проект резолюции к предстоящему Страсбургскому конгрессу. В 3-ем параграфе ее вы утверждаете, что внутреннее положение в большинстве стран — революционно, и что состав II-го Интернационала не соответствует этому революционному положению. Вы констатируете, что французская социалистическая партия не может дольше оставаться в той международной организации, в которой Германия представлена только бывшими сотрудниками кайзера и из которой целиком вышли три значительные организации и ряд отдельных фракций. После этих заявлений, в практической части вашей резолюции,— там, где вам следовало бы формулировать для рабочего класса цели борьбы и тактику партии,— вы, вместо програмы, предлагаете рабочему классу стать на защиту 3-ей республики, — республики диктатуры буржуазии, финансовой клики и продажной прессы. Констатировав невозможность оставаться во II-ом Интернационале и признав, что „ни одно из основных положений Московского Интернационала не находится в противоречии с основными принципами социализма; что идея диктатуры пролетариата, долженствующей обеспечить переход капиталистического общества к социалистическому строю, лежит в основе всякого революционного мировоззрения; что институт Советов Рабочих есть, несомненно, наиболее действительное средство для осуществления этого захвата власти", — вы не делаете единственно логичного, ясного и очевидного вывода,—вывода о необходимости открытого разрыва со II-ым Интернационалом и немедленного вступления в III-ий,—а вновь призываете к участию в „переговорах, которые должны вести между собою все эти социалистические партии", т. е. партии Шейдемана, Носке, Вандервельда, Брантинга, Реноделя, Тома и др.,— переговорах, которые не соответствуют уже ни революционному положению, ни направлению III-го Интернационала.

Вы братски приветствуете русскую революцию и одержанные ею победы (боясь, очевидно, открыто приветствовать победы Красной Армии). Приветствие это, очевидно, предназначается для Поля Фора, Дюнуа, Рену и других отважных революционеров-коммунистов, попавшихся на удочку „потерявшего теперь всякий смысл слова — единство", как пишет Реймонд Лефевр в пламенной статье, помещенной им в „La Vie Ouvrière". Но сколько старых, злобных оговорок предшествует этому приветствию по адресу русской революции,— оговорок, указывающих на „невозможность узнать вполне точно, во всех подробностях о событиях и результатах русской революции". Эти оговорки очевидно имеют целью сделать резолюцию приемлемой для делегатов от Верхней Вьенны и всех других, которые пуще всего боятся проявить слишком сильное сочувствие большевистской диктатуре. Есть и еще несколько выражений, весьма странных для интернационалистской резолюции,— вроде, например, призыва к „смелости нашей мужественной расы", которое очевидно расчитано на наших храбрых друзей из департамента Ломжа. Неужели вы думаете, что рабочий класс поймет вас, будет уважать вас и последует за вами, когда вы ему преподносите такие вымученные формулы, полные двусмысленностей, умолчаний и расшаркиваний направо и налево?

Постараемся понять друг друга. Нет ни одного русского или нерусского большевика, который требовал бы от иностранного социалиста, чтобы он в заранее определенный час, немедленно вышел на улицу и устроил революцию. „Коммунистический Интернационал" в ряде статей неоднократно заявлял, что он признает значение различий в положении различных стран. Лидеры III-го Интернационала в этих статьях не требуют от наших иностранных друзей отказа от использования парламентаризма, выборов и всех других средств повседневной, будничной борьбы рабочего класса. Я вспоминаю истинно коммунистическую и революционную избирательную программу, предложенную группой Лорио весною 1919 года, под которой и я подписался обеими руками. Но раз мы признали положение революционным, то необходимо выступить перед рабочим классом с точной и недвусмысленной программой революционного действия,—надо указать ему революционную тактику без компромиссов и слабостей, ясную и испытанную тактику, выработанную марксизмом еще до войны; основные ее требования: парламентская деятельность, проникнутая безусловно революционным духом и использование парламентской трибуны для широкой, энергичной пропаганды среди трудящихся масс, а не для проявления ораторской ловкости перед парламентскими скамьями; беспрерывная организационная и пропагандистская работа среди рабочих и крестьян, в профессиональных союзах и кооперативах так же, как и в армии и во флоте; связывание всех частных вопросов повседневной борьбы, перечисление которых заполняет вашу программу внутренней политической борьбы, — с общим революционном положением и с неизбежно вытекающей из него революционной вооруженной борьбой; революционное углубление каждого частичного конфликта и каждого отдельного события и т. д.

Но само собою разумеется, что для такой борьбы необходимо располагать свободой действий; необходимо также, чтобы все участники борьбы были согласны между собою в вопросах о целях и средствах повседневной борьбы — как внутри страны, так и в рамках борьбы международной.

Совершенно очевидно, что фетишизм единства партии, на которое вы постоянно ссылаетесь, парализует всякое действие. Лонге хочет сохранить единение с Кашеном, Кашен — с Лафоном, Лафон — с Реноделем, Ренодель — с Тома и т. д. Получается хоровод, кружащийся на одном месте, который может только оттолкнуть от себя все, что есть сильного, активного и сознательного в рабочем классе, который противен всякому революционеру, желающему определенного и открытого действия, действия революционного. Или же это „единство" является только предлогом, чтобы замаскировать отсутствие всякой воли к действию,— и в таком случае необходимо разоблачить это как можно скорее, чтобы освободить скрытую энергию,

имеющуюся в партии; или, наконец, это—болезненное самовнушение, об'ясняющееся недостатком доверия к собственным силам партии и к силе рабочего класса; в таком случае надо отбросить его без всяких колебаний и без малейшего промедления.

Дорогие товарищи и друзья, — доказано ли в действительности, что если вы порвете с социалистами „большинства" и вступите в тесный союз с группой Лорио для совместной борьбы, — вы окажетесь более слабыми и ваше влияние на рабочий класс уменьшится? Обратите лучше внимание на трагическую судьбу Мерргейма, который, насколько мне известно, с того дня, как он порвал с левым крылом синдикатов и предпочел Жуо Монату, катится все ниже и ниже по наклонной плоскости. Посмотрите, как этот циммервальдец, привлекавший некогда к себе уважение и симпатии всех революционных элементов рабочего класса,— отказывается сотрудничать в смелой газете „La Vie Ouvrière", нисколько не отказываясь от участия в постоянных совещаниях, и чуть ли не сотрудничая с Клемансо или, по крайней мере, с такими сотрудниками его, как Жуо и др. Благодаря двусмысленности этих разговоров о единстве, не приходите ли вы к тому вредному „конфузионизму", который вы сами бичуете в вашей собственной резолюции и который ослабляет и убивает всякую энергию, всякую волю к действию в душе рабочего класса и вносит такую неясность во все программы, что Тома и Реноделъ могут по прежнему продолжать свою политику порабощения рабочего класса в интересах буржуазии.

Позвольте мне сказать вам прямо и открыто: Лорио вправе гордиться, видя как события оправдывают его тактику, и как французское движение все более и более приближается к коммунистическому учению, которое он, Лорио, защищал с первого же дня войны. Да, Лорио не ошибся, заявив в своей статье, что он спокойно ждет моего свидетельского показания: он знал, — и это необходимо громко заявить перед лицом рабочего класса Франции,— что ему обеспечены всеобщее уважение и полная солидарность коммунистов всего мира как честному, мужественному борцу, и ему и всей его группе. Но всего важнее то, что во всех странах события развиваются, быть может, и не с той скоростью, которая была бы желательна, но с неудержимой силою и последовательностью, вполне оправдывая программу и тактику, проповедуемые III-им Интернационалом во всем мире и Лорио (с его группой) во Франции. Всякий французский революционер должен суметь подняться выше мелких личных счетов, возникающих часто в полемике, и учесть урок, заключающийся в событиях, сделать вытекающие из них выводы, отыскать своих истинных друзей и порвать с священным принципом единства партии, о котором так остроумно говорит Реймонд Лефевр, — с тем священным единством, которое, хотят ли они этого или нет, приводит поклонников его к измене рабочему классу.

Мысль об измене, я уверен, противна „группе восстановления Интернационала". С своей стороны, я не могу допустить, чтобы те товарищи-революционеры, подписи которых я вижу под резолюцией, могли еще долго оставаться в этом ложном положении—более опасном, если хотите, для движения рабочего класса, чем открытое, несомненное предательство нынешних вождей II-го Интернационала: и я, расставаясь с вами, говорю: до свидания в III-ем Интернационале.

А. Кемерер (В. Таратута).

P. S. — Мне особенно неприятно думать, что ни один из членов группы французских социалистов бывшего меньшинства, столь многочисленной, не сумел найти способа пробраться в Советскую Россию в то время, как мы здесь ежедневно встречаем товарищей, приезжающих из всех стран мира. Я обращаюсь особенно к тебе, мой дорогой Поль Фор, и к вам, дорогие друзья — Амедей Дюнуа и Даниель Рену. Я знаю ваше живое восхищение творчеством Советов. Я никак не могу понять ваше покорное примирение с полицейскими запретами. Приезжайте же посмотреть Советскую Россию, истекающую кровью, обрекаемую на муки голода с неслыханной доселе жестокостью, ослабевшую от навязанной ей беспощадной борьбы, но великую и прекрасную в своем могучем творческом порыве, неутомимую и победоносную. Приезжайте и посмотрите, как работает коммунистическая партия; приезжайте поглядеть на ее вождей, почитаемых всем народом. Приезжайте и посмотрите на Красную Армию — единственную в мире армию, которая не разлагается, а крепнет с каждым днем, обнаруживая рост военной силы и коммунистического сознания. Приезжайте и посмотрите, как эта армия, после тяжелых боев, в порыве коммунистического воодушевления, принимается в дни отдыха за работу на фабриках и на полях. Приезжайте и взгляните на четыре тысячи наших национализированных заводов, представляющих 80% нашего довоенного производства, руководимых и управляемых исключительно рабочими, не знающими теперь ни хозяев, ни эксплуататоров. Приезжайте и взгляните на тысячи техников-специалистов, бывших хозяев и директоров, среди которых есть и французы; мы сломили их саботаж, и они должны были склониться перед силой и волей народа, воздвигающего свое здание коммунизма.

Еще раз: до скорого свидания в красном Кремле!

ПРИВЕТСТВИЯ ТРЕТЬЕМУ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ.

Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала получены со дня основания III-го Интернационала до конца марта 1920 г. приветствия от следующих лиц, групп и организаций:

1. От Петербургского Комитета Р. К. П.
2. „ Центрального Комитета Р. К. П.
3. „ 6-й Стрелковой дивизии.
4. „ Моряков Волхово-Ильменской флотилии.
5. „ 8-го с'езда Р. К. П.
6. „ Народных Комиссаров Венгерской Республики.
7. „ группы ирландских революционеров.
8. „ Центрального Комитета Коммунистической Партии Бельгии.
9. „ Н-ского Стрелкового Полка.
10. „ С'езда Финляндской Коммунистической Партии.
11. „ Конференции Мусульманских Коммунистов Туркестана.
12. „ Конференции Н-ской Армии.
13. „ Гарнизона Кронштадтской крепости.
14. „ 8-го Пугачевского Уездного С'езда Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов.
15. „ рабочих водного транспорта Кажинского затона.
16. „ Серпуховского Уездного С'езда Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов.
17. „ Частей Н-ской Дивизии.
18. „ 2-го Всероссийского С'езда Коммунистических Организаций Народов Востока.
19. От красноармейцев коммунистов 16-го Воздухоплавательного Отряда Воздушного Флота.
20. „ рабочих и работниц города Житомира.
21. „ 1-го Северо-Двинского Губернского С'езда Коммунистического Союза Молодежи.
22. „ Джима Ларкина (из Нью-Йорка).
23. „ разных частей Красной Армии.
24. „ Курсантов Петроградского Совета Воздухоплавательных Командных Курсов.
25. „ 1-й Тверской Городской Конференции Красноармейцев и Курсантов.
26. „ 7-го С'езда Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов Орловского Уезда Вятской губ.
27. „ 3-го Чрезвычайного С'езда Бухарских Коммунистов.
28. „ 2-го Шуйского Уездного С'езда Советов.
29. „ Особотдела Н-ского фронта.
30. „ Президиума Чембарского Уездного С'езда Советов.
31. „ 1-го Рязанского Губернского С'езда Р.К.С.М.
32. „ Тобольского С'езда представителей волостных Ревкомов и Исполкомов.
33. 8-го Н-ского Запасного Стрелкового Полка.
34. Железнодорожников Псковского узла.
35. „ 3-го Симбирского Губернского С'езда.
36. „ Московского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов.
37. „ украинских боротьбистов.

Содержание 9-го номера.

стр.

К. Цеткина. Революционные бои 1919 года и борцы революции 1205
Н. Ленин. Заметки публициста 1233
Ф. Лорио. Потише, Лонге! 1241
Г. Зиновьев. Наболевшие вопросы международного рабочего движения. Партия и профессиональные союзы 1243
К. Радек. История одной неудавшейся бунтарской попытки 1257
Ю. Сирола. Национальный вопрос в Финляндии 1267
С. Катаяма. Япония и Советская Россия 1275
Д. Рид. Революционное движение в Америке (окончание) 1281
Ф. Платтен. Открытое письмо к швейцарским товарищам и ко всем рабочим Швейцарии 1295
М. Рафес. Еврейское коммунистическое движение . . . 1299
М. Томский. Очерки профессионального движения в России (продолжение) 1309
Н. Семашко. Охрана здоровья в Советской России . . . 1321
А. Винокуров. Социальное обеспечение в Советской России 1331
Е. Блонина (Инеса). Положение работницы в Советской России 1343

Корреспонденции Коммунистического Интернационала.

Солдат революции. Письмо из Финляндии 1351

Документы Интернационального Коммунистического Движения.

Обращение Ц. К. Венгерской Коммунистической Партии ко всем пролетариям Франции 1355
Ответ Ц. К. Британской Социалистической Партии на обращение Германской Незав. Соц.-дем. Партии . 1358
Обращение Мюзама к Коммунистической Партии 1359
Воззвание к рабочим кожевенного труда всех стран . . 1361
Аграрная программа Германской Коммунистической Партии 1361

Из деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

Обращение И. К. Ком. Инт. к Союзу Индустриальных Рабочих Мира 1369
Ко всем рабочим Германии, Ц. К. Германской Коммунистической Партии и Ц. К. Независимой с.-д. Партии 1381
К рабочим всех стран. О польском вопросе 1393
К пролетариям всех стран. О белом терроре в Венгрии . 1397
Конгрессу французских социалистов в Страсбурге . . . 1399
Работницам всех стран от Коммунистического Интернационала. Ко дню работниц 1401
К рабочим всего мира 1401
Приветствие международному с'езду транспортных рабочих 1403
Скандинавским рабочим, рабочему классу Норвегии, Норвежской Рабочей Партии 1403
К пролетариату балкано-дунайских стран, к коммунистическим партиям Болгарии, Румынии, Сербии и Турции 1405
Соглашение об об'единении Американской Коммунистической Партии и Американской Коммунистической Рабочей Партии 1409

Интернационал Коммунистической Молодежи.

Манифест Первого С'езда Коммунистического Интернационала Молодежи 1411
Международный С'езд Рабочей Молодежи 1415

О. В. Куусинен 1419

Герои и мученики пролетарской революции.

А. Балабанова. Марк Андреевич Натансон 1421
Л. Троцкий. Памяти ген. А. П. Николаева 1423

Отчеты и Хроника.

В.-С. Франция 1425
— Испания 1428

А. Кемерер (Таратута). Письмо к Жану Лонге и Комитету по восстановлению Интернационала 1431
Приветствия Третьему Коммунистическому Интернационалу 1437

Иллюстрации: между стр. 1360 и 1361: Эрих Мюзам; между стр. 1420 и 1421: О. В. Куусинен; между стр. 1424 и 1425: М. А. Натансон, Ген. Николаев, Карл Либкнехт.

ПОПРАВКА: на стр. 1244, 10—11-ая строка сверху, в статье Г. Зиновьева „Наболевшие вопросы международного рабочего движения" вместо слов: „вносятся Ц. К-ом Росс. Коммун. Партии" следует читать: „вносятся автором настоящей статьи".

Петроград, 22-го марта 1920 г.

Первая типография Коммунистического Интернационала. Петроград, Екатерингофский пр., 87